

СПИНОЗА

М. Беленький

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М ГОРЬКИМ

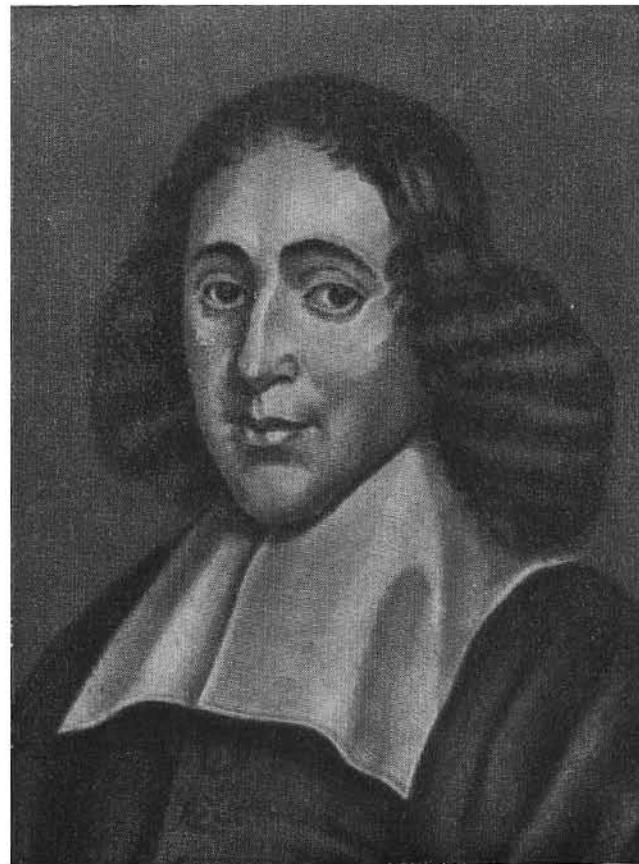
М. Беленький
СПИНОЗА

ВЫПУСК 12
(387)

МОСКВА
1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

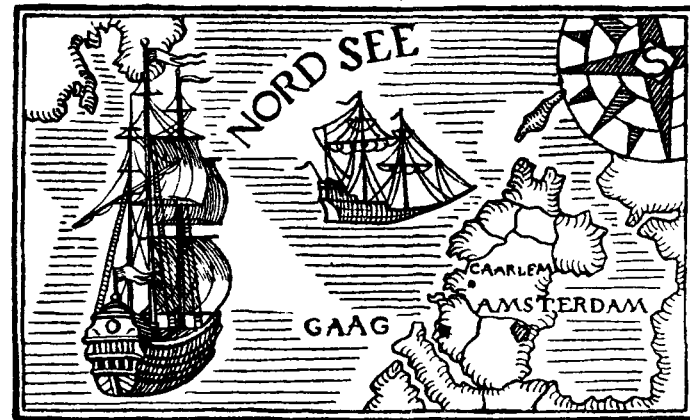
В. Терпигорев

Годы юности и самоопределения

ПОБЕГ ИЗ МРАКА

ЭФ амилия Спинозы происходит от названия одноименного португальского городка. Это память о тех временах, когда евреи в продолжение пяти веков жили на Пиренейском полуострове.

В IX веке арабы захватили полуостров и превратили его в цветущую и передовую страну Европы. Они создали великолепную систему орошения, усовершенствовали горное дело, наладили

производство ковров и тонких сукон. Их корабли вели широкую торговлю и снабжали товарами рынки огромной мусульманской державы, протянувшейся от границ Индии до Атлантического океана. Экономическое процветание Пиренейского полуострова способствовало небывалому развитию

искусств и науки. Только в Кордове было три тысячи школ, богатейшая библиотека, университет. Ученые и философы, переосмыслив творения древнегреческих мудрецов, переводили их на арабский язык.

Покровительствуемые исламом евреи основывали мануфактуры, вели широкую торговлю, выделяли из своей среды искусных ткачей и кузнецов, опытных врачей и переводчиков, философов и поэтов.

С установлением на Пиренейском полуострове власти христиан положение евреев резко изменилось. Католическая церковь объявила войну инаковерующим. 1 марта 1451 года папа Николай V издал буллу, в которой предписал исключение евреев «из христианского общества» и отменил все гражданские права, которыми евреи до сих пор пользовались. А 20 ноября 1451 года в Испании был учрежден инквизиционный трибунал, грозивший истребить огнем и мечом всех, кого подозревали в склонности к иудаизму.

Идея об исключительности папской религии и католической церкви узаконила на территории Испании и Португалии грабеж и разбой. Толпы громил в Андалузии и Кастилии, Гранаде и Кордове от имени креста и кадила истребляли «врагов христианства» — мавров и евреев.

В одной летописи XVI века сказано: «Мне привелось увидеть столь ужасные и жестокие вещи, что я бы им не поверил, если бы не увидел их воочию. Я видел, как монахи бегали с крестом в руке и кричали: «Милосердие! Милосердие! Кто хочет поддержать христианскую веру, тот да придет к нам. Мы боремся против евреев и хотим перебить их». Крест стал знаменем убиц, которые врывались в дома мавров и евреев, живыми или мертвыми вытаскивали их на улицу и волокли к костру. «Благочестивые» приверженцы христианства убивали, грабили, бесчестили женщин и девушек.

Спасаясь от преследования, люди, в том числе и предки Спинозы, принимали католицизм. Новообращенных называли маранами.

«Не небесные, — отмечает советский историк

Е. Г. Лозинский, — а земные блага сулила им церковь, не любовью и милостью манила она их к себе, а страшными угрозами и тяжелыми карами, не об исцелении души, а о приумножении своей паствы заботилась она, и не религиозные истины и нравственную чистоту внушала она пришедшим к ней сынам, а трусливое лицемерие и гнусную измену».

Тысячами люди гибли в пламени костров и в тюрьмах, но все это бледнеет по сравнению с тем, во что превратилась инквизиция, когда 17 октября 1483 года во главе ее стал патер Томас Торквемада.

Во всех городах Испании были созданы инквизиционные судилища. По воле патера инквизиционные органы были переданы фанатичным доминиканцам — «псам господним», — готовым к самым ужасным зверствам.

Наконец в 1492 году был издан эдикт о полном изгнании евреев из Испании. Мараны покинули Пиренейский полуостров и пустились в опасное плавание к берегам Нидерландов.

ЗОЛОТО ЗВОНИТ В КОЛОКОЛА

Почему эта маленькая страна казалась изгнанникам землей обетованной?

С 1519 года северная часть Бургундского герцогства была включена в империю Карла V, короля Испании. Бургундское герцогство, или Нидерланды, выгодно отличалось от других европейских государств. В стране возникли и успешно развивались капиталистические общественные отношения.

Что послужило стимулом к их развитию?

Английский политэкономист XVII века Вильям Петти пытливно искал причины процветания Голландии. Истоками богатства страны, по мнению ученого, являются:

1. Плодородие почвы. Оно дает возможность интенсивного земледелия на ее территории.

2. Морская равнина Голландии, которая открыта действию ветра. Это обстоятельство определило

строительство ветряных мельниц, экономящих труд.

3. Морское положение страны и обилие болот делает легкой и дешевой ее оборону.

4. Производство мануфактурных товаров.

5. Рыболовство и судоходство. Последнее, говорит Петти, дало нидерландцам возможность «овладеть всеми отраслями торговли, а заморская торговля, питающая их собственную промышленность, позволяет им принудить весь мир обслуживать их предприятия».

«В силу всех этих обстоятельств, — резюмирует английский ученый, — предприимчивые жители Нидерландов привозят к себе для выделки и обработки все природные богатства мира: вест-индский сахар, лес и железо с берегов Балтики, коноплю из России, олово и шерсть из Англии, ртуть и шелк из Италии, пряжу и красящие вещества из Турции. Благословенная страна Нидерландов занята постройкой домов, кораблей, машин, верфей, культивированием плодов и цветов необыкновенных пород».

Частые войны испанской монархии, расточительство двора и дворян требовали постоянного пополнения казны. Покоренное Бургундское герцогство стало важнейшим источником доходов. Оно давало королю колоссальные финансовые средства.

Однако вследствие бесконечных вымогательств и разорительных войн в Нидерландах назрело недовольство, нашедшее свое выражение в восстаниях бюргеров и крестьян, в распространении различных антикатолических вероучений. Капиталистические отношения столкнулись с тесными для них рамками феодальной формации. Королевская Испания презирала бюргера, купца и промышленника. Она возненавидела носителей капиталистического уклада жизни и вступила в борьбу с новыми общественными силами. Карл V шел против бурного течения эпохи. Дело, за которое он взялся, всем ходом истории было обречено на провал.

Отношения между Нидерландами и Испанией приобрели особо острый характер при сыне Карла V Филиппе II (1556—1598), который пытался приостановить капиталистическое развитие Нидерландов

и превратить их в свою колонию. В целях устрашения и проведения колониальной политики Филипп II разрешил иезуитскому ордену обосноваться в Нидерландах, хотя председатель тайного совета Виглиус предупредил его, что эта мера будет враждебно встречена населением страны. Но король не считался с народом, презрительно именуя его сборищем еретиков и пьяниц. «Я предпочитаю, — говорил Филипп, — не иметь подданных, чем иметь еретиков». Король запретил открыто и тайно рассуждать и спорить «о священном писании, особенно в вопросах сомнительных или необъяснимых». В случае нарушения запрета виновные подвергались наказанию: мужчин наказывали мечом, женщин зарывали заживо в землю; собственность еретиков конфисковалась в пользу церкви.

«Путешественники в гостиницы, — писал историк нидерландской революции Мотлей, — дети в школы, трупы на кладбища, нищие в богадельни должны были приниматься не иначе, как с самыми верными ручательствами в их правоверии. Повивальными бабками могли быть только благочестивейшие католички. О рождении ребенка предписывалось заявлять в течение 24 часов, а местные власти обязаны были следить, чтобы новорожденный немедленно был крещен в католическую веру». Ни растить детей, ни хоронить умерших нельзя было, не получив на то свидетельства от духовенства.

Императорский указ уполномочивал нидерландских инквизиторов выслеживать, заключать в тюрьмы и истреблять еретиков и строго следить за выполнением королевских эдиктов, направленных против вероотступников, так как, «помимо вреда для божьего дела, как показывает опыт прошлого, перемена религии всегда сопровождается изменением государственного строя, и часто бедняки, бездельники и бродяги пользуются этим предлогом, чтобы завладеть имуществом богатых».

Королевский манифест в защиту фанатизма, эксплуатации и средневековых устоев был воспринят инквизиторами с огромным воодушевлением. Они разъезжали день и ночь по стране, избивали испу-

ганных поселян, хватали их у домашнего очага, с постели, бросали их в тюрьмы, пытали, вешали, жгли без следствия и суда, нагоняя ужас на всю округу.

История сохранила характерный диалог, состоявшийся однажды между светским судьей и главой нидерландских инквизиторов XVI века Петром Тительманом. Судья с удивлением спросил Тительмана: «Как вы, производя аресты направо и налево, решаетесь ездить один? Что до меня, то я не смею приступить к исполнению своих обязанностей иначе, как с вооруженным конвоем и с опасностью для жизни».

«Э, — цинично ответил Тительман, — вам придется иметь дело с дурным народом, а мне бояться нечего, я ведь хватаю только невинных и безобидных, которые не сопротивляются и даются в руки как овечки!»

Инквизиция стала верховным безапелляционным судилищем, не признававшим над собою никаких законов, никакой власти. С ее помощью феодальная Испания жестоко эксплуатировала Нидерланды — «страну великолепных городов и гаваней, пышных нив и торговых домов». И Нидерланды восстали. В течение нескольких десятилетий (с 1566 года по 1609 год) они вели героическую борьбу и принудили испанскую монархию признать независимость Голландской (по названию наиболее важной провинции Нидерландов) республики.

Война эта по своему характеру была не только народно-освободительной, но и антифеодальной. Завоевав политическую власть, голландская буржуазия приступила к дальнейшему развитию производительных сил страны. Купцы и промышленники строили суконные и льнопрядильные фабрики, пивоваренные заводы, мастерские по производству плюша и по шлифовке алмазов, развивали бумажное производство и типографское дело.

В ходе военных действий Голландия приобрела обширнейшие заморские колонии, ранее принадлежавшие испанской короне. Эти колонии, по словам Маркса, «обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание

этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, которая первой полностью развила колониальную систему, уже в 1648 году достигла высшей точки своего торгового могущества¹. Голландия стала образцовой капиталистической страной XVII века.

Власти Голландии провели ряд мероприятий, носивших ярко выраженный буржуазный характер. Основные из них — освобождение крестьян от крепостной зависимости и обнародование декрета, который разрешал «каждому без различия его нации и языка поселиться здесь и жить согласно своей религии свободно и без помех, за исключением католиков, ибо они являются интриганам и могут вновь восстановить испанскую деспотию».

В страну, провозгласившую веротерпимость, потянулись те, кому грозило изгнание, насильственное крещение или смерть на костре инквизиторов.

ГОРОД КОНТРАСТОВ

Дед Спинозы был в числе маранов, покинувших Пиренейский полуостров и нашедших пристанище на окраине Амстердама — города, в котором нажива была провозглашена последней и единственной целью. Здесь с особой силой проявилась хищническая сущность колониальной системы Голландии XVII века. В гавани теснились суда, нагруженные товарами из всех частей света. Каналы, разветвлявшиеся по городу, подобно артериям, были запружены баркасами, наполненными драгоценными изделиями Индии, Китая, России и других стран.

5 мая 1631 года знаменитый философ Франции Рене Декарт, живший в Амстердаме, писал своему другу Жану Луи Гезу Бальзаку: «Я приглашаю Вас

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 763.

избрать Амстердам своим убежищем и отдать ему предпочтение не только перед всеми капуцинскими и картезианскими монастырями¹, но даже перед всеми прекраснейшими резиденциями всей Франции и Италии и даже перед знаменитыми местами Вашего прошлогоднего отшельничества. Как бы совершенно ни был обставлен деревенский дом, все же в нем будет не хватать бесчисленного множества удобств, которые можно иметь только в городах, и даже само уединение, которое человек надеется найти в деревне, никогда не может быть полным. Ну, положим, Вы найдете ручей, превращающий в мечтателей величайших болтунов, или уединенную долину, радующую и восхищающую взор, но там вместе с тем явится и множество незначительных и назойливых наносящих визиты соседей, еще более нежелательных, чем те, которых приходится принимать в Париже. Напротив, здесь, в этом большом городе, я единственный человек, не занимающийся торговлей; все другие так заняты своими собственными интересами, что я мог бы провести здесь свою жизнь совершенно незамеченным. Я гуляю ежедневно в самой гуще народа так свободно и спокойно, как Вы в своих аллеях; я обращаю не больше внимания на людей, движущихся вокруг меня, чем Вы на деревья в Ваших лесах и на зверей в Ваших лугах; даже шум от их сутолоки так же мало прерывает мои мечты, как журчанье ручья. И если я начинаю несколько размышлять об их действиях, то я получаю от этого столько удовольствия, сколько Вы, когда Вы смотрите на крестьян, обрабатывающих Ваши поля; ибо я вижу, что вся работа этих людей направлена к тому, чтобы красивее устроить место, в котором я живу, и сделать так, чтобы я ни в чем не испытывал недостатка. И если Ваш взор радуется виду множества созревающих плодов в Ваших садах, то тем более восхищает меня здесь вид прибывающих кораблей, которые доставляют нам в изобилии все, что производят обе Индии, и все,

¹ Капуцины и картезианцы — члены католических монашеских орденов

что есть редкого в Европе. Есть ли во всем мире второе место, где можно было бы так легко приобрести все удобства жизни, все достопримечательности, какие только можно пожелать, как здесь? В какой другой стране можно наслаждаться более полной свободой, где можно спать с большей безопасностью...»

Впечатления французского философа напоминают впечатления голландских живописцев, изобразивших на своих полотнах расцвет буржуазной Голландии XVII века, залы Амстердамской биржи и заполнявшую их разноплеменную толпу. Наряду с Амстердамом, восхищавшим Декарта неугомонной суетой толстосумов, купцов и промышленников, проживавших в роскошных палатах и пользовавшихся всеми «правами» и «свободами» грабежа колониальных народов и «своих» трудовых масс, был и другой Амстердам — город ткачей и рыболовов, судостроителей и кузнецов, печатников и матросов, шлифовальщиков, катящих свои тележки с тряпьем, — все это ютилось в грязных и сырых хибарках, расположенных по берегам каналов, куда сваливали городские отбросы. Они были угнетены непосильным трудом, терпели жестокий гнет и были беднее народных масс любого другого города тогдашней Европы.

Рядом с изнеженной роскошью существовала ужасающая бедность.

Скрип корабельных снастей, грохот кузнечных молотков, ткацких и шлифовальных станков, суета торговцев, крики матросов, заунывные крики старьевщиков, катящих свои тележки с тряпьем, — все это делало Амстердам городом контрастов и острой классовой борьбы.

Дед Спинозы не сумел приспособиться к условиям городской буржуазной жизни. Зато сын его Михоэл, унаследовав небольшое имущество отца, быстро уловил секрет наживы, занялся торговлей, разбогател, завоевав почет и уважение соплеменников. Его положение еще более упрочилось, когда он стал видным деятелем амстердамской еврейской общины, ведая ее финансовыми операциями. Вскоре он купил

большой дом на улице Бургвал, где 24 ноября 1632 года у него родился сын, которого назвали Барухом.

ГДЕ ПРАВДА ЖИЗНИ?

В доме Спинозы любили песню. За праздничным столом за субботней трапезой глава семьи громко распевал молитвенные гимны или излюбленные мелодии канторов: «Кол-нидрей», «Агнец жертвенный», «Роза Иакова». Мать Баруха — нежная, хрупкая и болезненная Дебора — выводила задумчивые мелодии, проникнутые печальными воспоминаниями о зверствах испанских инквизиторов:

Меня бросила в темницу
Судей жестоких страшная рука
Свирепым зверям на съеденье.
Когда увижу я спасенье?

Отца Баруха посещали пайщики Вест-Индской торговой компании. Сделки они «обмывали» рюмкой крепкого вина, пели, веселились. И песни этих отцовских друзей не знали уныния и скорби. Они искрились радостью и весельем.

Вслушиваясь в пение родных и «чужих», Барух однажды поделился с матерью: «Все имеет свой голос, свое звучание. Человек поет, и лес поет, и море не умолкает, и металл звенит... А что в них поет? Мелодии плачут и смеются — почему это, мама?» Дебора не очень поняла вопросы мальчика. Она взяла сына на руки, долго ласкала и целовала его. Но ласки не успокоили Баруха. Он уже в детстве умел задумываться над тем, что вызывало тревогу и беспокойство. Что же поет в людях, в воде, в металле? Ему чудилось, что все они имеют поющую основу, какой-то общий им всем музыкальный строй.

Со смертью матери песня покинула дом Спинозы. Отец замкнулся в своем горе, и гости стали реже посещать их дом.

Михоэл Спиноза лелеял мечту увидеть сына в ро-

ди духовного пастыря, оваянного славой и почетом, и решил определить мальчика, когда ему исполнилось семь лет, в семиклассное религиозное училище «Эц-хаим» («Древо жизни»). Обучение здесь начиналось с еврейской азбуки и завершалось трактатами Талмуда.

Возглавлял училище надменный раввин Саул Мортейро, враг науки и прогресса. Он строго следил за тем, чтобы в «Эц-хаим» не проникали «кошунственные» книги, способные свлечь с пути господнего благочестивых учеников.

Самые важные предметы преподавал раввин Менассе бен-Израиль — человек начитанный, фанатик и каббалист, который утверждал, что каждое слово Библии и Талмуда является носителем глубокой тайны и недостижимой истины. Преподаватель училища рабби Ицхок постоянно твердил Баруху, что Библия и Талмуд — книги богооткровенные, священные, их нельзя понять разумом и исследовать, как прочие книги, их можно только благоговейно комментировать.

Спустя много лет Спиноза писал: «Очень многие не допускают и мысли, что в содержание Библии вкралась какая-нибудь погрешность, и утверждают, что бог в силу какого-то особенного предусмотрения сохранил неповрежденной всю Библию; различные же чтения, по их словам, суть знаки глубочайших тайн. Положительно не знаю, говорят ли они это по глупости и набожности, свойственной старым бабам, или же вследствие высокомерия и порочности, чтобы их одних считали обладателями тайн божьих».

Педагоги и ученики «Древа жизни» полюбили Баруха. Их привлекала красота мальчика: смуглое, кроткое и умное лицо, голубые, живые, пронизательные глаза, темные волосы, великолепными кудрями спускавшиеся на шею и плечи. Учителя о нем говорили: «Каково имя его, таков и он»¹.

Первые годы учебы были безоблачными, полными блаженного познания. Спиноза весь ушел в изу-

¹ Барух означает по-еврейски благословенный.

чение Библии и Талмуда. Они увлекали его своими волшебными сказаниями, легендами и мифами, удивительными загадками и тайнами.

Баруху очень понравился дивный рассказ о том, как деревья решили избрать царя. Обратились они, повествует Библия, к масличному дереву: «Царствуй над нами». — «Не брошу я, — ответила маслина, — забот о моем масле, приятном людям и богам, ради того, чтобы надеть на себя корону». Фиговое дерево отвечало, что больше любит свои плоды, нежели тяготы верховной власти. Виноградная лоза сказала, что она не хочет властвовать над ними и оставить ради этого сок свой, «которым веселит богов и людей». В таком же духе ответили и другие благородные деревья. Негодный терновник стал царем, потому что у него были шипы и он мог причинять зло.

Тогда почему же рабби считают царя Давида великим праведником?

Кто он такой? Разбойник, вождь, царь? Или все это одновременно? Когда Давид собрал достаточную дружину, люди ее не захотели оставаться без дела. «Тогда Давид с дружиной перешел ближе к Мертвому морю, к местечку Кармил, около которого паслись многочисленные стада тамошних вождей. Богаче всех был вождь Навал. У него были три тысячи овец и тысяча коз, и была у него жена Авигаил, умная и красавица». Давид послал к Навалу десять человек и поручил им потребовать у него часть его богатств. Но местный вождь ответил резким отказом. Тогда Давид повелел готовиться к нападению. Между тем Авигаил узнала обо всем происшедшем и поспешно отправилась к Давиду, захватив с собою двести хлебов, два меха с вином, пять освежеванных овец, пять мер сушеных зерен, сто кистей изюма и двести связок смокв. В горах она встретила с ним. Грозный разбойник уже направлялся громить Навала. Но Авигаил передала ему подарки и уговорила не трогать мужа. Вскоре Навал был убит богом Иеговой. Давид, узнав, что Авигаил овдовела, велел привести красавицу к себе, чтобы сделать ее своей женой. Авигаил повиновалась воле Давида, а лихой

разбойник стал самым богатым вождем в округе, а через некоторое время и царем.

Яркими красками рисовала народная фантазия своих вождей. Библия же облагораживает их, выдавая любые их действия за богоугодные поступки.

Притчи и легенды, сказки и повествования шлифовали молодой ум Баруха, развивали юношескую фантазию, но уводили от насущных вопросов современности, от злобы дня.

Мальчика радовало, что к некоторым библейским текстам имеются критические замечания философа и поэта Ибн Эзры¹. Хотя они и написаны туманным языком, все же в них проскальзывает верная мысль о том, что «священные письмена» не более чем обычные книги, которые составлялись в течение многих веков при участии людей различного склада ума, разума и темперамента.

Спиноза мог часами просиживать над какой-либо криптограммой Ибн Эзры, стараясь разгадать ее тайный смысл. И в какой восторг приходил юноша Барух, когда ему удавалось понять мысль Ибн Эзры, этого «человека свободного ума и незаурядной эрудиции», понять содержание его замысловатых слов!

В своей ученической тетрадке Барух записал: «Общее правило толкования Писания таково: не приписывать Писанию ничего, чего мы не усмотрели бы самым ясным образом из его истории. Что мы знаем об истории и, скажем, авторе Пятикнижия? Таковым все считают Моисея. Ибн Эзра из всех, кого я читал, обратил внимание на этот предрассудок. Он не осмелился открыто высказать свою мысль, но посмел только указать на это в довольно темных словах. Не побоюсь представить это яснее и показать самый предмет очевидным образом».

Поведение Баруха было безупречным. Он аккуратно посещал «Эц-хаим», вовремя готовил уроки, ходил на богослужения и выполнял требования рели-

¹ Ибн Эзра (1092—1167) — крупный еврейский комментатор Библии, поэт и философ.

гиозного закона. В училище он слыл илуем.¹ Отец, сестры Ревекка и Мириам не могли нарадоваться на своего Баруха. Илуй — шутка ли! Родные при нем не говорили, что он очень одаренный ребенок, но в его отсутствие Михоэл напоминал: «С Барухом внимательнее, ведь он илуй!»

24 ноября 1645 года Баруху исполнилось тринадцать лет. Согласно древнему обычаю в тринадцать лет мальчик становится «Бар-мицва», то есть достигает религиозного совершеннолетия. «Бар-мицва» отмечается весьма торжественно, и отец тринадцатилетнего в присутствии народа читает молитву: «Благословен тот, кто снял с меня ответственность за это дитя». Отныне и вовек сам «Бар-мицва» несет полную ответственность перед господом богом за свои деяния и поступки.

Михоэл Спиноза был спокоен за своего сына: его илуй будет примером благочестия и добродетели, станет «светочем во Израиле». В день «Бар-мицва» Баруха он созвал много людей: старейшин общины, учителей «Эц-хаим», товарищей сына, родных и друзей.

Шумно и весело было в этот вечер в доме Спинозы.

Кто-то запел популярную испано-еврейскую альбораду:

Цветок мой апельсинный! Вставайте от сна
скорей!

Вы слышите, как сладко поет сирена морей!
Это мой милый хочет доплыть до груди моей
Но волны сильно бьются, он далеко от камней.
Хоть день и ночь страдай он, не доплывет он
ко мне! —

Услышал это мальчик, бросается плыть скорей.
— Нет, не бросайся, мальчик, то воля звезды
моей! —

Она бросает косы, по ним он взлетает к ней.

¹ Мальчик в возрасте восьми-десяти лет, легко усваивающий труднейшие тексты талмудических фолиантов и мудрейшие толкования к ним, назывался илуем, то есть гениальным ребенком.

Мальчуганы из училища разыграли нечто вроде пурим-шпила¹.

В зале появилась ватага ребят, разодетых в удивительные костюмы и вооруженных самодельными музыкальными инструментами. То было комическое шествие в стиле староиспанской королевской дефиляды. Впереди шагали музыканты: барабанщик, который бил по козлиной коже, натянутой на бочкообразный цилиндр, и флейтист, играющий на дуде; а посреди шествия шли два гранда: один был одет в красное, другой — в зеленое. У обоих — деревянные шпаги. Далее следовали король и королева в бумажных коронах, а за ними — два пажа, несущие шлейфы, и много ребят.

Раздалась барабанная дробь, к которой вскоре присоединились звуки флейты. Комедианты, обращаясь к Баруху, провозгласили: «Добрый вечер, сеньор!» Спиноза, улыбаясь, ответил им: «Добрый вечер, друзья!» Представление началось. В действие вступили гранды. Первый гранд нараспев продекламировал:

Сеньоры, сеньорины
И вы, сеньориты!
Мы, как артисты, хоть и не очень знамениты,
И писать не большие мастера мы,
И не так уж гладко говорим стихами, —
Но сегодня мы решили
Делать это вместе с вами,
Уважаемые господа и гранды,
Со всеми, кому дороги Нидерланды,
Кто Голландии желает свободы и счастья,
Кто в празднестве нашем принимает участие.

Ребята изо всех сил закричали: «Баруху виват, виват!»

Вступил в игру второй гранд. Чистым детским голоском он спел:

И в Фляенбурге² нет такого,
Кто бы Спинозу не любил, —

¹ Пурим-шпил — инсценировка библейской повести «Сказание об Эсфире».

² Фляенбург — название еврейского квартала в Амстердаме.

Вот и сочинили мы
Этот пурим-шпил..

Пурим-шпил тянулся довольно долго. Взрослые и те были захвачены детской непосредственностью, с которой была разыграна комедия.

Настал час трапезы. Все поднялись, чтобы совершить омовение. Ревекка каждому из гостей подносила большой серебряный таз для омовения рук. Затем все расселись вокруг большого стола, на котором была разостлана «субботняя», расшитая цветами скатерть, были расставлены большие блюда со всякими сладостями и графины с вином.

За столом, как повелевал обычай, «Бар-мицва» произнес ученую речь. Барух привел какой-то стих из Библии и сказал, что в каждой вещи надо искать ее «пшат» — ее прямой и простой смысл. И если даже согласиться с теми, кто полагает, что в словах Писания сокрыты какие-то таинственные намеки, то и в этом случае нельзя забывать, что разобраться в них способен лишь здравый рассудок.

Надо было видеть, какой успех имела его речь! Все поднялись с мест и долго рукоплескали. Гости теснились вокруг Михоэла, выражая восторг и пожимая руки. Много лестных слов услышал он о своем сыне.

Рабби Саул был доволен своим учеником. Он громко продекламировал древние слова: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий». Все восторженно подтвердили его правоту и подхватили приведенную из Исаяи цитату. Она обошла весь стол, каждый по-своему ее толковал, но все сошлись на том, что Барух в самом деле «свет великий». А «Бар-мицва» тем временем почувствовал себя одиноким. Ему хотелось немедленно уйти из этого шумного зала в сад, подышать свежим воздухом.

Наконец гости разошлись. Когда отец и сын остались вдвоем, Барух получил разрешение Михоэла на приглашение какого-нибудь студента — учителя латыни. Латынь — это тот язык, который откроет ему доступ к «положительным» знаниям. Конечно, оговорил свое согласие отец, это не помешает сыну

еще серьезнее изучать кладезь мудрости священных писмен и еще прилежнее посещать училище «Древо жизни».

Проходит несколько лет. Барух жадно изучает латынь, открывшую ему путь в храм науки, и по воле отца все еще посещает «Эц-хаим».

Однажды, возвращаясь из училища домой, Спиноза стал свидетелем потрясающей сцены. На одной из улиц Фляенбурга толпы детей, наученные клерикалами, с камнями в руках гонялись за человеком с бледным, измученным лицом, с седой головой и крепко сжатыми губами. Человек этот напоминал Спинозе затравленное животное, преследуемое злыми охотниками.

Разве такое можно забыть? Долго и мучительно он будет допытываться, кто тот седой человек, почему его преследовали? Где правда человеческой жизни? Почему люди мирятся с жизнью, основанной на насилии и угнетении?

Старшая сестра Ревекка уже давно накрыла стол. Где же Барух? Наконец он пришел. Но к обеду не притронулся и остаток дня провел в уединении.

Ревекка была удивлена. Почему он ничего не ест?

— Пойди побегай в саду, — предложила сестра.

Барух не ответил.

— Тебе говорят, почему ты молчишь?

— Нет, — возразил Барух, — я не молчу, я думаю.

Это было первым выражением подлинного призвания Спинозы: думать, мыслью проникать в тайны бытия, в смысл человеческого существования.

ПРИМЕР ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Врач Даниэль Прада пользовался широкой популярностью. Это был человек интересный и разнообразно одаренный: терапевт и хирург, гинеколог и дерматолог. О нем говорили: «Удивительно счастливая

рука у этого врача!» И действительно, тонкое понимание индивидуальных особенностей больного неизменно помогало Даниэлю безошибочно бороться с недугом.

Прада увлекался не только медициной. Он пристально следил за достижениями естествознания своего времени, преклонялся перед гением Джордано Бруно и Галилея. Любил живопись и музыку, хорошо знал и понимал их. Был добр и умен, внимательно относился к людям, и люди щедро платили ему тем же.

Даниэль Прада жил неподалеку от Михоэла Спинозы. Они были родственники и однолетки. Баруху нравился веселый нрав Прады, его умение рассказывать смешные и грустные истории, его серьезное лицо и светлая улыбка.

У Баруха выработалось правило: на непонятные вопросы неотступно искать ответа, спрашивать, допытываться и добираться «до корня».

Барух знал, что с некоторых пор синагогальная братия и рабби из училища поносят имя Уриэля Акоста. Он даже как-то читал воззвание мудрецов, в котором было сказано: «Господа уполномоченные общин доводят до вашего сведения, что, как им стало известно, в наш город прибыл человек, по имени Уриэль Акоста, который высказывает многие неверные и еретические мнения, поносящие наш святой закон. Если бы эта проказа распространялась только внутри Уриэля, мы бы молчали и сказали бы себе: «Его душа погибнет, и он получит достаточно наказания как в этом, так и в будущем мире». Но его голос распространяется подобно голосу змия, созданному дьяволом на погибель. К нему прислушиваются, рассматривая его легкомысленные слова как нечто возвышенное во Израиле. Поэтому мы, услышав его воинственный крик против бога и учителей его закона, предприняли необходимые шаги для того, чтобы вернуть его к истине. Но, убедившись, что он из чистого упрямства и спеси упорствует в своем пороке и ложных мнениях, решили мы изгнать его из нашего общества, как человека, проклятого богом. Пусть

никто с ним не разговаривает: ни мужчина, ни женщина, ни родственник, ни чужой! Пусть никто не переступает порог дома, в котором он живет! Пусть никто не высказывает ему расположения под страхом подвергнуться такому же отлучению и быть изгнанным из нашей общины!»

Спиноза, однако, не предполагал, что «мудрецы» готовы физически уничтожить своих идейных противников. Уриэля лично он не знал. Поэтому сразу и не догадался, что преследуемый градом камней был именно он, Акоста. Барух решил поговорить с Даниэлем Прадой.

На улицы Амстердама ложились лиловые вечерние тени. Спиноза медленно пересек Бургвал, нашел нужный подъезд дома и позвонил. Дверь открыл сам Прада. Обрадовавшись Баруху, Даниэль тепло его принял. Юноша рассказал о происшествии во Фляенбурге и о том, что ему хотелось помочь этому несчастному человеку, но он чувствует себя бессильным. Спиноза говорил безостановочно, быстро, короткими фразами. Прада внимательно слушал его и понял, что Барух задумывается над важнейшими вопросами жизни, что от него нельзя отделаться одной-двумя ничего не значащими фразами. И Прада рассказал Баруху все, что узнал об Уриэле.

— «Мне приходится жить, — стал Прада цитировать на память «Опыты» Монтеня, — в такое время, когда вокруг нас хоть отбавляй примеров невероятной жестокости. В старинных летописях мы не найдем рассказов о более страшных вещах, чем те, что творятся сейчас у нас повседневно».

Акоста Уриэль. Он сын дворянина Бенто да Коста, сочетавший трезвый расчет с религиозным воодушевлением. Габриэль, так отец назвал первенца своего, получил достойное образование.

«Я, — говорил мне Уриэль, — родился в Португалии, в городе Опорто».

Родители Акосты принадлежали к благородному сословию. Они происходили от иудеев, некогда насильственно принужденных инквизицией принять христианство.

Прада подошел к книжному шкафу, достал небольшого формата книгу и сказал:

— Поэт Самуэль Ускэ, испытавший «прелести» инквизиционного судилища, писал об этом так.

Открыв соответствующую страницу, Прада стал читать:

— «Из Рима привезли дикое чудище, строения столь небывалого и облика столь ужасающего, что одно имя его вызывало содрогание во всей Европе. Тело его было выковано из мощного железа; чудище с ядом смертоносным, с броней непроницаемой; покрыто оно было чешуей, выделанной из металла; тысячи крыл с черными ядовитыми перьями поднимали его над землей, тысячи ног гибельных приводили его в движение, морда его принимала облик морды львиной, частью облик грозных змиев, рожденных в пустынях африканских; зубы его огромные подобны были клыкам сокрушительнейших слонов; глас его, свист его убивали быстрее, чем ядовитый василиск; очи его, пасть его извергали безостановочно пламя всепожирающее; пищей, коей насыщалось оно, были тела человеческие; где появлялось оно со своей тенью могильной, возникали туманы; где солнце показывалось во всем блеске своем, след, оставляемый сим чудищем, претворялся во мрак стынущий; где пролетало оно, зелень, коей оно касалось, древа, где ставило оно ступни свои, высыхали и погибали; своим клювом всепожирающим вырывало оно их с корнем; ядом своим опустошало оно все области, где только появлялось, превращая их в пустыни, где ни одно растение не может произрасти, где ни одна трава не может пробиться».

Ты понял, надеюсь, что такое инквизиция? — заключил Прада, закрыл книгу и поставил ее на место.

— Да, понял.

— Хорошо, мой мальчик. Так вот, слушай дальше. Отец Уриэля был ревностным христианином и страдал приступами религиозного фанатизма. Однако он любил жизнь и жил на широкую ногу. В деньгах у него недостатка не было, а в конюшне стоял благородный испанский конь для верховой

езды. Мастер ездить верхом, он и сына своего обучал этому искусству.

От отца Уриэль унаследовал жизнерадостность, расчетливость, умение приспособляться к обстоятельствам, а от матери — чувствительность и склонность к милосердию.

Мать Акосты сыграла важную роль в становлении и развитии его характера.

Родители ее, как и предки ее мужа, вынуждены были принять христианство. Однако возбуждение, вызванное насильственным крещением, в их семье не скоро улеглось. Ее отец, свободолюбивый и вольнодумный человек, проявлял полное равнодушие к вопросам религиозного культа. В семейном кругу он откровенно хулил бога и церковь, принуждавших веровать в свои поучения и догматы огнем и мечом. Мать Уриэля любила своего отца и разделяла его взгляды. Став женой Бенто да Косты, она не теряла надежды, что с помощью мужа и его друзей, влиятельных юристов — выходцев из маранов, можно будет добиться от папы отмены осуществленного силою крещения. Надежды оказались тщетными. Бенто и слышать не хотел о возврате «к вере отцов». Новообращенный был преданным папизму «рабом божьим»...

Вокруг воспитания Уриэля происходила тайная война. Отец обучал его «некоторым искусствам, как подобает благородным людям», заставлял часто молиться, читать душеспасительные книги.

Мать прививала сыну чувство человеческого достоинства, нежное и доброе отношение к истории своих предков, страсть к истине и любовь к справедливости. Благодаря влиянию матери Уриэль смог честно мне сказать: «Неблагородные помыслы были чужды моему духу, и я не был свободен от гнева, если этого требовала справедливость. Поэтому я был противником гордых и высокомерных, которые из презрения и только своей силой привыкли чинить обиды другим; я старался принимать сторону слабых и охотно становился их союзником».

Уриэль был на стороне матери, сердцем он пони-

мал ее скорбь и стремление к воссоединению со своим народом, живая история которого составляла сплошной мартиролог. Юноша Акоста знал, что отец не прощает мать за ее причуды и непостоянство, за ее желание покинуть «святую церковь». Это обстоятельство еще больше привязывало сына к матери. Но властвовал над ним отец.

Бенто входил в состав Союза терциариев святого Франциска и в соответствии с задачами союза активно распространял католицизм среди мирян. В доме у него была великолепная молельня. Ее стены, обитые шелком, были увешаны картинами библейского содержания. Потолок был исписан сценами из жизни Христа. А сам господь ослепительно сиял на кресте, прибитом к стенке, где находился алтарь. К этой молельне по воскресеньям приходили священники и члены союза. Отец Уриэля их охотно принимал. Они долгими часами читали Евангелие, пели псалмы, молились. А мальчик Уриэль по приказу отца должен был присутствовать на всех собраниях «братьев во Христе».

Один из священников, пожилой падре, полюбил Уриэля. Он его сажал к себе на колени, проверял, умеет ли он креститься, и постоянно внушал: «Мальчик должен вести себя примерно, бояться бога и слушаться отца».

Как только Уриэлю исполнилось десять лет, отец поместил его в католическую школу, где мальчика заставляли зубрить «закон божий» и три раза в день молиться.

Проходили годы. Уриэля переводили из класса в класс. По окончании школы для завершения образования его определили в Коимбрский университет, на факультет канонического права.

Акоста прибыл в Коимбру в 1600 году. Восемнадцатилетнего юношу радовало освобождение от отцовской опеки. Статный, с большими честными глазами под высоким лбом, он сразу же завоевывал расположение окружающих. В университете и в доме, в котором он остановился, много было разговоров о новом абитуриенте.

Любезная сеньора, хозяйка гостиницы, лично готовила ему самые изысканные блюда, знакомила его с постояльцами и старалась почаще попадаться ему на глаза. Однако новичок из Опорто либо не понимал причин этого внимания, либо просто оставлял ее ухаживания без ответа. В Коимбру он приехал отнюдь не затем, чтобы пополнять сундук своих прегрешений, а в поисках знаний и внутренней свободы, столь необходимых ему для развития.

Сложны искания молодых, — продолжал, Прада свой рассказ. — Старшее поколение кабальеро принимало горячее участие в сколачивании великой и могущественной державы, которая распоряжалась бы всеми сокровищами Старого и Нового Света под скипетром Филиппа II. Дворяне охотно шли во флот, гордо окрещенный «Непобедимой армадой». Но после того как в 1588 году на пути к берегам Англии значительная часть кораблей Армады погибла в водах Северного моря, воинственный пыл знати несколько поостыл.

Большинство благородных кабальеро — современников Акосты — забросили мечты о военной карьере, не ломали себе голову витиеватыми оборотами схоластической философии и не сочувствовали странствиям рыцарей типа Дон-Кихота. Это были люди трезвые и расчетливые, которые искали трезвых и реальных дел для приложения своих сил. Но попадались среди них и такие, которые задумывались над важнейшими проблемами эпохи.

Уриэль принадлежал к той немногочисленной плеяде новых людей века, чей «гений пламенный и смелый», обогащенный светской культурой, восстал против феодального гнета, против тех догм, которыми церковь столь щедро пичкала человечество.

«Кто я такой? — задавал себе вопрос молодой Уриэль. — Люди моего поколения должны быть готовы умереть за великие идеалы».

Природа наделила Акосту великолепными способностями, а с детства он был настолько проникнут верой в бога, что страстно стремился выполнить все

предписания церкви, дабы избежать вечной кары. Он принялся за тщательное изучение Евангелия и других книг священного писания. Но странное дело — чем глубже пытался он вникнуть в их суть, тем больше трудностей и сомнений вставало перед ним.

В университете он под руководством наставников усердно трудился над «Summa theologica» Святого Фомы и сочинениями других отцов церкви.

Однако через несколько месяцев после поступления в университет Уриэль вынужден покинуть Коимбру. Уже в феврале 1601 года чума, свирепствующая по всему Пиренейскому полуострову, загоняет его обратно в Опорто, к отцу.

Поверхностное знакомство с сочинениями отцов церкви только укрепило в нем веру в христианские догматы о загробной жизни и спасении души. Сомнения пришли несколько позже...

Пребывание в родном городе затянулось до 1604 года. Все это время чума свирепствовала в Опорто и окрестностях. Добрые христиане — местные жители молили всевышнего о пощаде, с надеждой обращая свои взоры к небу, но небеса молчали. Среди отчаявшихся людей все чаще стали поговаривать о том, что только колдовство может принести спасение...

В среде маранов упорно держались слухи, что только вмешательство великого каббалиста способно избавить Пиренейский полуостров от божьей кары. Называли даже имя этого каббалиста — Леви ибн Бецалел. Это он согласно широко распространившейся легенде создал из глины человека — голема, вдохнул в него жизнь при помощи куска пергамента, исписанного именами ветхозаветного бога, и теперь голем служит ему верой и правдой.

Глиняный истукан могуч и всемогущ. Для него нет ничего невозможного. Стоит только великому каббалисту приказать ему, и он в два счета уничтожит всех насылателей чумы и прочей нечисти. Шутка ли, голем!

В Праге, далеко от Опорто, живет Леви ибн Бецалел. Но имя его широко известно за пределами Че-

хии и Моравии. Куда только не дошла слава о творимых им чудесах!

Послушайте только, что рассказывают о нем.

В древней Праге, в районе, известном под названием «Старого города», в 1602 году, в дни, когда зацвели первые цветы, разразилась страшная эпидемия. Чума не щадила никого, но чаще всего она наведывалась в хижины бедняков, много гибло от нее стариков и молодых, но больше всего уносила она детских жизней.

Господь всеведущ, думали люди Старого города, он мудр и справедлив. Ему дано казнить своей карающей десницей за прегрешения. Но почему господь гнев свой обрушивает на головы невинных детей, чем они успели прогневить его?

И вот настал день, когда старейшины города пришли к Леви ибн Бецалелу с просьбой защитить их детей от гибели. Великий каббалист ответил им, что все в руке провидения, но вопли матерей и стоны детей вынуждают его вступить в единоборство с Сатаной.

Этой же ночью Леви ибн Бецалел призвал к себе голема и велел глиняному истукану отправиться на кладбище и поймать там душу недавно умершего ребенка. Леви ибн Бецалелу известно было поверье о том, что над могилами умерших детей по ночам появляются их души, распеваящие гимны в честь всевышнего, восхваляя его доброту и справедливость...

Голем выполнил приказ своего повелителя. Он предстал перед каббалистом, держа в руках трепетную душу девятилетнего мальчика. Чернокнижник спросил у ребенка:

— Кто виновен в твоей гибели, ведь об этом должны знать на том свете?

— Души умерших не смеют открывать смертным тайн загробного мира.

— Я требую от тебя этого, — властно сказал Леви, — мне нужно знать, по чьей вине Сатана губит столько невинных душ!

— Не могу, рабби, не могу! Железными прутьями будут сечь меня за это! — взмолился мальчик.

— Вернись к себе, ты скажешь, что это я, Леви ибн Бецалел, повелел тебе раскрыть тайну. И тогда я один буду в ответе перед всевышним. Говори!

— О рабби, — шепотом произнесла душа ребенка, — грех, великий грех всему виною! Нам, детям, и не понять, что это за грех такой... Но взрослые говорят, что гнездится он... — и мальчик испуганно замолчал.

— Где, где он гнездится? Где искать мне сосуд греховный? Договаривай!

— Взрослые говорили о том, что там, на пустыре, стоит заброшенный домишко, а живет в нем некий Гамлиил... Отпусти меня, рабби, я сказал все, что знаю.

И Леви ибн Бецалел приказал голему отпустить душу мальчика.

«Гамлиил, неужели горбун Гамлиил, мой любимый ученик? Пустое, этого не может быть! Здесь что-то не так».

Но сомнения и тревога запали в душу старого рабби. С наступлением зари он отправился в синагогу и провел там весь день в молитвах и размышлениях. А когда на улицах города наступили вечерние сумерки, рабби вместе с големом отправились к знакомому домику на городской окраине. Без труда отыскали они пристанище горбуна. Прежде чем постучать, рабби приложил ухо к двери, и ему послышались какие-то голоса. Рабби постучал, но никто не отзывался. Рабби постучал сильнее.

— Кто там? — спросил голос из-за двери.

Старый Леви сразу же узнал этот голос, ибо это был голос его любимого ученика.

Горбун Гамлиил был настолько безобразен, что ни одна девушка не желала выйти за него замуж. Отвергаемый всеми, бездомный, нашел он приют в школе рабби Леви ибн Бецалела. Здесь чернокнижник посвящал его в тайны каббалы. И Гамлиил удивительно быстро постиг скрытое значение цифр и древних слов. Рабби гордился своим учеником. И кто бы мог

подумать, что тайны каббалы горбун использует во зло ближним!

— Отвори немедленно! — потребовал рабби.

Но дверь по-прежнему оставалась на запоре. Тогда Леви ибн Бецалел повелел голему взломать ее. И когда глиняный истукан выполнил его приказание, греховная картина предстала перед глазами старого мудреца.

Домик Гамлиила был полон музыкантов и блудниц. Столы ломились от яств и изысканных вин. В объятиях горбуна сидела девушка. Они целовались, не обращая внимания на вошедших. И все это в городе, пораженном чумой!

Рабби произнес заклинание, и голем выгнал всех, кроме Гамлиила.

Долго и горестно молчал старый чернокнижник, вглядываясь в лицо своего ученика, но ему так и не удалось разглядеть на нем раскаяния.

— Как смеешь ты использовать свои познания во вред людям? — спросил он, наконец, Гамлиила.

— В чем вина моя, о рабби?

— Позабыв о стыде, ты предаешься разврату и бражничанью, ты наполнил свой дом блудницами и скоморохами...

— Но ведь все это только в моем воображении, рабби!

— Вижу... Но грех остается грехом, даже если его совершают мысленно. И бог наш, Адонай, карает нас за твои утехы. Жизнью детей наших расплачиваемся мы за твои прегрешения, выродок!

— Рабби, вы наставляли меня на путь праведный, и я страстно желал идти этим путем. Но зачем же всеблагодатный господь сотворил меня горбуном? Зачем он дал мне глаза, чтобы видеть, уши, чтобы слышать, руки, чтобы осязать? Зачем наградил он меня сердцем и разумом? Красив божий мир, великолепно все живое на земле! К прекрасному тянется сердце мое, но все отворачивается от меня. Учение, рабби, наделило меня силой, оно дало мне возможность по-новому познать мир и жизнь...

— Горе мне, кого ввел я в триклиний учения и тайн каббалы! Я привел тебя, страждущего, к чистейшему роднику и думал, что ты будешь достоин испить из него. Но ты его осквернил.

— Нет, рабби, это всевышний осквернил мое тело, а я — я лишь очистил его. Я постиг теперь жизнь, я был счастлив, я дышал ароматом тела прекраснейшей из женщин, я целовал ее умные глаза, и она не глядела на меня с отвращением и ужасом, я любовался цветами и наслаждался музыкой...

— Будь проклят ты, нечестивец! — закричал вне себя рабби. Он приказал голему разрушить домишко и заковать в цепи Гамлиила.

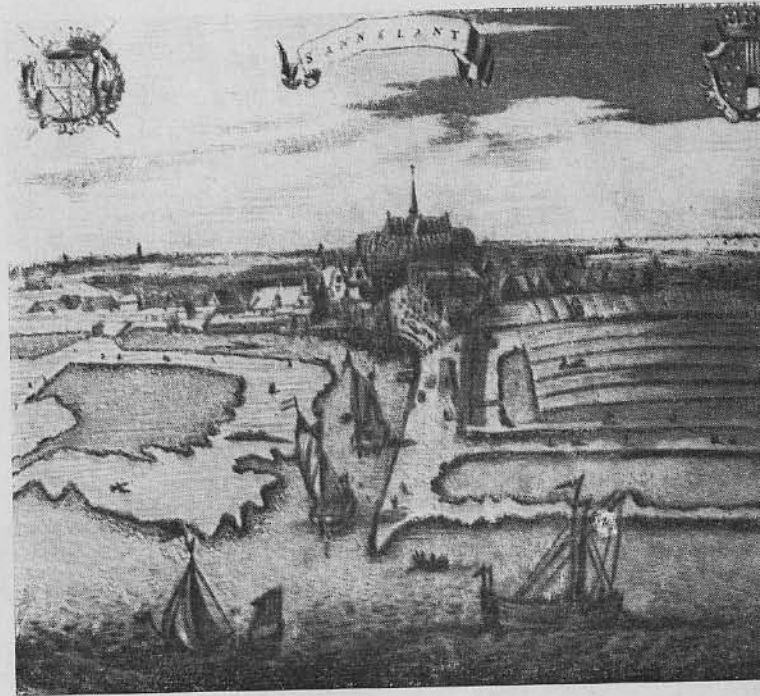
И с той поры исчезла чума в Старом городе...

С быстротой молнии разнеслась по миру весть о чудесном избавлении. Докатилась она и до португальского городка Оporto, где ее и услышал юный Уриэль Акоста. Горожане благоговейно произносили имя Леви ибн Бецалела, а что думал он, Уриэль?

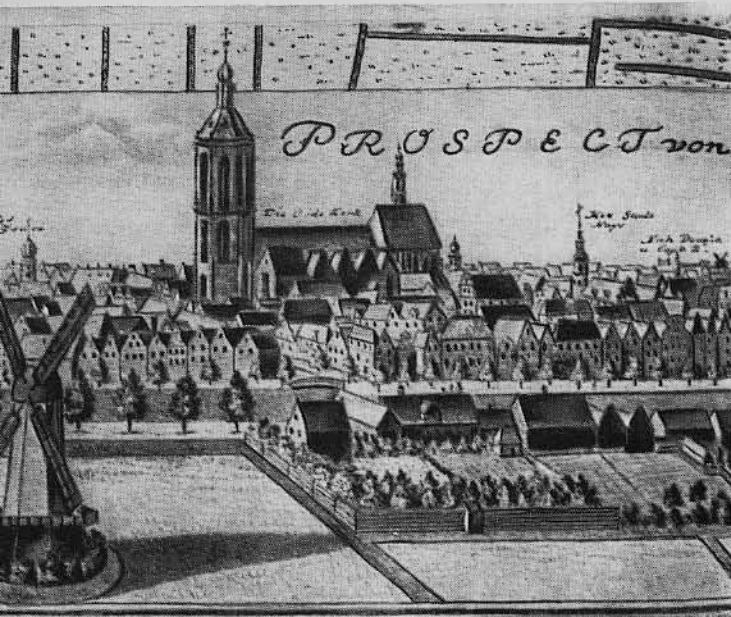
Возможно, что именно она, эта странная легенда, заставила Акосту усомниться в догматах веры, в справедливости и ценности религиозного мировосприятия.

Кто прав? Рабби или его ученик? К чему познание, если оно не призвано исправить жизнь, устранить несправедливость, искоренить зло? Какая мораль выше — естественная, отвечающая насущнейшим человеческим потребностям, или религиозная, вызывающая к умерщвлению плоти, к принижению человеческого начала в человеке?

Я знаком с Уриэлем, история его жизни и страданий мне хорошо известна. По его словам, ему трудно было отречься от религии, в которой он был воспитан с колыбели, но на двадцать втором году жизни у него родилось сомнение: могут ли рассказы о загробной жизни быть истинными, а вера в них согласоваться с разумом? Разум твердил и постоянно шептал на ухо совершенно противоположное.

Польдеры и плотины в Голландии.

Гаага. Гравюра XVII века

— Акоста прав, — вставил Спиноза. — И я так думаю.

Для подкрепления своего замечания Барух процитировал Екклезиаст: «Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом. Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах».

Прада очень обрадовался. Вот он какой, его юный друг! Именно друг, единомышленник, смелый и проныцательный. Среди взрослых такого не сыщешь.

Спиноза просил продолжить рассказ об Акосте. Прада охотно согласился.

— И вот, — продолжал свой рассказ Даниэль, — чума покинула, наконец, Пиренейский полуостров. Можно было возвращаться к прерванным занятиям. В 1604 году Уриэль снова в Коимбре, в благословенном университете. Он окреп и возмужал, но духовно он был надломлен. Смутно сознавая, что все хорошее и дурное в человеке ограничивается кругом его земного существования, он все еще беспокоился о душе. Он все еще верил, что человек состоит из брэнного тела и вечного духа.

Бурно и тревожно протекали годы учебы в университете. Лекции и проповеди наставников подавляли волю, сковывали движения ума и сердца. Попы в профессорских мантиях призывали проклятия на греховную тягу к знаниям, призывали своих подопечных к аскетизму, воспитывали в них презрение ко всему мирскому.

Однако знакомство с историей папизма разоблачало лицемерие церкви и ее учения. Аскетизм — всего лишь маска, прикрывающая честолюбие иерархов. И деяния их шли вразрез с провозглашаемыми истинами. Григорий VII, например, неустанно твердил о христианском презрении к мирской власти. Но это ничуть не мешало ему притязать на верховное владычество над Корсикой, Сардинией, Испанией, Венгрией, Саксонией и даже Россией.

Что характерно для святых отцов?

На словах — милосердие и отречение от всего земного, на деле же — жестокая жажда наживы.

На словах — аскетизм и убиение плоти, на деле — разгул и пьянство.

Учение церкви, пришел к заключению Уриэль, находится в полном противоречии с ее практической деятельностью.

Сделав такой серьезный вывод, он ужаснулся собственной дерзости. А не дьявол ли подсказывает ему эти греховные мысли? Ведь достаточно хотя бы в мыслях усомниться в правильности учения церкви, и душа твоя навечно обречена на адские муки. Уриэль прекрасно помнит основной принцип канонического права: «Действие получает характер преступления не вследствие своего объективного результата, а только вследствие соединенного с ним намерения». Поделись Акоста своими сомнениями с кем-нибудь из наставников, и он тут же получил бы по заслугам.

А наказания для ослушников и мудрствующих лукаво самые разнообразные: малое и большое отлучения от церкви, исключаящие отлученного из общественной жизни; аскетическое покаяние в постах и молитвах; пожизненное заточение в монастырь; сожжение на костре и многие другие.

За подобные богохульные мысли Уриэля следовало бы отправить на костер, предварительно вырвав язык. Но столь ли греховны его мысли? Ведь выводы напрашиваются сами собой. Разве он может запретить себе мыслить? Что же предпринять? Неужто ему следует бросить и университет и каноническое право и вернуться домой?

Уриэль страдал. Любящий жизнь, он понял, что дальше так жить нельзя. Но как выбраться из путаницы встающих перед ним вопросов?

«Так как, — говорил мне однажды Уриэль, — в римско-католической вере я не находил успокоения, а хотел твердо примкнуть к какой-либо, то, зная о великом споре между христианами и иудеями, я просмотрел книгу Моисея и пророков. Там я встретил многое, что немало противоречило Новому завету,

а то, что говорилось богом, доставляло меньше затруднений. При этом Ветхому завету верили иудеи и христиане. Новому — только христиане. Наконец, доверившись Моисею, я решил, что должен повиноваться закону, так как Моисей утверждал, что все получил от бога, а себя называл простым посредником, которого бог призвал или, вернее, принудил к этому служению. Так обманывают детей».

В Португалии свобода вероисповедания подавлялась самым жесточайшим образом. Поэтому Уриэль решил перебраться в Амстердам, где можно было перейти в лоно синагоги без особых трудностей. Между тем Акоста в Амстердаме встретился с нашей общиной, которая строго выполняет чуждые и неизвестные ему традиции и предписания Талмуда.

В Ветхом завете по вопросу, который больше всего занимал Акосту, то есть по вопросу о посмертном состоянии людей, об обстоятельствах воскресения мертвых и загробной жизни, приведены, как тебе известно, очень краткие и весьма туманные данные. Талмуд же всему этому дает полное и подробное описание, как предмету «весьма ясному и определенному».

Твои рабби и другие евреи Амстердама говорят, что смысл земной жизни сводится к тому, чтобы приготовить себя к жизни небесной. Старейшины общины в соответствии с Талмудом на каждом шагу предупреждают, что только душе праведника уготовано место в раю. «Нет удела в грядущей жизни, — проповедуют они, — для того, кто отрицает воскресение мертвых, богооткровенность Торы¹, — для человека, читающего светские книги».

Уриэль, познакомившись с этими проповедями, решил открыто заявить, что он не разделяет учения Талмуда. Раввины отлучили новообращенного от синагоги. При таком положении дела, рассказывал Акоста, он решил написать книгу, чтобы изложить свои взгляды и открыто доказать на основании самой Библии пустоту фарисейских преданий и правил,

¹ Тора — первый отдел Библии.

противоречия этих преданий и установлений закону Моисея. Когда он уже начал свой труд, случилось так, что по зрелом обсуждении он решительно прикинул к мнению тех, которые нисколько не помышляют о загробной жизни и бессмертии души. Старейшины громко поносили Акосту, осыпали его оскорблениями, кричали, что он еретик и отступник, иногда даже толпились перед его дверьми, бросали камни и всячески старались вывести его из себя, дабы он не мог обрести покоя даже в собственном доме.

Преследования не напугали Уриэля. Он был глубоко уверен, что догмат церкви о бессмертии души не более чем миф, и стал самым решительным образом возражать против него. Акоста страстно призвал людей не обманывать себя ложными надеждами на вымышленные блага, отказаться от веры в потусторонний мир. Он пришел к выводу, что человеку не следует думать о несуществующей будущей жизни, а утверждать себя в земной, единственно реальной жизни, ибо в этом, и только в этом, цель и смысл существования. Сколько людей, головы которых набиты ложными мнениями, подвергается мученичеству? Те, кто добровольно ведет бедственную жизнь, жестоко изнуряя свое тело, постоянно терзаясь душевными пытками, уже теперь оплакивают бедствия, которых они с боязнью ожидают в грядущем, — они уже стали жертвами религии.

Раввины предали вольнодумца анафеме. Этот акт отлучения сильно сказался на положении Акосты. В течение десяти лет он жил почти в полном одиночестве, окруженный врагами и ненавистниками. После смерти матери его положение резко ухудшилось. Единственный человек, сочувствие которого поддерживало его в самые тяжелые дни жизни, навсегда и безвозвратно исчез. В этих условиях Акоста рассуждал: «Что пользы, если я до смерти останусь в таком положении, отлученный от общения с этими старейшинами и с этим народом, в особенности будучи пришельцем в этой стране и не имея друзей среди ее граждан, даже речи их не понимая? Лучше войти в общение с ними и следовать по их

стопам, подчинившись их желанию и разыгрывая, как говорят, обезьяну среди обезьян». И он решил вернуться в общину.

На церемонии снятия анафемы с Акосты я присутствовал. Какое это было мрачное зрелище! На алемаре¹ стояли старейшины, в талесах², важные и надменные. Вокруг алемара с нетерпеливым ожиданием толпились люди всех возрастов и характеров, объединенные чувством злобного торжества. Здесь вероотступник Уриэль Акоста должен был искупить свое преступление — отрицание догмата загробной жизни.

Богатые граждане заняли лучшие места в синагоге, расположенные у восточной стены, бедные стояли у входа. В толпе шел несмолкаемый говор. На всех лицах видна была радость, смешанная с сильным любопытством. Старейшины читали проповедь о способности сатаны доводить ученость до гибели. «О друзья, твердо держащиеся Адоная, бога нашего, будем остерегаться! Будем остерегаться науки и всякой другой ереси!» Слушатели многозначительно кивали головами. Но вот толпа смолкла. Служки синагоги ввели Акосту. Вот он здесь! Спокойный, гордый и непреклонный. С бледным и кротким лицом. Его большие ясные глаза были обращены на алемар, куда он вступил без признака страха. По указке рабби Саула он стал читать составленную раввинами записку, содержащую признание, будто он достоин тысячекратной смерти за нарушение субботы, за отпадение от веры, которую он еще более оскорбил, отсоветовав даже другим принимать иудаизм. В искупление своих проступков он согласился впредь подчиниться воле старейшин и исполнить все, что требует закон, с обещанием не впасть вновь в подобные заблуждения и грехи. Затем к нему подошел рабби Менассе бен-Израиль и шепнул ему на ухо, чтобы он направился в угол синагоги. Когда

¹ Алемар — возвышение в центре синагоги, на котором помещается кафедра для чтения Торы и молитв.

² Талес — молитвенное облачение.

Акоста стал в угол, к нему подошел привратник и велел обнажить до пояса, разуться и повязать голову платком. Уриэль выполнил все это и, вытянув руки, обнял колонну. Привратник привязал ему руки к колонне. Кантор, который приблизился к Акосте, взяв бич, нанес ему, как велит обычай, тридцать девять ударов. Во время бичевания пели псалмы. После этого рабби Саул разрешил Уриэля от отлучения. Итак, открылись теперь перед ним врата неба, которые прежде были заперты крепчайшими засовами.

Примирение Уриэля Акосты с общиной было внешним и формальным. Акоста остался тем же вольнодумцем, что и был. И естественно, что долго этот мир длиться не мог. За каждым шагом вновь обретенного община установила строгую слежку. За несоблюдение религиозных предписаний касательно приема пищи Акоста был вновь отлучен от синагоги.

И снова проходят годы тяжелого одиночества. Ужасные бедствия обрушились на его голову. «Два войска, — говорит Акоста, — борются со мной: одно составляет народ, другое — родственники». Если он хворал, то хворал в одиночестве. Если какое-нибудь другое несчастье случалось с ним, ненавистники приветствовали его, как нечто весьма желательное. Когда он появлялся на улице, его преследовали мальчишки. Помнишь, ты говорил, что видел человека, за которым гнались? Это был он, Акоста.

После большой паузы Спиноза спросил:

— Чем же это все кончится, можно ли ему помочь?

— Вряд ли. На днях он прислал мне письмо. Вот что он пишет:

«Благороднейшему и славнейшему Даниэлю Праде. Дорогой друг! Мои ненавистники, для которых никаких проклятий не хватит, говорят, что они справедливо наказали меня в пример остальным, чтобы еще кто другой не осмелился противостать их предписаниям и писать против их мудрецов. О преступнейшие из смертных и отцы всяческой лжи! Насколько справедливо я бы мог их наказать для примера, чтобы они больше не дерзали столь бесстыдно обра-

щаться с людьми, уважающими истину, ненавидящими обман, друзьями всего человеческого рода без различий. Итак, благороднейший Прада! Я мог бы по праву, если бы у меня были силы, отомстить чим за величайшее несчастье и жесточайшие несправедливости, которые они на меня обрушили и из-за которых я возненавидел свою жизнь. Ибо кто из преданных чести людей добровольно согласится жить, запятанный позором? Или как кто-то сказал: человеку благородному приличествует жить достойно или с честью умереть. Мое дело настолько правее их, насколько истина выше лжи. Они стоят за обман, чтобы пленить людей и обратить их в рабов; я же борюсь за истину и естественную свободу людей, которым прежде всего надлежит, избавившись от суеверий и пустейших обрядов, вести жизнь поистине человеческую. Я признаю, что было бы лучше для меня, если бы с самого начала я молчал и, примирившись со всем, что происходит в мире, не возражал ни единым звуком. Однако после того как я, обманутый пустой религией, неосторожно выступил на арену борьбы с ними, лучше со славой пасть, по крайней мере умереть без скорби, которая у честных людей является спутницей постыдного бегства или глупого терпения».

— Вот пример поистине человеческой жизни! — воскликнул Спиноза, когда Прада кончил читать письмо Акосты. — Глупо, вступив в столкновение со львами, рядиться в овечью кротость.

В этот вечер Спиноза понял, как важно критически разобраться в догматах Библии. И еще понял Барух: ему необходимо учиться. То, что студент изучает с ним латынь, — это, конечно, хорошо, но недостаточно. Поступить бы в школу Франциска ван ден Эндена! Но отец возражает. Дядя Даниэль может повлиять на отца. К его советам отец прислушивается.

Прада обещал все уладить. Спиноза будет учиться у Эндена! Наступит резкий перелом в его жизни. Старые учителя, шлифуя и изоцряя ум, уведут его от жизни, приковывают к старине, к обряду. Новый

педагог увлечет богатой литературой гуманизма, полной протеста против сил и традиций старого мира, полной порыва к новой жизни, к новой культуре.

ДРЕВО ПОЗНАНИЯ

Прада настойчиво уговаривал Михозла определить Баруха в школу Эндена. Но безуспешно! Отец Спинозы сознавал важность и латыни, и голландского, и математики, и механики, и прочих наук. В Вест-Индской компании ценят людей со знаниями. Но, во-первых, Барух уже имеет репетитора-студента. А во-вторых, пока Барух не окончит «Эц-хаим» и не получит сана пастыря иудейского, он ничем другим заниматься не будет. Долг велит не губить илуя! Мальчику всего-навсего пятнадцать лет, успехи его блестящи. Еще каких-нибудь пять-шесть лет, и рабби Саул провозгласит его крупнейшим ученым в Израиле. Крупнейшим!.. Шутка ли! Окончив училище, пожалуйста, если в этом имеется необходимость, пусть берет уроки у этого доктора Эндена. Михозлу денег не жалко.

Баруху ничего не оставалось, как подчиниться воле отца. До 1652 года он все еще числится учеником религиозного училища. Однако последние годы своего пребывания в «Древе жизни» он провел не без пользы для себя. «Древо жизни» стало для него древом познания. Барух твердо знал, что рабби не являются счастливейшими обладателями истины, что истина не дается свыше в готовом виде, что ее надо упорно и долго искать.

Барух перестал прислушиваться к проповедям руководителей училища. Ему открылась средневековая еврейская философия, и ей он несколько лет подряд отдает все свои силы. Спиноза жадно читает сочинения Саадия из Файюмы, Иегуды Галеви, Ибн-Дауда, Маймонида и Хасдая Крескаса. В этих занятиях он находит огромное наслаждение, они помогают ему осознать собственную силу.

В средневековой еврейской философии, восходя-

щей к IX веку и развивающейся в продолжение последующих пяти столетий, четко прослеживаются две тенденции: прогрессивная и консервативная. Первая стремилась ограничить традицию, предоставив право критическому уму свободно толковать «священные книги» и заняться изучением объективных законов природы. Вторая стремилась ограничить права разума во имя спасения религиозных догм.

Вот мудрейший Моше бен-Маймон, или Маймонид, автор «Море небухим» («Учителя заблудших»), энциклопедический ум своего века, самый крупный философ среди евреев. Он любил напоминать людям, что глаза даны им для того, чтобы они смотрели вперед, а не назад. Умный и глубокий, он действительно стремился вперед, ставя требование: «Главное основание всякой мудрости — познание того, что есть первосущество, причина всех существ».

Маймонид был одним из учеников Аристотеля, но изучал он его произведения в интерпретации арабских ученых. Аристотель в глазах Маймонида был светлым умом, высоким и вдохновенным философом. Осмыслить мир — значит понять его в соответствии с учением великого и неповторимого древнего грека.

Спиноза жадно вчитывался в мудрые строки «Учителя заблудших».

...Нет ничего, кроме бога и мира. Бог может быть доказан только посредством этого мира.

Как?

И Спиноза отмечает: если мир сотворен, то бог существует, но если мир вечен, бога нет.

Необходимо поэтому рассматривать реальный мир в таком виде, в каком он существует, а предпосылки для доказательств брать из видимой природы.

Баруха радовали слова Маймонида о том, что тот, кто воодушевлен стремлением к истине, будет продолжать свои занятия до тех пор, пока не убедится в положении: мир вечен.

Вселенная явилась Спинозе не в тумане догматов рабби Саула, а в свете философии Маймонида. Природа манила своими тайнами. Существование бога было поставлено под сомнение. Разум не может

согласиться с актом творения, о котором так наивно и примитивно рассказывается в «священном писании».

Маймонид учит, что рассказы Библии следует понимать умом. А излагать Ветхий завет в согласии с разумом означало для автора «Учителя заблудших» дать толкование библейским текстам в соответствии с аристотелевскими философскими принципами.

Создав не без виртуозности систему, в которой по правилам формальной логики воедино сочеталось библейское откровение — с метафизикой Аристотеля, Маймонид взял на себя задачу рационализировать ортодоксальный иудаизм. В нелепых рассказах Библии о божественном откровении, явлении ангелов и тому подобном он усматривал аллегория, притчу, символический образ или художественную метафору.

Рационализм Моше бен-Маймона вызвал ненависть раввинов. Они объявили его еретиком, произнесли над его сочинениями анафему и предали их огню. От этих преследований слава Маймонида возрасла. К нему тянулось все молодое и прогрессивное. Он стал властителем умов многих поколений еврейского юношества. Имя его стало символом свободы идей и глубокой мудрости.

Барух знал, что Моше бен-Маймон — гордость народа, духовный богатырь, которому подчиняются самые выдающиеся представители общины. Однако Барух посмел не согласиться с «величайшим авторитетом». Из сорок седьмой главы второй части «Море небухим» Барух выписал себе в тетрадь следующие слова: «Различай и отделяй вещи своим умом, и ты поймешь, что было сказано аллегорией, что метафорой, что притчей. Тогда все пророчества станут для тебя ясными и очевидными». К ним он добавил: «Маймонид полагает, что нам позволительно изъяснять, извращать слова Писания, отрицать буквальный смысл, хотя бы и весьма ясный или весьма отчетливый, и заменять его каким угодно другим на основании наших предвзятых мнений. Посему этот метод совершенно бесполезен. К тому же он совершенно отнимает всякую уверенность в смысле Писания,

которой обладал простой народ при бесхитростном чтении. По этой причине я отвергаю эту мысль Маймонида, как вредную, бесполезную и нелепую».

Маймонид и другие представители средневековой философии только на время заняли ум Спинозы. Никто из них не повлек Баруха за собой. Наоборот, молодой мыслитель пришел к выводу, что средневековая философия в основном изучает слова священных писем. Бесплодное занятие! Изучать надо не слова, не фразы, а реальные вещи и их реальную связь. Для юноши очевидно, что объектом познания должна быть не старозаветная книга откровения, а вечно юная книга природы, которая действительно раскрывается перед пытливым исследователем. Появилось убеждение в познавательной силе человеческого разума, который превращает человека из раба во владыку.

УТРО СПИНОЗЫ

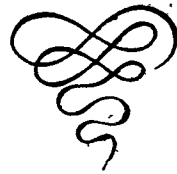
Редко кто помнил Баруха таким радостно-светлым, как в то утро 1652 года, когда он в беседе с учениками «Эц-хаим» откровенно высказался против божественного происхождения Библии и Талмуда, отверг догматы о сотворении мира и бессмертии души, высмеял веру в загробную жизнь и каббалистические бредни. Двое из однокашников, желая приобрести расположение «мудрецов» и старейшин, донесли о его «ереси». Спинозу потребовали в судилище, куда он явился с веселой беспечностью. Ведь он прав! Разве можно найти в Ветхом завете даже намек на доктрину о бессмертии? Саул Мортейро, его наставник и руководитель, надеясь на свое влияние на любимого ученика, решил тронуть Баруха: «Какие надежды мы возлагали на тебя, ты илуй!»

Однако надежды превратились в опасение. Оказалось, что этот проницательный ум упорно защищает свое право на свободное исследование и создает для них такие трудности, которые его наставники и руководители не способны преодолеть.

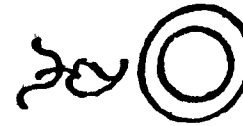
Напуганные судьи пригрозили Баруху отлучением, синагогальной опалой, если он немедленно не отречется от своей «ереси». Барух ответил сарказмом. Боясь ума и силы его примера, они предложили ему ежегодную пенсию в тысячу флоринов, если он согласится молчать и время от времени посещать синагогу. Возмущенный такой попыткой купить его совесть, он отверг предложение с презрением. Тогда Баруха предали малому отлучению, то есть в течение месяца никто не имел права с ним общаться. Рабби Саул призывал его одуматься, прийти с повинной и поклялся снова вернуться к делу Спинозы не иначе, «как с громами в руках».

Угрозы и преследования не подействовали на Спинозу. Глубоко убежденный в правоте своих мыслей, он решил непреклонно искать истину в объективной действительности, в живой жизни.

Оставаясь наедине с самим собой, Спиноза в это утро ощутил какой-то особый прилив жизненных и творческих сил.

В ШКОЛЕ ЭНДЕНА

сенью 1652 года заветная мечта Спинозы осуществилась: он стал учеником амстердамского доктора филологии Франциска ван ден Эндена.

Школа Эндена выгодно отличалась от «Древа жизни». В училище Саула зубрили Библию и Талмуд, не вдаваясь в их подлинный смысл. На диспутах, которые иногда устраивали наставники, оттачивалось искусство школяров защищать бого-

словский парадокс, а иногда и заведомую ложь. В правилах училища подчеркивалось: безусловно запрещается учителям при проведении уроков, на диспутах и в беседах утверждать что-либо противное религиозным догматам.

Под угрозой лишения места учителям запрещалось

лось высказывать, а тем более доказывать справедливость мыслей, которые расходились бы со взглядами почтенных раввинов. Никто из наставников не смел излагать что-либо, помимо вопросов веры и религиозной морали.

В школе же Эндена глава ее, неутомимый и дерзновенный проповедник положительных знаний, требовал от своих учеников пытливого изучения математики и всех достижений естественных наук XVI и XVII столетий.

По свидетельству пастора Колеруса, современника и первого биографа Спинозы, Франциск ван ден Энден «обучал своему предмету с большим успехом и пользовался прекрасной репутацией... пока, наконец, не обнаружилось, что ученики его учились у него не одной только латыни, но и некоторым другим вещам, не имеющим с последней ничего общего. Ибо оказывалось, что он забрасывал в умы молодых людей первые семена атеизма».

Пастор негодует и осуждает руководителя школы за посеянные семена вольнодумия. Для «святого отца» единственным авторитетом во всех вопросах науки является, конечно, Библия, которую он принимает без какой-либо исторической или рационалистической критики. Библия для него божественное откровение, содержащее всю полноту истины. Но лучшие ученики Эндена были о Библии другого мнения. Они были благодарны учителю за то, что он их ставлял на путь свободомыслия и ставил перед ними важнейшие вопросы науки и философии.

* * *

В начале XVII столетия механика, астрономия и математика сделали громадный шаг вперед. Важнейшие научные открытия в этих областях знания следуют одно за другим с поразительной быстротой. «Революционным актом, — писал Энгельс, — которым исследование природы заявило о своей независимости... было издание бессмертного творения, в котором Коперник бросил... вызов церковному автори-

тету в вопросах природы¹. Отсюда начинается свое летоисчисление освобождения естествознания от теологии, хотя выяснение между ними отдельных взаимных претензий затянулось до наших дней и в иных головах далеко еще не завершилось даже и теперь. Но с этого времени пошло гигантскими шагами также и развитие наук, которое усиливалось, если можно так выразиться, пропорционально квадрату расстояния (во времени) от своего исходного пункта. Словно нужно было доказать миру, что отныне для высшего продукта органической материи, для человеческого духа, имеет силу закон движения, обратный закону движения неорганической материи»². Теория Коперника, опрокинувшая нелепые утверждения Библии о мире, якобы сотворенном богом из ничего в течение шести дней, о Земле как центре вселенной, торжествует свою победу. В 1609 году Галилей построил телескоп, при помощи которого открыты были возвышенности на Луне, спутники Юпитера и Сатурна, доказано было существование фаз у Венеры.

Галилей откровенно высказался против церковных догматов, стеснявших развитие науки. Мы, говоря о новых открытиях не для того, чтобы посеять смуту в умах, а чтобы просветить их, не для того, чтобы разрушать науку, а чтобы поистине обосновать ее. Возьмем, например, библейскую сказку о том, что, по слову Иисуса Навина, остановились Солнце над Гаваоном и Луна над долиною Аялонской.

Для атеистов XVII века характерна попытка дать рационалистическое толкование библейским чудесам. Поэтому Галилей говорит: Библия в данном случае выражается в соответствии с религиозным пониманием естественных явлений природы. Если бы она приписала Земле движение, а Солнцу — покой, то это было бы недоступно разумению толпы.

Не только для людей седой старины библейское

¹ Энгельс имел в виду сочинение Коперника «Об обращении небесных кругов», опубликованное в 1543 году.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 347.

вероучение было святым и абсолютным, но и для мужей официальной науки XVI и XVII веков Библия все еще считалась единственным источником знания и правды. «Когда я, — рассказывает Галилей, — хотел показать профессорам флорентийской гимназии спутников Юпитера, то они отказались посмотреть и на спутников и на трубу. Эти люди думают, что истину следует искать не в природе, а в сличении текстов».

Верный последователь Коперника, Галилео Галилей стал отцом опытной науки и призывал изучать не слова и стихи «священных писем», а реальные вещи и их связи. Образцом истинной научности Галилей считал механику. Все, по его убеждению, сводилось к ее законам.

Стремление к познанию вещей по законам механики охватило немногих подлинных ученых. Один из них — знаменитый Иоганн Кеплер (1571—1630). Несмотря на тяжелые условия жизни, он благодаря исключительному трудолюбию и непрерывным поискам правды сумел открыть пути движения планет. Кеплер после долгих расчетов в 1609 году доказал, что «планеты обращаются вокруг Солнца не по окружности, а по эллипсам, в одном из фокусов которых находится Солнце». Через десять лет великий астроном доказал, что «планеты движутся вокруг Солнца неравномерно — с приближением к Солнцу скорость движения планеты возрастает, с удалением — уменьшается!»

В письме к Кеплеру Галилей писал: «Я считаю себя счастливым, что в поисках истины нашел столь великого союзника. Действительно, больно видеть, что есть так мало людей, стремящихся к истине и готовых отказаться от превратного способа философствования... Я хочу пожелать тебе удачи в твоих замечательных исследованиях. Я это делаю тем охотнее, что уже много лет являюсь приверженцем Коперника».

Последователь Галилея и друг Спинозы, крупный физик и астроном Христиан Гюйгенс на протяжении 1655—1659 годов открыл кольца Сатурна, пятна на Марсе, а в последующие годы разрешил основные задачи динамики маятника и твердого тела, обосно-

вал волновую теорию света и пришел к выводу, что для «истинной философии» все причины явлений природы сводятся к механическим причинам.

После того как Галилеем и Кеплером были исследованы пути движения небесных тел и открыты законы их движения, науке необходимо было выяснить, какие же силы управляют этим движением.

Еще в 1666 году, будучи студентом Кембриджского университета, Исаак Ньютон (1643—1727) пришел к выводу, что «сила, заставляющая Луну обращаться вокруг Земли по почти круглой орбите, и сила тяжести, увлекающая брошенный предмет на землю, тождественны по своей природе». Через двадцать один год были опубликованы его знаменитые «Математические начала натуральной философии», в которых справедливо утверждалось, «что между всеми телами вселенной существует взаимное тяготение и что сила притяжения одного тела к другому прямо пропорциональна произведению масс этих тел и обратно пропорциональна квадрату их взаимного расстояния».

Огромное значение для развития науки в XVII столетии имело создание и применение различных механизмов, мельниц, часов, станков и других машин. «Очень важную роль, — говорит Маркс, — сыграло sporadическое применение машин в XVII столетии, так как оно дало великим математикам того времени практические опорные пункты и стимулы для создания современной механики»¹.

Не только механика небесных и земных тел, но и биология одержала в XVII веке крупные победы. В 1622 году Азелли описал лимфатическую систему, в 1628 году английский врач Гарвей издал свое «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных». О значении труда Гарвея великий русский ученый И. П. Павлов писал: «Триста лет тому назад среди глубокого мрака и трудно вообразимой сейчас путаницы, царивших в представлениях о деятельности животного и человеческого организмов...

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 361.

врач Вильям Гарвей подсмотрел одну из важнейших функций организма — кровообращение — и тем заложил фундамент новому отделу точного человеческого знания — физиологии животных.

Научный подвиг английского физиолога воодушевил биологов других стран. Голландские естествоиспытатели Сваммердам и Левенгук в 60-х годах XVII века при помощи самодельных микроскопов изучили и точно изложили анатомию мух, бабочек, пчел и муравьев, а Левенгук, наблюдая кровообращение в капиллярах, дал точное описание красных кровяных шариков.

В середине XVII века химия начала складываться как подлинная наука; к этому времени относятся химические опыты Роберта Бойля, на которые обратил особое внимание Спиноза.

В XVII столетии особый интерес приобрели общественные явления, и они стали предметом пристального внимания ученых.

Крупные достижения науки были непосредственно связаны с экономическими и политическими успехами буржуазии Англии, Италии и Нидерландов. «Буржуазии для развития ее промышленности, — указывал Энгельс, — нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой; по этой причине она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании»¹.

Наряду с великими завоеваниями опытных наук усиленно стала развиваться философия, в задачу которой входило дать стройную систему взглядов на природу и общество, на законы развития мира в целом. Но нарисовать обобщенную картину мира можно по-разному. Мир, который нас окружает, — это мир материальных и духовных вещей и явлений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч, т. 22, стр. 307.

Что же взять за основу? Вещественное, материю, или, наоборот, духовное, психическое, идею? Ответ на поставленный вопрос определяет позицию того, кто ставит себе задачу философски воссоздать мир. В зависимости от ответа на вопрос, что чему предшествует — материя духу или дух материи, философы разделились на два больших лагеря: на материалистов и идеалистов. К первым относятся те, которые считают, что мир вечен, никем и никогда не создан, а дух, собственно, человеческое сознание, является продуктом развития самой природы. Ко вторым принадлежат те, которые допускают существование сверхъестественного существа, бога, и приписывают ему творческую волю, создавшую природу и человека.

К серьезным и глубоким попыткам нарисовать философскую картину мира на основе накопленных знаний XVI и первой четверти XVII столетий следует отнести учение французского мыслителя Декарта, оказавшее сильное влияние на идейное развитие Спинозы.

Декарт был великий мыслитель. В колледже, где учился будущий философ, его воспитывали в духе строгой религиозности. Однако там он внимательно изучал математику, физику, логику и древние языки. По окончании школы Декарт объявил, что из своей учебы он не вынес ничего, кроме убеждения в своем невежестве и глубокого презрения к господствующим философским системам. Молодой и оригинальный ученый писал: «Вот почему, как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совершенно забросил книжную науку и, решив не искать иной науки, кроме той, какую можно найти в самом себе, или в великой книге природы, я использовал остаток юности на путешествия, на общение с людьми различных нравов и положений, на накопление разнообразного опыта, на неустанные размышления обо всем виденном для извлечения из него какой-либо пользы».

После долгих поисков и размышлений Декарт пришел к выводу, что философия должна быть столь

же достоверной, как математика, и должна поэтому позаимствовать у нее ясность и отчетливость ее доказательств. При этом условии, говорил Декарт, философия освободится от слепцов, то есть людей, которых ложные рассуждения заводят в темный погреб невежества. Для зрячих же тогда не будет «ничего ни столь далекого, чего нельзя было бы достичь, ни столь сокровенного, чего нельзя было бы открыть».

Твердое основание было найдено. Осталось решить вопрос, что является критерием математических рассуждений и выводов. Материалисты до Декарта убедительно доказали, что любая идея порождается воздействием внешнего мира на органы чувств человека. Декарт подверг это верное положение сомнению. Не доверяя свидетельству своих чувств, он заявил, что достоверно лишь одно: его разум, его мысль. «*Cogito ergo sum*», то есть «Я мыслю — стало быть, я существую», — эта формула послужила основным принципом его философской системы.

Провозгласив всеислие разума, Декарт неверно утверждал, что разум обладает врожденными идеями. Этот крупный просчет привел его к защите идеи бога. Если жизнь человека, рассуждал мыслитель, зависит от врожденных идей, то и жизнь вселенной зависит от бога, и если человек состоит из двух различных начал, из тела и души, то и в мире господствуют две различные субстанции: материя и мышление. Таков идеалистический вывод философских размышлений Декарта.

Однако заслуги этого философа перед наукой огромны, ибо, сохраняя бога в метафизике, из своей физики он, по словам Маркса, изгнал бога и «наделил материю самостоятельной творческой силой»¹.

Декарт учил, что вместо умозрительной философии нужно создать практическую, с помощью которой, зная силу и действие огня, воды, воздуха, звезд и других окружающих нас тел так же отчетливо, как

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 140.

мы знаем различные занятия мастеровых, мы могли бы применять их таким же образом ко всякому делу, к которому они пригодны, и стать как бы хозяевами и господами природы.

«Практическую» философию Декарт противопоставлял не только «умозрительной», но и всякой церковной идеологии. Он отказался заниматься богословием и трактовкой догматов, посвятив себя познанию природы, поиску критерия истины и правил «естественного света разума». Декарту принадлежит гениальное создание аналитической геометрии, основанной на понятии переменной величины. Он первый провозгласил законы сохранения движения и преломления света и предвосхитил понятие рефлекса. Под последним он понимал «движение духов» мозга, представляющих «душе определенные предметы», которые «естественно связаны с теми движениями». Они же вызывают определенные страсти. Однако движения эти могут быть отделены от тех страстей и соединены с другими, совершенно отличными от них страстями; и эта привычка может быть приобретена одним-единственным действием и не требует продолжительного навыка. Так, например, если в пище, которую едят с аппетитом, неожиданно встречается какой-нибудь очень грязный предмет, то впечатление, вызванное этим случаем, может так изменить состояние мозга, что после него нельзя будет смотреть на эту пищу иначе, как с отвращением, тогда как перед тем ее ели с удовольствием.

В школе Эндена Спиноза познал все тонкости философии Декарта и был захвачен ясностью и величием его ума. Наконец Спиноза мог воскликнуть: «Нашел!» Отныне Декарт долгое время будет его путеводной звездой.

Однако уже на школьной скамье Спиноза проявил самобытность ума и самостоятельность мысли. Он оказался непокорным учеником: не смог он слепо подчиняться авторитету. Учение французского философа было им усвоено критически. Если гений Декарта раздваивал мир, то Спиноза искал гармонию, единство мира.

Школа Эндена пользовалась большой популярностью в среде зажиточных и образованных бюргеров Амстердама. Старому Франциску трудно было одному читать лекции всем ученикам — их было слишком много. В помощники себе он взял свою дочь Клару-Марию. Эта хрупкая девушка лет семнадцати, приветливая, вдумчивая и спокойная, обладала талантом педагога.

Клара-Мария хорошо знала латынь и греческий. Она по памяти могла цитировать стихи Гомера и Гесиода, Овидия и Горация и других поэтов древности.

Клара-Мария была первым педагогом Спинозы в школе Эндена. По поручению отца она должна была совершенствовать латынь Баруха.

При первой же встрече со Спинозой Клара-Мария ему сказала:

— Самое главное — это знание латыни.

— Согласен, — ответил Спиноза, — но не как самоцель.

Она слабо улыбнулась и со смущенным видом добавила:

— Без хорошего знания латинского языка и литературы вы ничего не добьетесь. Способности и рвение не все, есть кое-что поважнее.

«Кое-что», — подумал Спиноза. — Для разных людей это «кое-что» имеет различное значение. Для нее это латынь, а для меня?»

С тех пор, как Спиноза познакомился с «Учителем заблудших», он понял, что есть такая наука, которая поглощает все его существо, называется она философией.

В школе Эндена, полагал Спиноза, он сумеет сразу, с первых же уроков, заняться почитаемой дисциплиной. Поэтому его раздражал терпеливый и ровный голос этой молодой девушки, внушавшей мысль о том, что «есть кое-что поважнее», чем философия.

В «Эц-хаим» была тиранья Библии; здесь, кажется, будет тиранья латыни. Но против тираньи надо бороться.

И не успел Спиноза придумать, как ему бороться против тираньи Клары-Марии, как вдруг она начала цитировать «Метаморфозы» Овидия.

Спиноза знал эти стихи и тихо улыбнулся. Почему именно эти стихи пришли ей на ум?

Взвилось копье, и внизу, где грудь
подходит под шею,
Был ты проколот, Киллар Задетое
маленькой раной,
Сердце и тело за ним, лишь вынули меч,
холодеют.

Проверив его знания латыни, Клара-Мария сказала: «Они далеки от совершенства. Придется потрудиться. Не правда ли?»

Спиноза не возражал. Она права. Его домашние познания латыни, приобретенные при помощи студента, не только далеки от совершенства, но просто ничтожны.

Спиноза задумался.

Клара-Мария, развивая свою мысль по поводу предстоящих занятий, указала, что ее ученику следует изучить и греческий.

— Непременно. И итальянский, — подхватил Спиноза.

— Зачем? — спросила она.

— Бруно писал по-итальянски. Его «Изгнание торжествующего зверя» и «О героическом энтузиазме» написаны на языке его родины.

— Хорошо, — уверенно произнесла девушка.

Несколько месяцев подряд Спиноза увлеченно изучал итальянский и греческий языки. Клара-Мария была поражена его энергией, его умением полностью посвятить себя желанному делу.

«Кажется, Спиноза меня не замечает, — думала она. — Он весь поглощен Демокритом и Эпикуром. Удивительный человек этот Спиноза: собранный, тихий и молчаливый!»

Правда, иногда что-то находит на него. Это бывает редко, очень редко. Но тогда держись! Барух тогда прекрасен. Нет, конечно, не только тогда. Он всегда прекрасен, и в молчании своем».

Занятия в школе обычно кончались в четыре часа дня. Спиноза по вечерам возвращался домой в неподнятом настроении. Ему решительно все понравилось у Эндена: и классы, и ученики, и молодая девушка. Здесь свет, разум, свобода. Свобода! За нее стоит драться!

Никогда больше он не вернется в «Эц-хаим». Его место в школе Эндена. Через нее лежит путь в философию, в науку.

ПОИСКИ АБСОЛЮТА

Барух давно дружил с Самуилом Казеро. Впервые они познакомились в училище «Эц-хаим». Самуил был славный парень, умный и веселый. К премудрости Талмуда он относился весьма безразлично. Его увлекал театр. Писал он стихи и пьесы.

Однажды в доме Спинозы в присутствии Баруха, Мириам и Ревекки Самуил читал отдельные сцены задуманной им трагедии. И как он был хорош, когда читал! Все слушали его очень внимательно: лица разгорелись, глаза сияли, а у девушек по щекам текли слезы. Самуил рисовал картины своего детства. Ему было двенадцать лет. Жил он тогда в испанском городе Вальядолиде. На большой городской площади сжигали еретика. Казеро точными словами выразил муки несчастного и свою ненависть к инквизиции.

Спиноза, взволнованный трагедией Казеро, дал клятву: неустанно бороться против церкви, угонницы рабства и угнетения. Громко он произнес: «Что может быть ужаснее, чем сеять вражду между людьми и вести их на смерть лишь за то, что они не сходятся во мнениях с правителями, не умеют притворяться и свободно мыслят?! Выходит, таким образом, что инквизиция становится образцом добродетели. Но свободолюбивых людей не пугает смерть. Они, и возведенные на плаху, не отказываются от своих убеждений и знают, что умереть за свободу — величайшая честь и самая высокая добродетель. Их смерть должна служить примером, достойным подражания».

В этот вечер молодые люди долго говорили о различных вероисповеданиях, их взаимной вражде, о науке и искусстве, которые призваны освободить людей от дурмана и сеять добро.

— Почему попирают свободомыслие, почему люди ежедневно проявляют друг к другу ожесточенную ненависть? — спросила Ревекка.

— Причина зла, — ответил ей Спиноза, — в том, что простому народу вменялось в религиозную обязанность смотреть на служение при церкви как на достоинство, в народе знали, что церковные должности — это доходная статья, и сан священника окружен высшим почетом. Поэтому любые негодяи стремились занять священнослужительские должности, а религиозная проповедь превратилась в гнусную проповедь алчности и честолюбия.

Самуил зачастил в дом Спинозы. Он влюбился в Мириам. И Мириам полюбила Самуила. Она всегда радовалась, когда он приходил. Затаив дыхание усаживала она его в мягкое отцовское кресло и долго глядела на него своими черными как уголь глазами.

В воображении Мириам ее Казеро был идалго. Ведь все испанские и португальские евреи, думала она, были одарены высокими титулами. Как же иначе? Недаром в отличие от несчастных и бедных восточных соплеменников, именуемых ашкенази, их называют сефарди. Правда, здесь, в Голландии, сефарди потеряли свое былое величие. Однако все они какие-то особенные — холеные, богатые, по-европейски одетые в красивые шелка, стройные, высокие, великолепно изъясняются по-испански, прекрасно знают португальский и хорошо владеют итальянским и латинским языками.

Она, Мириам, никогда не стала бы женой ашкенази. Нет, никогда! Благословен господь, что ее избранный из истых сефарди!

Мириам считала дни, когда, наконец, придет двадцатый день месяца одар (март). В этот день ей исполнится восемнадцать лет, и тогда согласно обещанию отца она пойдет под венец с ее ненаглядным идалго.

Михоэл Спиноза согласился на брак Мириам с Самуилом, потому что семейство Казеро, после многих превратностей судьбы поселившееся в начале XVII века в Амстердаме, славилось огромным состоянием. Они владели сотнями ткацких станков, крупным пивоваренным заводом и несколькими мельницами. Согласие отца Мириам на ее брак было обусловлено еще и тем, что Самуил, несмотря на временное увлечение театром, ни на мгновение не забывал о росте все прибывающих капиталов семьи Казеро. А по представлениям Михоэла, капитал выше искусства.

Барух нежно любил свою младшую сестру, ее живой ум и доброе сердце. Грустно стало Спинозе после того, как Мириам покинула их дом. Не с кем и словом обмолвиться. Отец занят своими торговыми и общинными делами. Мачеха Эстер — очень больной человек. Она, как и мать Баруха, также страдает туберкулезом легких.

Последнее время Эстер прикована к постели. Старшая сестра Ревекка вечно возится где-то на кухне или возле большой мачехи.

В 1652 году мачеха умерла. Смерть Эстер сильно отразилась на здоровье отца. Вскоре отец заболел тяжелым недугом. Доктор Прада принял горячее участие в судьбе старшего Спинозы. Он лечил его, но безуспешно...

С каждым днем отцу становилось все хуже и хуже. 30 марта 1654 года Михоэл Спиноза скончался.

После смерти отца в семье Спинозы начались скандалы. Капиталы умершего стали предметом тяжбы между Барухом, Мириам и Ревеккой.

Под влиянием Самуила, который после свадьбы забросил театр и драматургию и превратился в жадного купца, Мириам предъявила иск на основные владения. Ревекка, которая к тому времени переселилась к сестре, была заодно с Мириам. Подкупленные чиновники отыскивали нужные статьи, лишившие Баруха наследственных прав.

Спиноза долго судился; и когда дело было им

выиграно, добровольно уступил капиталы своим сестрам.

— Зачем же вы судились? — спросили его друзья.

— Для того чтобы уяснить себе, существует ли еще в Голландии справедливость и правосудие. Богатства мне не нужны, у меня совсем иные цели.

Таким образом, толчком к пересмотру основ жизни для Баруха послужили семейные тяжбы.

Спиноза все дольше и дольше стал засиживаться в школе Эндена, пылливо изучая древнегреческую философию, римскую литературу и учения новаторов науки и философии: Джордано Бруно и Рене Декарта.

На помощь Спинозе приходит Клара-Мария. Интересы ученика стали интересами учительницы. Она тщательно и трепетно готовится к занятиям, рисуя своему ученику яркие картины из жизни великих современников. В одном из своих рассказов Клара-Мария подчеркнула, что в том же монастыре Святой Марии, где Галилео Галилей в 1632 году (в год рождения Баруха. Примечательно, не правда ли!)... Да, в том же монастыре, где Галилей шепотом произнес свои чудесные и затем громко повторяемые на весь мир слова «*Errig si tuove!*» («А все-таки она вертится!»), Джордано Бруно пригвоздил папство к позорному столбу: выслушав себе смертный приговор от римского первосвященника, мужественный ноланец сказал папе: «Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я выслушиваю его».

Спиноза был увлечен Бруно. Подвиг мысли этого рыцаря истины воодушевлял молодого философа. Под влиянием «Изгнания торжествующего зверя» Спиноза в форме полемики между Рассудком, Любовью и Разумом написал первые страницы своей будущей первой книги.

Это торжественный гимн вечно живой, всесозидающей, абсолютной и совершенной природе. Природа — страстная, всепоглощающая любовь Спинозы. Познанию ее законов философ решил посвятить свой ум, энергию и жизнь.

В начале беседы Любовь спрашивает: если сущность единичной вещи зависит от сущности другой единичной вещи, то есть ли такое существо, которое в высшей степени совершенно и ничем и никем не ограничено? На это Рассудок отвечает: «Я, со своей стороны, рассматриваю природу не иначе, как в ее целом, бесконечной и в высшей степени совершенной, а ты, если сомневаешься в том, спроси Разум». И Разум отвечает: «Истина здесь для меня несомненна, ибо если мы захотим ограничить природу, то мы должны это сделать посредством ничто, что нелепо, и это при следующих ее качествах, именно, что она едина, вечна, сама по себе бесконечна. Этой нелепости мы избегаем, Допуская, что она абсолютна, всемогуща и т. д. Таким образом, природа бесконечна, и все включено в ней. Отрицание ее мы называем ничто».

Только тот, кто неутомимо стремился освободить человеческий разум от суеверия, не страшась суровости религиозных догматов, заливавших кровью всякую появившуюся на свете вольную и научную мысль, мог открыто заявить о том, что абсолютна найден и имя найденного абсолюта не бог, а природа.

Пусть теологи злобствуют, а фанатики неистовствуют, он, Спиноза, не отступит от познанной истины. Своей любимой он останется верным до последнего вздоха.

Навсегда запомнились ему слова Джордано Бруно: «Там обо мне будут верно судить, где научное исследование не есть безумие, где не в жадном захвате — честь (как тут не вспомнить Самуила и Мириам!), не в обжорстве — роскошь, не в богатстве — величие, не в диковинке — истина, не в злобе — благоразумие, не в предательстве — любезность, не в обмане — осторожность, не в притворстве — умение жить, не в тирании — справедливость, не в насилии — суд».

Слова эти не только врезались в память. Они стали для Спинозы путеводной звездой, *modus vivendi* — нормой жизни.

Он принял твердое решение: окончательно порвать

со средой, где господствуют суеверие, фальшь, безумие, тупость, и найти такое общество, где царят свободомыслие, свет разума, подлинная наука и философия.

ДРУЗЬЯ-КОЛЛЕГИАНТЫ

Богатейшая голландская буржуазия создавала новую культуру, несовместимую с феодальной идеологией, опутанной церковными догматами и культом. Живопись, театр, литература, выражая интересы нового общественного класса, находились в оппозиции церкви. Появились центры новой общественной мысли, не связанные со старыми католическими университетами и враждебно настроенные к религии. В дом бюргера входила светская книга, вытеснявшая священное писание.

Однако в XVII веке Библия все еще играла значительную роль в борьбе новых идей против духовной диктатуры церкви.

В стране действовало общество коллегиянтов¹, защищавшее свободомыслие и гуманизм. С Библией в руках члены этого общества выступали против ортодоксов-кальвинистов, жестоко преследовавших вольнодумство, радость и смех. Коллегиянтам ненавистен был Кальвин, его суровые и мрачные нормы жизни, жестокость его учения и религиозный террор. Им были известны злодеяния «женевского папы», по приказу которого после ужасных пыток отрубили голову Жаку Грюэ за то, что он «богохульствовал в письмах, высказывал сомнение в боговдохновенности Библии и бессмертии души, сочинял вольнодумные стихи и старался подорвать авторитет церкви». Не могли они забыть и испанца Микаэля Сервета, которого по распоряжению Кальвина арестовали, приговорили к смертной казни и живо сожгли за то, что он «допустил нападки на таинство святой троицы». Коллегиянты любили жизнь и искусство,

¹ Коллегиянты — от латинского *collega* — товарищ, единомышленник.

умели жить не только умом, но и сердцем, боролись, строили и побеждали. Из учения Кальвина они приняли только принцип абсолютного предопределения, ибо согласно этому принципу успехи и неудачи человека определяются не происхождением, а исключительно его способностями, предусмотренными господом богом.

Коллегианты — буржуа и дети буржуа. Их вполне устраивало кальвинистское учение о предопределении, так как в нем они улавливали божественную санкцию своей предпринимательской деятельности, актам купли и продажи, капризам капиталистического рынка, зависящим от милосердия неведомых, стихийных сил.

Впервые коллегианты появились в 1619 году в селении Рейнсбург, расположенном вблизи университетского города Лейдена. Поэтому поначалу их называли рейнсбуржцами. Организаторами коллегиантов были братья Кодде. Они учили: попы творят зло, образу касту; священнослужители всеми правдами и неправдами охраняют свои привилегии и экономические интересы, объявляют еретиком любого верующего, пытающегося понять Библию своим собственным умом. «Долой церковь и попов! Люди, — призвали братья Кодде, — собирайтесь в частные дома и там читайте священное писание! И этим вы будете спасены и угодны богу!»

Додрехтский синод ополчился против рейнсбуржцев, руководители были заточены в тюрьму. Но в 1648 году «сектанты» вновь организовались, на сей раз в Амстердаме. На улице Линденграхт, в доме Корнелиуса Мормана можно было видеть, как по воскресным дням собирается группа молодых людей — коллег, увлеченно изучающих Библию и философию.

Спиноза с ними познакомился в 1655 году. Тогда в руководящий состав общества входили богатый купец Симон Иостен де Врис, врач и литератор Лодевейк Мейер, купец и издатель Ярих Иеллес, коммерсант и публицист Питер Баллинг, врач Ян Боуместер, книгоиздатель и книготорговец Ян Риувертс, коммер-

сант Петер Саррариус и поэт Жан Зет. За малым исключением они впоследствии составили амстердамский кружок по изучению философии Спинозы и способствовали распространению его учения.

Девизом всех этих людей был «Nil volentibus arduum!», то есть «Нет преград стремящемуся!».

Будучи еще учеником школы Франциска ван ден Эндена, Спиноза обнаружил свои исключительные дарования. Опытный педагог, умный и проницательный Энден разгадал в юноше личность необыкновенного таланта и красоты. Он полюбил его и гордился им.

Широкая политическая деятельность Франциска ван ден Эндена вызывала симпатии передовых людей Нидерландов. В родном городе он был властелином княжества науки и искусства. Это он ввел Спинозу в круг наиболее образованных и мыслящих людей Амстердама. Коллегианты дружелюбно встретили Спинозу, и вскоре он стал их идейным вождем. Иначе и не могло быть. Люди, жаждущие познать истинный смысл священного писания, не могли не поставить во главе своего общества Спинозу — блестящего знатока Библии со всеми нагромодившимися вокруг ее текстов богословскими комментариями.

Можно с уверенностью сказать, что до появления Спинозы в обществе коллегиантов члены его с благоговейным трепетом произносили и толковали стихи Писания. С приходом юного мыслителя отношение коллегиантов к Библии начинало приобретать иной характер.

Осторожно, с тактом и умением Спиноза стал давать своим новым друзьям своеобразные уроки «закона божия». Эти уроки раскрыли им глаза на подлинное, земное содержание так называемых «богооткровенных» писем.

Откровение? Что это такое?

Долго и тщательно готовился Спиноза к ответу на этот вопрос.

В начале февраля 1656 года в доме Мормана собрались почти все коллегианты города. Они пришли послушать лекцию своего наставника и друга,

Вдумчивый и спокойный Спиноза начал свою лекцию словами: «Откровение, или пророчество, учит Библия, есть известное познание о какой-нибудь вещи, открытое людям богом. Каким же способом, — задал вопрос Барух слушателям, — бог открылся людям, пророкам? — И, не дожидаясь ответа, сказал: — Если мы пересмотрим священные свитки, то увидим, что все, что бог открывал пророкам, было открыто им в словах, или в образах, или тем и другим способом, это подтверждается текстом библейской книги Числ (глава 12, стихи 6 и 7), гласящим: «Если кто из вас будет пророком Божиим, то я буду открываться ему в видении, в снах буду говорить с ним». Стало быть, коль скоро пророки воспринимали божественное откровение при помощи воображения, то они, несомненно, могли воспринимать многое, что находится вне границ разума. Иначе говоря, откровение, по свидетельству самого Ветхого завета, есть плод воображения. А вообразить можно все что угодно. Ибо из слов и образов можно гораздо больше составить представлений, нежели из одних тех принципов и понятий, на которых зиждется наше естественное познание.

— Выходит, — отметил один из слушателей Спинозы, — что естественное познание гораздо выше откровения?

— Конечно, — ответил Спиноза. — Только разум, естественный свет, способен познать природу, ее могущество и законы. «Откровение божие», «повеления» и другие подобные слова маскируют или выражают человеческое невежество. Авторы Библии обыкновенно относили к богу все, что превосходило их понимание, и естественных причин чего они в то время не знали.

Итак, — заключил со свойственным ему юмором Спиноза, — коль скоро необыкновенные дела природы называются делами Божиими, а деревья необыкновенной величины — Божиими деревьями, то не удивительно, что в первой книге Библии люди очень сильные и большого роста, несмотря на то, что они нечестивые грабители и блудодеи, называются сынами Божиими.

Менассе бен-Израиль.

Маймонид.

Молодой Спиноза.

— Самый рассудительный из коллегiantов, Лодевейк Мейер, сказал:

— Дорогой Спиноза, слушая вас, я заключаю, что пророчество и откровение — дело весьма сомнительное.

— Несомненно, — подтвердил Спиноза. — Обратите внимание, — прибавил он, — пророчество само по себе не содержит никакой достоверности, поэтому пророки, по словам самого Ветхого завета, нуждались в знамении. Гедеон, например, так прямо и просит бога: «И сделай мне знамение, чтобы я знал, что ты говоришь со мной». Пророческая достоверность вымышленная, фантастическая! Откровение поэтому уступает естественному познанию, которое не нуждается ни в каком знамении, но содержит в себе достоверность на основании своей природы. Математика и опыт — вот подлинные основания достоверного, естественного, разумного, живого познания.

Выдающийся ум Спинозы, смело критикующий твердо установленное мнение о богооткровенности Библии, уже нельзя было остановить. О самостоятельные мысли философа разбивались все предрассудки, сложившиеся вокруг священного писания в течение многих веков.

— Итак, друзья, — продолжал Барух, — хочу вам сказать несколько слов о характере откровения. В Библии пророчество всецело подчинено темпераменту, воображению и воспитанию пророка. Если пророк был человек веселый, то он «открывал» победы, мир и все, что побуждает людей к радости; наоборот, если пророк был меланхолик, то ему были «открываемы» войны, наказания и всякие беды. Если пророк был селянином, то ему представлялись быки и коровы, если воином — полководцы, войска, если он был царедворцем — царский двор. Волхвам, например, верившим в астрологические бредни, рождение Христа было открыто тем, что они вообразили звезду, взошедшую на востоке. Выходит, что, смотря по эрудиции и способностям пророка, бог бывает изыскан, точен, суров, груб, многоречив и темен.

Уже на школьной скамье в училище «Древо

жизни» я понял, — подчеркнул Спиноза, — что границы постигнутого, очерченные богословием, очень тесны. Попробуем поднять тайную завесу слов «высший», «предвечный», «всемилодивейший» и т. п. Обратимся снова к Библии.

Адам согласно Ветхому завету первый, кому бог открылся. Его мнение о боге весьма заурядное. Бог, по Адаму, не вездесущ и не всеведущ. Адам ведь спрятался от бога и старался извинить свой грех перед ним, как будто перед ним был человек. Да, в представлении Адама бог — это человек. Только ли в представлении Адама? Человек создает бога по своему образу. Адам ведь слышал, как бог гуляет по саду, зовет его и спрашивает, где он находится.

Авраам тоже не знал, — развивал свою мысль вольнодумец, — что бог вездесущ и предвидит все вещи: ведь как только Авраам услышал приговор над содомлянами, он попросил бога не приводить его в исполнение, прежде чем он не узнает, все ли были достойны наказания. В воображении Авраама бог говорит и так («Бытие», глава 18, стих 21): «Сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко мне...» Бог антропоморфен, то есть человекоподобен. Суждения Моисея о боге ничем не отличаются от суждений о нем других ветхозаветных пророков. Моисей учил, что бог обладает человеческими качествами, что он милосерден, благосклонен, в высшей степени ревнив и т. п. Моисей верил, что бог имеет свое местожительство на небесах, каковое мнение было самым распространенным среди язычников.

Отсюда больше чем достаточно обнаруживается то, что я намеревался вам показать, а именно: бог Библии, бог откровения — это вымысел жрецов и пророков, — заключил Спиноза. — Но почему, спросите вы меня, то, что было измышлением древних, является и поныне предметом поклонения и почитания многих, очень многих людей?

Если бы люди, отвечаю я, во всех делах могли поступать по определенному плану или, если бы им всегда благоприятствовало счастье, то ника-

кое суеверие не могло овладеть ими. Но так как люди часто попадают в затруднительное положение и находятся в жалком колебании между надеждой и страхом, то поэтому в большинстве случаев они чрезвычайно склонны верить чему угодно. Дух их, обыкновенно самоуверенный, кичливый и надменный, легко приходит в смятение в минуту сомнения, а еще легче, когда он колеблется, волнуемый надеждой и страхом. Да это, я полагаю, каждому известно, хотя я уверен, что многие сами себя не знают. Никто ведь не прожил между людьми без того, чтобы не заметить, как при благоприятных обстоятельствах очень многие люди, хотя бы они были и весьма несведущи, до такой степени переполнены мудростью, что считают за оскорбление, если кто пожелает дать им совет; при несчастии же они не знают, куда обратиться, и просят совета у каждого; и нет той несообразности, той нелепости или вздора, которых они не послушались бы. Люди, находясь в страхе, создают бесконечное множество выдумок и толкуют природу столь удивительно, как будто и она заодно с ними безумствует.

Суевериям всякого рода более всего преданы те люди, — сказал Спиноза, — которые без меры желают чего-нибудь сомнительного. Они обращаются к божественной помощи тогда, когда находятся в опасности и не умеют сами себе помочь. Тут они дают обеты и проливают слезы, называют разум слепым (потому что он не может указать верного пути к призрачным благам, которых жаждут люди), а мудрость человеческую суетною, и наоборот — бред воображения, сны, детский вздор они считают за божество и божественные указания. Они верят, что бог написал свои решения во внутренностях животных¹ или что эти решения предсказываются дураками, юродивыми, безумными и птицами² по бож-

¹ Спиноза имеет в виду Иезекииль, главу 21, стих 29, где сказано, что жрецам Навуходоносора было открыто по внутренностям животных опустошение Иерусалима.

² Гадание по полету птиц (ауспиция) входило как важный элемент в древнеримский культ.

ственному вдохновению и внушению. До такой степени страх заставляет людей безумствовать.

Идея о всевышнем, — подчеркнул Спиноза, — заблуждение, равно присущее древним и современным людям, великим гениям и пошлейшим глупцам.

Спиноза в эти минуты был мятежником, восставшим против божественной силы. Он дерзнул открыто преступить охраняемые церковью пределы познания. Наделенный сильным характером и проницательным умом, стремительным духом и пламенным сердцем, он, опровергнув библейского бога, шел по пути, ведущему к познанию истинного смысла бытия вселенной и человека.

Среди слушателей оказался приехавший из Горкума¹ пенсинарий² этого города Гуго Боксель. Он дружил с Питером Баллингом и был им приглашен в дом Мормана.

Пораженный мужественной и откровенной речью Спинозы, Боксель спросил:

— Славнейший муж, выходит, вы не допускаете в боге никаких человеческих качеств? Я это одобряю, ибо мы не знаем ни каким образом бог действует, ни каким образом он желает, понимает, рассуждает, видит, слышит и т. д. Однако если вы совершенно отрицаете за ним эти качества, то я не знаю вашего бога или того, что вы разумеете под словом «бог».

— Вы говорите, — ответил ему Спиноза, — что если я отрицаю зрение, слух, внимание, желания и т. п., то вам непонятно, каким я представляю себе бога. Это заставляет меня подозревать, что, по вашему мнению, нет больше совершенства, чем то, которое может быть выражено этими качествами. Этому я не удивляюсь, ибо я думаю, что если бы треугольник имел дар слова, то таким же образом сказал бы, что бог в наивысшей степени треуголен, а круг сказал бы, что божественная природа совершеннейшим

¹ Горкум — небольшой городок, который находится неподалеку от Роттердама.

² Пенсинарий — высшее должностное лицо.

образом круга. И подобным образом любая вещь приписывала бы богу свои собственные свойства и делала бы себя похожей на бога, причем все остальное казалось бы ей безобразным.

— Что касается меня, — заявил Боксель, — то я верю в бога. Он есть дух, и наряду с ним существуют другие духи и привидения. На это у меня имеются следующие основания. Во-первых, существование духов приличествует великолепию и совершенству вселенной. Во-вторых, создание их творцом весьма вероятно уже потому, что они более похожи на него, чем существа телесные. В-третьих, как тело может существовать без духа, так и дух может существовать без тела.

— Первое ваше основание, — подчеркнул Спиноза, — состоит в том, что существование духов приличествует красоте и совершенству вселенной. Но красота, господин Боксель, есть не столько качество того объекта, который нами рассматривается, сколько эффект, имеющий место в том, кто рассматривает. Красивейшая рука, рассматриваемая в микроскоп, показалась бы ужасною. Вещи сами по себе не являются ни красивыми, ни безобразными. Не вдаваясь в излишние рассуждения, задам только следующий вопрос: что могло бы более способствовать украшению и совершенству мира — привидения или чудища вроде кентавров, гидр, аргусов и других измышлений?

Боксель понял сарказм Спинозы и промолчал.

— Право, — пошутил Спиноза, — мир был бы на славу изукрашен, если бы бог населил его по прихоти нашей фантазии разными существами, которых всякий может легко измыслить и вообразить.

— Хорошо, но второй и третий мои доводы, — сказал Боксель, — ведь они убедительны.

— Погодите. Второе ваше основание — это то, что так как духи выражают образ бога в большей степени, чем другие телесные создания, то весьма вероятно, что бог их создал. Я должен признать, что мне до сего времени неизвестно, в чем именно духи выражают бога больше, чем другие создания. Но если

бы это было так, то и этот ваш аргумент ничего не дает по интересующему нас вопросу. Если бы о привидениях я имел столь же ясное представление, как о треугольнике или круге, тогда я несколько не задумался бы признать, что они действительно созданы богом. Но так как представление, которое я имею о них, вполне сходится с теми идеями о гидрах и кентаврах, которые я нахожу в своем воображении, то я не могу смотреть на привидения иначе, как на сновидения.

Третье же ваше основание, — напомнил Спиноза, — состоит в том, что как тело может существовать без души, так и душа — без тела. Мне оно кажется равным образом абсурдным, как и первые ваши доводы. Скажите, пожалуйста, не будет ли в такой же мере правдоподобно заключение о существовании памяти, слуха, зрения и тому подобного без тела на том основании, что есть тела, не имеющие памяти, слуха и зрения?

— Допустим, — стал защищаться Гуго Боксель, — вы правы. Но тогда какой же вы философ? Ведь не защитники, а противники духов высказывают недоверие к философии, потому что все философы, как древние, так и новые, разделяют убеждение в существовании духов. Об этом свидетельствуют Сократ, Платон, Аристотель. Из новых писателей также никто не отрицает привидений.

— Авторитет Платона, Аристотеля и Сократа не имеет для меня большого значения, — категорически заявил Спиноза. — Я был бы удивлен, если бы вы сослались на Эпикура, Демокрита, Лукреция или какого-нибудь другого из атомистов и защитников атомов. Ибо не удивительно, что люди, измыслившие тысячу пустяков, выдумали также духов и привидения и доверились бабьим сказкам, чтобы ослабить авторитет Демокрита, славе которого они так завидовали, что сожгли все его книги. Если вы расположены верить этим людям, то какие основания имеете вы для отрицания чудес божественной девы и всех святых, — чудес, о которых писали столько философов, теологов и историков, что я мог бы насчи-

тать их вам по сто на каждого из признающих привидения?

Пламенная защита правды атомистов, тонкий юмор, неопровержимая логика Спинозы искренне радовали его учеников. Ярих Иеллес заявил:

— Спиноза, вы совершенно правы. Бог — это своего рода капитал, который отдан в рост священнослужителям и призван обеспечить блаженство в загробном царстве для жалких и мелких душ.

Самый молодой из коллегантов, восторженный Симон Иостен де Врис, воскликнул:

— Мосье, вы реформатор земли и неба! Всю жизнь я мечтал о том, как можно познать сокрытые силы природы, измерить расстояние между Землей и Солнцем, раскрыть тайную причину явлений. Пришли вы — и я, наконец, нашел тот маяк, который указал верный путь к истине.

Спиноза был смущен похвалой друзей-единомышленников. Чтобы вернуться к теме лекции, он сказал:

— Все люди обладают разумом, а следовательно, рождены для света.

Лодевейк Мейер добавил:

— Рожденные для света пребывают во мраке.

— Чтобы покончить с мраком, — сказал Спиноза, — необходимо сознание собственной силы, оно снимает оковы рабства, ломает цепи, в которые церковь заковала человеческий разум. Кто вложил в свое сердце стремление к познанию истины, того никто не остановит.

День шел к концу. Симон Иостен пригласил друзей к себе на ужин. Приглашение охотно было всеми принято. Спиноза с Кларой-Марией первым вышел на улицу в направлении дома де Вриса. Шли медленно. Клара-Мария взяла руку Спинозы и провела ею по своему лбу и щекам, словно эта рука мыслителя источала целительный бальзам. Она была благодарна судьбе, что рядом с нею шел он, мудрый, юный, красивый, величественный — восходящее солнце, пришедшее к людям, чтобы озарить их своим светом.

— Бенедикт, — обратилась она к нему.

— Почему Бенедикт? Меня все зовут Барух.

— Вы говорили, — пояснила она Спинозе, — что ваша фамилия происходит от названия португальского городка Эспиноза. Я же полагаю, что она происходит от латинского «спиноза» — роза.

Улыбаясь, он ей ответил:

— Переведите уж до конца; спиноза означает колючая роза. Да, но почему вы изменили мое имя?

— Для гармонии. Пусть и оно звучит по-латыни. Великолепно! Отныне всюду среди друзей и недругов я буду называть вас только так — Бенедикт Спиноза.

Шутя, Спиноза заявил, что раз так, то ему придется изготовить герб, обрамленный словами: «*Saute quia spinoza est*», то есть «Осторожно — колется...».

Во время обеда у Симона де Вриса присутствующие, обращаясь к Спинозе, уже называли его не иначе, как Бенедиктом.

Благословенный Бенедикт — это имя пристало к Спинозе, слилось с ним и закрепилось за ним навсегда.

После обеда все вышли в веселый от обилия зелени сад. Лодевейк Мейер напомнил Бенедикту, что он обещал потолковать с друзьями о своем понимании бога.

— Да, обещал, — подтвердил Спиноза. — Однако не торопите меня, я еще не в состоянии ответить себе и вам на этот вопрос.

— В такой прекрасный вечер, — вступила в разговор Клара-Мария, — лучше дать слово Жану Зету. Пусть порадует он нас своими новыми стихами.

Собравшиеся дружно попросили Зета почитать им что-нибудь.

Жан Зет забрался на садовую скамейку и оттуда начал декламировать:

Да здравствует жизнь, радость
солнечных дней,
Нас освободившие от мрачных цепей,
От ханжества тех, чья вера есть ложь,
От всякого рода святош!
Пусть люди очнутся и духом воспрянут:

Кто духом свободен — того не обманут!
Смеяться он будет в лицо лицемерам,
Обманщикам и суеверам!..

До поздней ночи веселились друзья-коллегианты в саду де Вриса. Многие из них тогда твердо уверовали в правду слов Спинозы о том, что жизнь, радость и веселье начинаются там, где упорно трудится мысль, неустанно ведется борьба истины против лжи, свободы против тирании.

ДЕНЬ БОРЬБЫ

Капиталы Михоэла Спинозы перекочевали к Самуилу Казеро. Бенедикт оставил себе только железную койку, небольшой стол, пару стульев и книжную полку. Ничего лишнего. Слишком много вещей отвлекают, мешают труду и работе мысли.

Надо было подумать о заработке. Скупой рацион, немного трубочного табаку приходится покупать, а лавочки отпускают товары только за наличные.

Нужда крепко держала Спинозу в цепких лапах. Щедрый друг его Симон Иостен де Врис распорядился установить мыслителю ежегодную пенсию в 500 флоринов — сумму, вполне покрывавшую необходимые расходы. Однако философ отклонил дар купца, Спиноза держался правила: «Будешь вкушать от трудов рук своих, блажен ты и благо тебе». Из всех профессий его безудержно увлекал труд оптика.

В то время увлечение оптическими стеклами было характерной особенностью передовых ученых и мыслителей. Такие стекла открывали бесконечно великое (Галилей и Кеплер) и бесконечно малое (Сваммердам и Левенгук).

Долгие недели Спиноза искал дружбы со шлифовальщиками линз. Наконец книгоиздатель — коллегиант Риувертс познакомил его с гравером и оптиком Марэном Сешаром. Коренастый, широкоплечий, с доброй улыбкой на лице, мастер согласился раскрыть Бенедикту некоторые тайны ювелирного искусства и показать ему основные приемы шлифовки оптиче-

ских стекол. Светлая радость наполнила душу философа. Одержимый новой профессией, он упивался работой и вскоре стал блистательным мастером своего дела.

Люди, которые знали Спинозу, рассказывают, что его стекла пользовались огромным успехом, что «покупатели стали со всех сторон обращаться к нему, и это давало ему достаточный заработок для поддержания существования».

Однако к шлифовальному станку Спинозу приковывали не столько нужда и заработок, сколько поиски точных решений задач по преломлению света и сознание того, что увеличительные стекла приближают отдаленные и затаенные от человека макро- и микромиры.

Линзы поглощали весь день. Для философии оставалась только ночь.

Когда для всех трудный день бывал закончен, Спиноза складывал инструмент и отряхивал стеклянную пыль со своей одежды. Умывшись, он съедал молочный суп и после непродолжительного отдыха садился за письменный стол, заноса на бумагу то, что обдумывал во время шлифовки линз.

Философ не замечал бега времени. Наступала полночь. Амстердам застывал. Один только Спиноза бодрствовал. В ночной тиши он создавал основы своей философской системы.

Природе приписывалось несовершенство, конечность бытия, сотворенное начало. Верно ли это? «Религия и многие философы до меня, — размышлял Спиноза, — унижали природу и возвышали бога. Надо, наконец, рассмотреть вопрос о взаимоотношениях природы и предвечного, человека и всевышнего. Это необходимо не только для уяснения себе дружности и смысла бытия, но и для просвещения друзей-коллегантов. Ведь даже в их среде находятся люди, искренне верующие во всемогущество духовного существа, в наличие духов и привидений, призраков и чудес. Почтеннейший Гуго Боксель обиделся, когда я спросил у него: «Что такое привидения или духи? Что это, дети, глупцы или сумасшедшие?»

Ибо то, что мне приходилось слышать о них, приличествует скорее безумцам, чем людям здравомыслящим, и в самом лучшем случае смахивает не более, как на шалости детей и на забавы глупцов».

В течение трех месяцев ночами напролет трудился Спиноза, пока не создал мужественное творение, удивительный пролог к величайшему философскому произведению эпохи. Только самонеспеляющим творческим экстазом можно объяснить создание его первого очерка, названного «Кратким трактатом о божестве, человеку и его блаженстве»¹.

«Краткий трактат» не был завершен, он так и остался наброском. Однако в нем ясно сказались мощь духа и богатейшие познания его автора. Уже первое произведение Спинозы — это произведение человека, который жил жизнью разума, чутко прислушивающегося к сложным процессам реального бытия.

В очерке-наброске, предлагая друзьям собственную систему, философ не мог сначала не рассмотреть кардинальный принцип предшествующей философии. И поэтому на первом плане в трактате поставлен вопрос о том, что такое бог. По определению Спинозы, бог «есть существо, о котором утверждается, что оно есть все или имеет бесконечные атрибуты, из которых каждый в своем роде совершенен». Уже само это определение направлено против богословской проповеди о наличии бескачественного существа, которому мир обязан своим существованием. Спиноза не противопоставляет мир богу, ибо «в природе, — пишет он, — все выражается во всем, и, таким образом, природа состоит из бесконечных атрибутов, из которых каждый в своем роде совершенен. Это вполне согласуется с определением, которое дается богу». Бенедикт, решительно опровергая церковную и схоластическую доктрину «creato ex nihilo» («сотворение мира из ничего»), учит, что природа не имеет внешней причины, вызвавшей ее бытие. Допустим,

¹ Первое сочинение Спинозы потеряно. Лишь в 1852 году оно было найдено и опубликовано Э. Бемером.

говорит он в «Кратком трактате», что природа сотворена, но тогда возникает вопрос, почему бог сотворил ее ограниченной, неполноценной, и «если бог никогда не может сотворить столько, чтобы не быть в состоянии творить более, то он никогда не может творить того, что он может; но что он не может творить того, что он может, внутренне противоречиво». Следовательно, природа никем не могла быть создана, она существует сама по себе, она есть самосуществующее. Природа не имеет ни начала, ни конца, она безгранична, вне ее — ничто, она — вся во всем. Наличие двух существ, которые заключили бы в себе всю полноту бытия, немислимо. Есть лишь один мир, одна субстанция, одно существо, выражающее целостность и многообразие всего бытия. И это единое существо есть бог, или природа.

Возвеличивая природу, Спиноза отождествил ее с богом. В борьбе с церковным мировоззрением Бенедикт сохранил в новой философии старый термин. Выбор оказался неверным, ибо бог — это фантастический образ, являющийся предметом слепого почтения и слепой веры, порожденный тупой придавленностью человека внешней природой и социальным гнетом. Однако отождествление бога и природы в эпоху Спинозы означало отрицание сверхчувственного, надмирового существа, то есть признание совершенной, бесконечной и абсолютной природы, которая существует сама по себе и исключает наличие какого-либо существа над нею или рядом с нею. Сошлемся на авторитет английского философа XVII века Гоббса, который писал: «Философы, утверждавшие, что бог есть самый мир... не приписывают богу что-либо, но совершенно отрицают его существование, ибо под словом «бог» подразумевается причина мира; говорящие же: «Мир есть бог», — говорят, что у мира нет причины, то есть что бога нет. Подобным образом и утверждающие, что мир не сотворен, а вечен, отрицают, что у мира есть причина, потому что не может быть причины у вечного, то есть они отрицают бога».

Спиноза не защищает идею бога, наоборот, он ее

логически последовательно опровергает: вне природы бог ничто.

Коль природа вся во всем, то единичные вещи заключены в природе и человек является ее частью. А раз так, то все вопросы взаимоотношения между человеком и богом становятся нелепыми и ненужными. Человек, провозглашает юный мыслитель, «пока он составляет часть природы, должен следовать ее законам. Это и есть богослужение. Пока он делает это, он счастлив».

Следовать законам природы может человек, познавший и полюбивший ее, ибо любовь, говорит Спиноза, «есть соединение с объектом, который как раз ум считает прекрасным и добрым, и мы разумеем здесь соединение, посредством которого любовь и любимое становится одним и тем же и составляет вместе одно целое». Счастливый человек мыслит себя частью природы, в ней он видит причину всего того, что происходит в нем. Свобода и блаженство человека проявляются в его интеллектуальной любви к природе. Любовь, учит Бенедикт, не созерцательна, не неподвижна, а, наоборот, деятельна, активна. Она основана на проникновении мысли в глубь природы, в ее сокровенные тайны. Она несет счастье не отдельному человеку, а всему человечеству.

Мыслитель не забыл напомнить друзьям своим, что несчастен тот, кто любит преходящие вещи и связывает свое благополучие с каким-либо временно существующим предметом. Но если «так несчастны любящие преходящие вещи, имеющие еще некоторую сущность, то как несчастны будут те, которые любят почести, богатства и сладострастие, не имеющие никакой сущности».

Автор «Краткого трактата» коснулся и основного положения кальвинизма, разделяемого его друзьями-коллегантами. Спиноза отвергал предопределенность, как провидение бога, ибо все предметы существуют по необходимости, то есть имеют естественное основание и естественную причину. «Нечто, не имеющее причины к существованию, никоим образом не может существовать». Что касается поступков человека, то

и они обуславливаются причинами и определены природой. Хорошие и дурные действия человека, куда их отнести? Некоторые вещи, говорит Бенедикт, находятся в нашем уме, а не в природе, они являются нашим собственным созданием, и называются они мыслимыми вещами. Хорошее и дурное не находится в природе, они должны считаться мыслимыми вещами, ибо «нечто никогда иначе не называют хорошим, как в отношении к чему-нибудь другому, что не так хорошо или не так полезно нам, как это другое». То же о грехе. Все, «что говорится о грехе, говорится о нем лишь с нашей точки зрения, то есть когда мы сравниваем две вещи друг с другом или с различным точкам зрения. Если, например, кто-либо сделал часовой механизм для того, чтобы он бил и показывал время, и если произведение хорошо согласуется с целью мастера, то говорят, что оно хорошо; в противном случае оно плохо, хотя оно и тогда могло бы быть хорошо, если бы задачей мастера было сделать его неправильным и бьющим не вовремя... Мы заключаем, что хорошее, дурное или грех являются не чем иным, как мыслимыми вещами, а не какими-либо реальными вещами или чем-то, имеющим существование».

Спиноза хорошо понимал, что его отождествление бога и природы, учение об интеллектуальной любви человека к природе, о дурном и хорошем, о независимости и блаженстве человека опровергает бога, богословскую проповедь о небесном воздаянии, церковные догматы и вероопределения. Именно поэтому в заключении «Краткого трактата» он говорит своим друзьям: «Не удивляйтесь этим новостям, так как вам хорошо известно, что вещь не перестает быть истиной оттого, что она не признана многими. А так как вам также хорошо знаком характер века, в котором мы живем, то я буду просить вас соблюдать осторожность при сообщении этих вещей другим. Я не хочу этим сказать, что вы должны совершенно удерживать их при себе, но если вы начнете сообщать их кому-либо, то вас должен побуждать к этому только интерес блага ближнего; при этом вы должны быть определенно уверены, что ваш труд не останется

без вознаграждения. Если, наконец, у вас при чтении явится сомнение в том, что я утверждаю, то я прошу вас не торопиться со своими возражениями, пока вы не потратите достаточно времени на размышление. При таком отношении к делу я уверен, что вам удастся насладиться желанными плодами этого дерева».

В приведенных словах выражена забота об истине, о друзьях, которые должны уметь распространять истину. В этих же словах и кроется ответ на вопрос, почему философ вынужден был выразить материалистическое содержание своего учения с помощью теологической терминологии. Сожжение Бруно, пытки Галилея, гибель Акосты не могли не быть серьезным предупреждением для юного мыслителя: «Характер века — *cautel!*¹»

Спиноза высоко ценил ум Клары-Марии, потому он прислал ей «Трактат» и просил откровенно высказаться.

Клара-Мария приняла первое произведение юного философа восторженно. В письме к своей кузине она писала:

«Дорогая Иаилы!

Трудовой день позади. Давно умолкла шумная суэта учеников. Папа уже в постели. Все тише и тише становится ночь. А я села за письменный столик, чтобы поделиться с тобой. Я вся измучена, дольше жить наедине со своей мукой не могу. Хочу поведать тебе тайну моей души. Дорогая моя, голубушка! Бесценный дар небес вселился в мое сердце навсегда, навечно. Я счастлива, я безгранично счастлива! Меня всю пронизывает великое и радостное чувство любви. Никогда не думала, что любовь так многогранна и сложна: уверенность и отчаяние, надежда и страх, стыд и гордость, боль и наслаждение, гнев и восторг — вот только некоторые оттенки страстей этого бесконечного чувства.

Мне вдруг стало трудно писать. Сердце мое то сжимается, то рвется куда-то ввысь.

¹ *Cautel* — осторожно (лат.).

Должна же я сказать тебе, что пламень сердца моего, мечту мою сокровенную зовут... только не проговорись, никому ни слова, ради всего святого!

Ты его знаешь. Он неоднократно бывал у Корнелиуса Мормана, где бывали и ты, и твой врач Боуместер, и красавец Мейер, и актриса Лина, и я, и многие другие.

Он — ослепительный свет, нежный и суровый, величественный и скромный, мудрый философ и глупый мальчик, застенчивый и энергичный, прекрасный Бенедикт Спиноза.

Кому он первому дал свой «Краткий трактат» — знаешь?

Мне.

Бисерным почерком на латинском языке исписанные три тетрадки. Я их читала и перечитывала. Была захвачена пылкостью его мысли, логикой и правдой этого удивительного человека.

Бесценная моя Иаиль! Мудрость Спинозы озарит человечество, его правдой будут жить тысячи, миллионы сердец.

Взявшись под руки, мы с ним безмолвно брели по мостику, перекинутому через канал, соединяющий Фляенбург с Амстердамом. Затем долго гуляли вдоль канала по обсаженным цветами дорожкам. Истощенная предчувствием, я случайно коснулась его волос и вся застыла; а вместе со мной застыли в молчании цветы и деревья. Я ожидала ласки, поцелуя, первого поцелуя любимого...

Когда настал час расставания, я ему вернула «Трактат» и сказала: «Я отметила в нем слова, которые хотела бы вернуть, как свои; вы найдете их».

Он взял «Трактат», спрятал в карман. На прощание я подала руку, он надолго задержал ее в своей и еле-еле слышно молвил: «Я хотел бы, чтобы это мгновение стало вечностью. Но, увы, оно не прочно, как и этот мостик, соединяющий наш еврейский квартал с городом. Только единицы таких, как вы, рискнут пройти по нему».

Я не сдержалась и страстно выпалила ему в ответ: «Нет, Бенедикт! Скоро этот мостик станет до-

рогой паломничества многих людей. И вместе с ними вы перейдете по нему в большой мир, где столько жаждущих узнать истину ждут вас».

Спиноза тогда сказал слова, которые запомнятся мне навеки: «Я никогда не встречал такой женщины, как вы, Мария».

Голубушка Иаиль! Я не помню, как мы расстались, но сердце мое было переполнено радостью неопишуемой, пламенной, всепоглощающей...

Ты хочешь знать, какие слова я выделила в «Трактате» как свои. Приведу их тебе, они выписаны мною и занесены в мой дневник. Вот они, читай: «С любовью дело обстоит так, что мы никогда не стремимся избавиться от нее по следующим двум причинам, так как это невозможно и так как необходимо, чтобы мы не избавились от нее. Необходимо потому, что мы не смогли бы существовать, не испытывая наслаждения от чего-либо, с чем мы соединяемся и благодаря чему мы укрепляемся. Чем больше и прекраснее предмет, тем больше и прекраснее любовь».

Как ты, моя дорогая, думаешь, прочтет он это место, поймет меня? Он ведь и мудрый и такой несообразительный. О боже! Открой ему глаза и покажи ему мою душу!

Пиши мне и люби свою маленькую Мари.

Р. С. Через несколько дней, в воскресенье, Бенедикт будет читать свой «Трактат» друзьям-коллегам. Дорогая моя, обязательно приходи к Морманам.

Нежно тебя целует

твоя К.-М.».

«Краткий трактат» выдвинул Спинозу в идеологии наиболее радикально настроенной буржуазной интеллигенции республиканской Голландии. Слава Спинозы ширилась. Передовые амстердамцы восхищались его умом. Молодежь к нему прислушивалась, разделяла его взгляды. Многие люди амстердамского общества примкнули к спинозизму.

Рабби, предавшие еще совсем молодого Спинозу малому отлучению, следили за поступками и действиями «неблагонадежного» члена общины. После

того как стало известно, что Бенедикт написал «богохульное» сочинение, они решили принять резкие меры против «блудного сына». 25 июля 1656 года Спинозу вызвали в судилище общины. За столом, покрытым бархатной скатертью черного цвета, сидели Саул Мортейро, Менассе бен-Израиль и Ицхок Абоав. Они с тревогой ожидали прихода Спинозы. Им казалось, что мятежника можно еще вернуть на путь господний. Во всяком случае, им этого сильно хотелось. Менассе резонно заявил: потерять Спинозу означает потерять одного из лучших умов общины. Саул добавил: «Если Спиноза не будет служить богу, то станет орудием сатаны».

Но как воздействовать на Баруха? Саул Мортейро и Менассе бен-Израиль считали, что лучшим средством являются запугивание, угрозы. «Примером этому, — говорили они, — могут послужить действия руководителей общины по отношению к врачу Даниэлю Праде. Ведь как только пригрозили наложить на него анафему, он порвал с богохульниками и даже перестал якшаться со Спинозой».

Ицхок Абоав считал, что на Баруха можно воздействовать ласками, доводами благоразумия.

Не успели они выработать единую линию поведения, как в судилище появился Спиноза со словами:

— Мир вам, господа!

— Царит ли мир в сердце твоём? — спросил Саул.

— Уже давно мы имеем сведения о скверных твоих деяниях и мыслях. Поклянись нам, — потребовал Менассе, — что не будешь лгать судилищу.

— Ложь и фальшь, — ответил Спиноза, — не в моей натуре, для чего клясться?

— Так скажи же нам, — обратился к нему Ицхок, — почему ты отстранился от святых дел общины?

— Святые дела? Что это?

— Заветы отцов, несущие избавление, — сурово произнес Саул.

— Заветы и их исполнение никого не избавляют, — спокойно ответил Спиноза.

— Значит, страдания народа будут вечны? — поинтересовался Саул.

— Я не хочу сказать, что избавление не придет. Ведь жизнь народа, как и жизнь человека, так изменчива. Но я уверен, что избавление наступит лишь в том случае, когда народ откажется от своих суеверий и не допустит, чтобы слепой фанатизм ослаблял его дух.

— Можешь не продолжать. Эти речи нам известны, — прервал его Менассе.

— Чего же вы тогда хотите от меня? — спросил Спиноза.

— Барух, я хочу поговорить с тобой искренне, как твой первый учитель, — умоляюще сказал Ицхок. — Ты водишь греховную дружбу с людьми, для которых нет ничего святого.

— Вы их не знаете, — мятко отвел утверждение Ицхока Барух.

— Допустим. Но разве не факт, что сама Библия, основа основ веры, для вас не свята? — спросил Ицхок.

— Как я могу считать ее святой, следовательно совершенной, — ответил Барух, — когда она исполнена противоречий и даже между вами нет единства в ее толковании?

— Стало быть, ты не веришь, — вступил в разговор Менассе, — что святая Тора дана на горе Синайской и каждое слово в ней божественное откровение?

— Я тщательно изучил эту действительно мудрую книгу. Но, углубляясь в нее, — стал доказывать Спиноза, — отбрасывал шелуху, все то, что идет от сверхъестественного. И вот передо мной свод древних рукописей, обобщивший человеческий опыт разных времен.

— А откровения пророков? По-твоему, пророки лгали? — ехидно спросил Менассе.

— Пишущие часто прибегают к образной речи, — ответил Спиноза. — Мы говорим, например: природа нас научила, природа открыла свои тайны. Почему

же нельзя сказать: бог открыл, если под богом подразумевать природу?

— Природа молчит, — отрезал Саул. — Кто же тогда открывает человеку истину?

— О нет, рабби Саул. Природа не молчит. Простой цветок из моего сада, — горячо возразил Спиноза, — подсказал мне истину. «Постигни, человек, — сказал он мне, — мое рождение и мой рост — и ты уразумеешь тайну жизни». Человек подобен цветку, который рождается, вырастает, сверкает всеми удивительными красками на лоне природы — и умирает. Одна природа есть жизнь и дает жизнь всему живому. Разве разум не подсказывает и вам, что это так?

— Горе ушам моим!.. Разве этому я тебя учил? — заплакал Ицхок.

— К сожалению, не этому — и потому неправильно, — ответил Спиноза.

— Где же ты почерпнул свое суемудрие? — заинтересовался Ицхок.

— Мы одарены разумом, — сказал Барух, — и обязаны направить его на постижение величественной природы.

— Бога! — воскликнул Саул.

— Природа и есть бог, — уверенно ответил Барух.

— Ты говоришь бессмыслицу, — расхохотался Менассе. — Ты, червь, во тьме решил по лестнице конечных вещей доползти к всевышнему. Смешной и жалкий грешник, отврати дух твой надменный от невозможного!

— Я остаюсь непреклонным, — заявил Спиноза.

— Тем хуже. Все кары ада обрушатся на твою голову, — пригрозил Саул.

— Расплата не велика, — шутил Спиноза.

— Ты и в этом мире будешь как проклятый влачить жалкое существование, — дал понять Менассе.

— Наполнять желудок и удовлетворять плотские желания может всякий, как бы ничтожен он ни был. Но я, — добавил Спиноза, — не ищу ни золота, ни наслаждений, ни денег.

— Что ты говоришь? — хотел остановить его Ицхок. — Оглянись, помолись господу!

— Молитва и ярость бессильны перед моим стремлением раскрыть тайну вселенной, — открыто заявил Барух.

— Я хотел избавить тебя от сатаны, — сказал Ицхок, — ты сам сатана.

— Кто тебя, несчастный, низверг в ад? — спросил Менассе. — Там ты действительно подружился с сатаной, и дьявольская нечисть прет из твоих нечестивых уст. Сгинь, сгинь, Асмодей! Молись предвечному, покайся, спасай свою настоящую и будущую жизнь!

— Проявление таких дружеских чувств имеет одну цель, — пошутил Спиноза, — они проявляются по отношению к тому, кого собираются надуть.

— Опомнись! — крикнул не своим голосом Менассе.

— Барух Спиноза! Мы, — громко произнес Саул, — не собираемся вступать в спор с тобой, ибо греховность твоя очевидна. Слушай нас внимательно и постарайся понять. От имени судилища мы предлагаем тебе: нигде и никому ни письменно, ни устно своих богомерзких мыслей не высказывать. По субботам и праздникам по крайней мере посещать синагогу.

— Если выполнишь наши условия, — добавил Менассе, — мы обещаем возвести тебя в сан раввина. Ты понял нас?

— Я понял, — сказал Спиноза, — но удивлен. Вы сами требовали, чтобы я не лгал судилищу. Зачем же вы предлагаете мне лгать народу?

— Заслуги твоего отца молят нас быть милосердными! — пояснил Саул.

— А может быть, капиталы моего отца?..

— Не смей, — закричал Менассе, — разговаривать с судилищем в таком тоне! Капиталы всегда найдут себе достойного хозяина!

— Уже нашли. Я в этом уверен, — сказал Спиноза.

— Наше терпение иссякло, Барух. В последний

раз, — подвел итоги Саул, — мы тебя спрашиваем: вернешься ли ты на путь праведный?

— Именно сейчас я очень твердо почувствовал себя на этом пути. Ваша истина — вера, а моя вера — истина, — отчеканил Спиноза.

— Нечестивец! Анафемы захотел? Предадим!.. — шипел Менассе.

— Это не принудит меня ни к чему такому, что я мог бы совершить вопреки своим убеждениям, — заключил Барух.

— Судилищу все ясно. Можешь идти, — сказал Саул.

Прежде чем уйти, Спиноза обратился к понуро сидящему Ицхоку.

— Рабби Ицхок, — сказал Барух, — мне жаль, что я огорчил вас, — и покинул судилище.

— Где недостаточно слов, господь дал камень, чтобы побивать, — бросил вслед уходящему Спинозе рабби Менассе бен-Израиль.

В этот же день на всех перекрестках Фляенбурга появилось объявление магамада¹ о том, что 27 июля в синагоге «Бет-Иаков» будет предан анафеме Барух Спиноза.

Предстоящая акция вызвала оживленные обсуждения жителей еврейского квартала Амстердама. Кто-то под большим секретом сообщил, что рабби Ицхок объявил пост, не выходит из синагоги и читает поминальную молитву по Баруху, как по покойнику.

Вечером на улицы высыпало много народу. Вслух читали объявление, обсуждали предстоящую анафему.

Наступила ночь. Спиноза, взволнованный диспутом, не в состоянии был ни работать, ни уснуть. Он вышел на фляенбургскую площадь, которая в наше время называется «Ионас Даниэль Мейер». Через окно синагоги он увидел рабби Ицхока, который стоял у аналоя и молился. «Бедный рабби!» — подумал Спиноза. Как бы обращаясь к нему, Бенедикт произ-

¹ Магамад — совет общины (древнеевр.).

нес шепотом: «Видите, рабби, я не холодный рационалист, боль и досада присущи и мне... Но я не приду к двери синагоги кающимся грешником. Вы сами ускорили мое решение. Двух начал не может быть ни в природе, ни в человеке. Сказавший «да» должен сказать и «нет». Я это делаю с радостным чувством. Говорю «нет» общине, погрязшей в фанатизме. Говорю «нет» людям, которые все еще надеются убедить меня в моей неправоте. Говорю «нет» грузу страстей преходящих и непрочных, дающих лишь призрачное блаженство...»

Долго еще рассуждал Спиноза с самим собой.

Неожиданно из синагоги, как испуганная птица, вылетел Ицхок.

— Стой, Барух, — обратился он к Спинозе, — послушай меня. Я старый человек, я видел на своем веку много горя... Ты себя обрекаешь на одиночество. Может ли быть что-нибудь хуже одиночества? Вернись к вере отцов, оставайся среди нас.

— Если я останусь, что ждет меня? — спросил Спиноза. — Перелистывание пожелтевших страниц Торы и бесплодное заучивание законоположений Талмуда?

— Ты будешь со своим народом, — сказал Ицхок. — Разве этого мало? Ты посмотри, сколько у нас здесь врагов. Нас не сжигают на кострах, но разве ты не замечал, как глядят на еврея, как разговаривают с евреем, как окружает его кольцо презрения? Что, кроме религии, объединяет нас, рассеянных по свету? Ты об этом подумал?

— Нет, рабби, — возразил Бенедикт, — от моего народа я не уйду. Питаю надежду, что навсегда он сохранит меня в своем сердце, в своей памяти. И это потому, что я уйду от тех, кто одурманивает народ. Подумайте, рабби, ведь мы живем в век семнадцатый! Это семнадцатый век и для моего народа. И я хочу видеть его свободным в обществе, где все люди объединены, как единое тело и единая душа, где человек человеку — бог. Нет, не останавливайте меня.

— Ты забыл, что наш народ избран богом!

— Избран? Чем, почему? Нет, рабби Ицхок, я не могу с этим согласиться. Народы отличаются друг от друга лишь в смысле различия общества, в котором они живут, и законов, которыми управляются. Разум и опыт учат, что для образования и сохранения общества нужны незаурядный ум и знания законов природы. Поэтому то общество будет спокойнее, более устойчиво и менее подвержено случайностям, которое основывается и управляется по большей части людьми разумными и старательными, и, наоборот, общество, состоящее из людей с умом необразованным, большей частью зависит от случая и менее устойчиво. Следовательно, не в религии основа жизни людей в обществе. Ненависть же к евреям обуславливается неразумными законами и глупостью управляющих обществом. Что касается самих евреев, то в настоящее время у них нет ровно ничего, что они могли бы приписать себе как преимущество перед остальными нациями.

— Прекрати свою нечестивую проповедь! — взмолился старый учитель. — Пойми, Барух, что бог и его учение — наше спасение. Наша сила — в вере отцов.

— Религиозное учение, рабби, ослабляет наш дух, затемняет наш разум и направлено против истинной добродетели. Высшее счастье находит свое выражение в стремлении человека к древу познания добра и зла.

— Этот плод запретный. Он и толкает тебя в геенну огненную, — произнес со слезами в голосе Ицхок.

— Нет, рабби, вы глубоко заблуждаетесь. Подлинное блаженство, — сказал Спиноза, — состоит в размышлении и чистоте мыслей. Кто знает, что у него нет ничего лучше разума и здорового духа при физическом здоровье, тот, без сомнения, сочтет это благо самым существенным.

— Горе тебе, заблудшая овца! — воскликнул Ицхок.

Спиноза, покинув рабби, медленно пошел к себе,

чтобы составить письменное сообщение совету общины о том, что возврата нет и быть не может.

Рабби бросился к синагоге. Усталый и измученный, он присел на ступеньках «Бет-Иакова» и задумчиво обратился к луне, взошедшей на небосклоне: «И ты, луна, когда-то согрешила, захотела быть больше солнца, а всемогущий бог тебя наказал и убавил твой свет. Теперь лицо твое полно раскаяния... Проклятие всевышнего гонит тебя по землям и морям, и нигде ты себе не найдешь места... Так и ты, Барух, будешь скитаться по миру жалким и ничтожным...»

Ицхок поднялся со ступенек и быстро вошел в синагогу, открыл кивот и, рыдая, громко произнес: «Бог! Бог Авраама, Исаака и Иакова! Адонай! Я, Ицхок Абоав, стою перед тобой с сокрушенным сердцем и молю тебя... Разбей окаменевшее сердце ученика моего Баруха Спинозы. Ты, всемогущий, все умеешь. Верни жестоковыйного в лоно нашего народа!»

Долго еще молился старый учитель Баруха. Затем он прилег на жесткую синагогальную скамью и с трудом уснул, томясь надеждой, что завтра, в день анафемы, Спиноза явится в совет общины с повинной.

Рано утром его разбудил служка, который пришел убрать помещение. Наступил день, полный сомнения и тревоги...

Огромная и пестрая толпа людей, заполнившая 27 июля синагогу, была свидетельницей мрачного зрелища. При колеблющемся свете черных свечей, под пронзительный аккомпанемент шофара¹ кантор мерным голосом, нараспев произносил слова древнего проклятия: «Члены магамада доводят до вашего сведения, что, узнав с некоторых пор о дурном образе мыслей и действий Баруха де Эспинозы, они старались совлечь его с дурных путей различными средствами и уговорами. Но так как все это ни к чему не повело, а, напротив того, с каждым днем при-

¹ Шофар — своеобразный рожок, изготовленный из бараньего рога.

ходили все новые и новые сведения об ужасной ереси, исповедуемой и проповедуемой им, и об ужасных поступках, им совершаемых, и так как все это было удостоверено показаниями свидетелей, которые изложили и подтвердили все обвинения в присутствии означенного Эпинозы, достаточно изобличив его при этом, то по обсуждении всего сказанного в присутствии господ хахамов¹ решено было с согласия последних, что означенный Эпиноза должен быть отлучен и отделен от народа Израилева, посему на него и налагается херем² в нижеследующей форме:

«По произволению ангелов и приговору святых мы отлучаем, отделяем и предаем осуждению и проклятию Баруха Эпинозу с согласия синагогального трибунала и всей этой святой общины перед священными книгами Торы с шестьюстами тринадцатью предписаниями, в них написанными, — тому проклятию, которым Иисус Навин проклял Иерихон, которое Елисей изрек над отроками, и всеми теми проклятиями, которые написаны в книге законов. Да будет он проклят и днем и ночью, да будет проклят, когда ложится и встает; да будет проклят и при выходе и при входе! Да не простит ему Адонай, да разразится его гнев и его мщение над человеком сим, и да тяготеют над ним все проклятья, написанные в книге законов! Да сотрет Адонай имя его под небом и да предаст его злу, отделив от всех колен Израилевых со всеми небесными проклятиями, написанными в книге законов! Вы же, твердо держащиеся Адоная, нашего бога, все вы ныне да здравствуйте!»

Предупреждаем вас, что никто не должен говорить с ним ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какие-либо услуги, ни проживать с ним под одной крышей, ни стоять от него ближе, чем на четыре локтя, ни читать ничего, им составленного или написанного!»

«Дорогой читатель, — писал Гейне спустя 220 лет после анафемы, — если случится тебе быть в Амстер-

¹ Хахам — мудрец (*древнеевр.*).

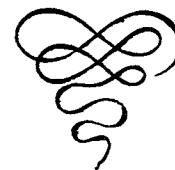
² Херем — синагогальная опала, анафема.

даме, прикажи проводнику показать тебе там синагогу испанских евреев. Это прекрасное здание, крыша его покоится на четырех колоссальных колоннах, а в середине возвышается кафедра, откуда некогда провозглашена была анафема отступнику от закона Моисеева, идальго дону Бенедикту де Спиноза... Он был торжественно изгнан из общины израильской и объявлен недостойным носить впредь имя еврея. Его христианские враги были достаточно великодушны, чтобы оставить ему эту кличку».

Двадцатичетырехлетний мыслитель, которого прокляли раввины Амстердамской общины, не повторил ошибку Акосты и не присутствовал на этой церемонии.

Не дрогнув, Спиноза в день анафемы писал руководителям общины: «То, что вы со мной намерены сделать, вполне совпадает с моими устремлениями. Я хотел уйти по возможности без огласки. Вы решили иначе, и я с радостью вступаю на открывшийся передо мною путь...»

В добрый путь, Спиноза!

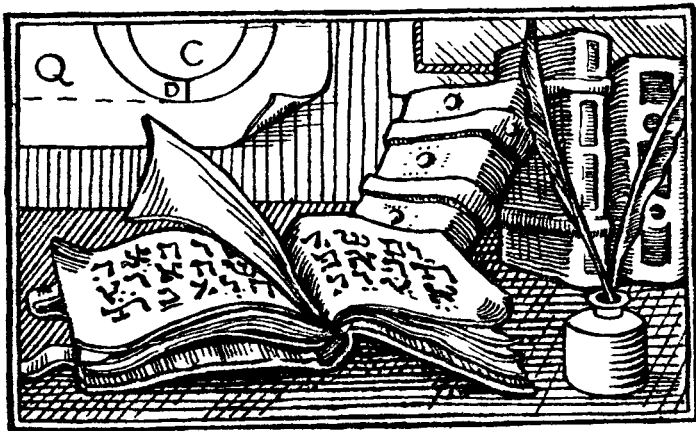

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Годы трудов и раздумий

ЯСНО, ЧЕЛОВЕЧНО,
СВЕТЛО

Энциклопедист и философ XVII века Пьер Бейль в своем «Историческом и критическом словаре», опубликованном в 1695 году, утверждал, что Бенедикт Спиноза написал на испанском языке «апологию» своего выхода из сиенаги.

Колерус опроверг утверждение Бейля. Он писал: «Мне не удалось собрать относительно этой апологии решительно никаких сведений, хотя я рас-

спрашивал людей весьма близких к Спинозе и до сих пор находящихся в полном здравии». Биографы Спинозы за последнее столетие открыли множество архивных материалов, связанных с жизнью и идеями великого мыслителя. Но никому не удалось найти «защитительную записку», о которой

идет речь в «Словаре» Бейля. Иначе и быть не могло.

Апология! Она противоречила бы внутреннему миру, личности и учению Спинозы.

Да и кому могла быть адресована такая апология? Другьям? Они прекрасно знали его взгляды на религию и духовенство по задушевым беседам, откровенным разговорам, диспутам и лекциям. Раввинату? Зачем? Ведь Барух решительно порвал с руководителями еврейской общины, которые наряду с ревнителями других церквей насаждают предрассудки, превращающие людей «из разумных существ в скотов» и препятствующие «распознавать истину».

К духовенству Спиноза не мог апеллировать.

Личность философа его творческий путь убеждают нас в том, что биография идей Спинозы и биография их создателя находились в полном единстве. Личность и учение гармонично слиты в образе Спинозы.

Воспитанный в религиозной традиции, он с юных лет ничего не принимал на веру. Разум (ratio) стал для него критерием истины, ясности и человечности.

Церковь — средоточие мрака, суеверия. Она по своему существу антигуманна и противоречит разуму. Спиноза освободил свой ум и свои чувства от влияния церкви; он вышел из ее темного царства окрыленный, свободный и устремленный к познанию, к раскрытию законов и правил реальной природы — единственной основы основ всего сущего.

Для Спинозы характерна независимость. Независимость во всем. Она была продиктована неодолимым влечением к духовной свободе. Его стремление к независимости не было выражением ухода от мира, отречения от земного и реального. Спиноза не отшельник, презирающий мир и ненавидящий человечество. Нет, он самый живой, с самой тонкой духовной организацией человек эпохи, который верно чувствовал дыхание времени и глубоко осознал значение своего философского творчества. «И свою жизнь, — писал он, — я стараюсь проводить не в печали и воздыханиях, но в спокойствии, радости и веселье, поднимаясь с одной ступени на другую, более высокую».

Во имя этой независимости он отказался от богатства отца, став шлифовальщиком стекол. Работа давала ему возможность весь свой интеллект направить на изучение природы, на установление прочного союза между естествознанием и философией. Он неутомимо искал контактов с людьми техники, так как ведущие люди эпохи были тесно связаны с практикой оптиков, механиков и астрономов.

Порвав с общиной, непреклонный и гордый вольнодумец после анафемы покинул отцовский дом. Он добровольно решил скитаться по чужим квартирам во имя «расширения пределов власти человека для осуществления всего возможного». Он знал, что здесь, в еврейском квартале на улице Бургвал, в доме родителей, ему покоя не будет от фанатичных и суевренных соплеменников, от раввинов и старейшин. На человека, ушедшего из Фляенбурга, власть иудейских пастырей уже не распространялась. Но рабби не успокоились. Саул Мортейро обратился с жалобой на философа к городским властям. Магистрат включил в поход против атеиста кальвинистский консисториат.

Перед угрозой всепобеждающей силы атеизма и материализма служители различных религий готовы забыть недавние религиозные кровавые столкновения и протягивать друг другу руки. Братание синагоги и церкви еще больше разоблачает реакционную сущность как христианской, так и иудейской религий. Иудаизм и христианство всегда душили пытливость ума, любое проявление вольномыслия и предавали анафеме смелых мыслителей и революционеров, поднявшихся на борьбу против отсталости и невежества. Переправив «прошение» раввина пасторам амстердамского церковного совета, светские власти просили его дать свое «авторитетное» заключение по делу Спинозы. Рассмотрев «преступные деяния» вольнодумца, «святые отцы» пришли к заключению, что рабби прав: богохульник должен быть строго наказан. Магистрат приказал Спинозе немедленно покинуть Амстердам.

После изгнания Спиноза поселился в деревушке

Оуверкерк. Там он прожил несколько месяцев, а затем снова вернулся в Амстердам, где около трех лет жил в кругу друзей-коллегиантов. В течение этого времени он усиленно занимался самообразованием и в совершенстве овладел профессией шлифовальщика алмазов и линз.

Почему Спиноза не поступил в университет, а занялся самообразованием? Что он изучал в течение 1656—1659 годов? Эти вопросы требуют ответа, ибо, отдавая должное гению и темпераменту Спинозы, нельзя рассматривать его жизнь в отрыве от эволюции науки и философии его времени.

Передовых идей, включенных в творческую лабораторию молодого философа, не найти в аудиториях тогдашних университетов. «Академии, основываемые на государственный счет, — отмечал Спиноза, — учреждаются не столько для развития умов, сколько для их обуздания». Труды, которые волновали и восхищали его, не изучались в университетах. Так, в 1643 году в Утрехте, в 1647 году в Лейдене, а в 1656 году во всей Голландии было запрещено читать лекции по философии Декарта. В университетских программах не существовало лекций о Бруно, Галилее, Бэконе и других подлинных творцах науки и философии. Профессора, ставленники официальной учености и мудрости, затрачивали много слов на изложение философии Аристотеля в трактовке средневековых комментаторов. Аристотель царил на кафедрах богословия и философии. Его «Органон» стал библией для каждого, кто думал посвятить себя официозному любомудрию.

Высмеивая тех, кто на «своих схоластических мельницах» перемальвает средневековый мрак, великий и страстный мыслитель принялся за серьезное и глубокое изучение новых идей астрономии, математики и механики. Слова Галилея о том, что философия записана в книге вселенной языком математики — треугольниками и кругами, — поражали своей новизной, ясностью и прямоотой. Спиноза обдумывал свою философскую систему, логически обоснованную, как математическая формула.

В школе Эндена Спиноза штудировал труды древних философов, Бруно и Декарта. В деревне Оувверкерк, а затем в кругу друзей он главным образом изучал произведения английского философа Фрэнсиса Бэкона. Его «Новый органон», «Опыты и наставления», «Новая Атлантида» стали настольными книгами молодого мыслителя. Барух был захвачен гениальной утопией, нарисованной в «Новой Атлантиде», вымышленным бенсалемамским государством, в котором решающую роль играло общество «Дома Соломонова», ибо цель этого общества — «познание причин и скрытых сил всех вещей, расширение власти человека над природой, покуда все не станет для него возможным».

«Дом Соломонов» оказался близким сердцу Спинозы еще потому, что люди этого дома «нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах», умели близкие предметы «представить отдаленными, а отдаленные — близкими», владели стеклами и приборами, позволяющими отчетливо «рассматривать мельчайшие предметы, как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен».

Хотя «Дом Соломонов» был царством грез, однако он отражал страстное желание передовых умов совершенствовать условия и формы социального бытия. Спиноза со всем пылом воспринял прогрессивный взгляд на природу и общество, сформулированный Бэконом, укрепился в своем резко отрицательном отношении к космогонии умирающего феодализма, к учению церкви о человеке и его блаженстве.

В литературном наследии Спинозы редко встречаются какие-либо биографические данные. Но Спиноза оставил нам богатейшее наследие, свои труды. В них явственно проступает личность автора — возвышенного, скромного и удивительно простого, как и отраженная в его трудах природа — единая, бесконечная, величественная. Спиноза прожил сложную и ясную жизнь, полную борьбы и схваток. Все, что мог дать его гений, он отдал философии.

В ТАВЕРНЕ «СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ»

28 марта 1659 года исполнилось пятьдесят лет с того дня, когда Испания заключила перемирие с Соединенными провинциями.

Амстердамские коллегиянты в ознаменование победы революции в Нидерландах собрались в кабачке Жана Зета, прозванном таверной «Свободо-мыслящих».

Зал, в котором находились стойки, бочки с вином, столики и небольшое возвышение для музыкантов, был по-праздничному убран. Под потолком висели разноцветные фонарики, гирлянды, национальные голландские флажки. Играла музыка. Былолюдно, шумно и весело. Здесь находились Лодевейк Мейер, Ян Боуместер, Риувертс и другие друзья Спинозы. Гости сидели за столиками, усердно наполняя бокалы вином.

В разгар пира из-за столика, стоявшего в центре зала, поднялся Риувертс и предложил тост за историческую победу, за свободу. Актриса Тереза, которая была рядом с ним, бурно зааплодировала.

Кто-то попросил поднять бокал за «дочь Венеры», за великолепную исполнительницу ролей комедий Плавта. Присутствующие наградили восторженными рукоплесканиями любимую актрису.

Тереза, разгоряченная вином и успехом, попросила маэстро сыграть ее любимую песню. В такт музыки она запела:

Танцовщица кружится, распаленная,
Истома грудь нагую тяготит.
Ее движенья грациозны, словно
Она по лезвию меча скользит.
Пылает радостью ее прекрасный кубок,
Лицо горит негаснущим огнем.
Я зажигаюсь от летящей искры,
И сердце расплывается мое.

Артистка поднялась со своего места, вышла с гитарой на сцену и, аккомпанируя себе, начала танцевать. Публика в ритм движений актрисы подхватила песню:

Арабская танцовщица прекрасна,
В ее крови мои мечты горят.

Ее глаза, с моими повстречавшись,
Затеплились, и светом вспыхнул взгляд.

За столиком Мейера шла оживленная беседа. Лодевейк рассказывал друзьям о задуманной им книге, которая должна прийти на помощь тем, кто отрицает богооткровенность Библии, и послужить им верным оружием в философской войне.

Друзья видели, что семена, посеянные лекциями Спинозы в доме Корнелиуса Мормана, начинают давать обильные всходы. Но они видели также и те опасности, которые ждут Мейера на вновь обретенном пути.

Один из коллегантов, Питер Баллинг, сидевший рядом с Лодевейком, посоветовал ему соблюдать осторожность.

— Учитель наш написал свой «Краткий трактат» только для друзей-единомышленников, желавших «упражняться в нравственности и посвятить себя истинной философии». Но списки трактата сделались достоянием многих лиц, которых никак не назовешь ни друзьями, ни единомышленниками.

Баллинг добыл из кармана несколько потертых листков.

— Вот, полюбуйте, — продолжал он. — Этот пасквиль распространяется злейшими врагами Спинозы и может принести ему большой вред. Послушайте только, что они пишут.

«Мы, — читал Питер, — прочли сочинение дурного человека, Спинозы, и легко постигли, что он не только вступил на путь атеизма, но зашел по нему очень далеко. Нам казалось, что его трактат «О боге, человеке и его блаженстве» останется без всякого внимания. Мы полагали, что люди неученые не поймут нечестивого содержания, ученые же легко поймут всю суетность и несостоятельность этого сочинения. Ныне мы убедились, что не только иные из толпы, совершенно несведущие в философии, почитают учение Спинозы за нечто научное и очертя голову ввергаются в атеизм, к которому они и прежде были склонны, но даже люди ученые увлекаются этим прискорбным лжеучением».

Закончив чтение, Баллинг обвел пристальным взглядом притихших друзей и добавил:

— Эти люди не только пишут письма, но грозятся также перейти к действиям, и слова их — не пустая угроза. *Caute, друзья!*

Входная дверь распахнулась, и на пороге появились Спиноза с Кларой-Марией.

Появление их было настолько неожиданным, что за столом вначале установилось неловкое молчание. А потом все наперебой принялись приглашать вновь прибывших. Спиноза с Кларой-Марией заняли предложенные места, но беседа как-то не клеилась. Более проницательный Мейер шепнул, наконец, друзьям:

— Разве вы не видите — им следует побыть вдвоем...

Воспользовавшись затеявшейся под окнами потасовкой, коллеганты покинули таверну.

За столом остались Клара-Мария и Спиноза. Некоторое время они сидели молча. Как бы продолжая прерванный разговор, Спиноза спросил:

— Вы не смогли бы доказать отцу, что ваша естественная среда — это Амстердам?

— К сожалению, нет... Но, — сказала она, — отец говорил, что и вы можете с нами поехать во Францию...

Спиноза достал трубку, закурил и в раздумье глядел куда-то вдаль, мимо Клары-Марии.

— Что вы молчите, Бенедикт? — огорченно спросила она.

— Нет, Мария, — ответил ей Спиноза, — королевская Франция — это не то место, где можно свободно мыслить. Сами знаете, Декарт покинул свою родину и жил в нашей стране.

После небольшой паузы он добавил:

— Нам выпало на долю жить в свободном государстве, где каждому предоставлена свобода суждения. И здесь у меня много друзей.

— То, что сблизило меня с вами, — с грустью сказала Клара-Мария, — теперь нас разлучает — ваша философия.

В зал вернулись Мейер, Риувертс, Боуместер и другие гости.

Зет из-за стойки оповестил:

— Друзья! Сегодня я бесплатно угощаю всех в честь праздника свободы Голландии. Наливайте бокалы! Это вино не французское, не итальянское и не испанское. Это голландское вино. Может быть, оно кому-то покажется не таким сладким и не таким крепким — я его пью как самый лучший нектар из всех, которые нам подарила мать природа!

Затем он подошел к Спинозе и громко сказал:

— Учитель, тост!

Спиноза взял бокал и торжественно произнес:

— Дорогие друзья! Голландия радуется, что она порвала цепи рабства и сбросила с себя чужеземное иго. Свобода стала основой нашего существования. Но тот, кто истинно заботится о народе, обязан прежде всего способствовать освобождению его духа от страха, смирения, от тысячелетнего сна, в который погрузила его церковь. Она стремится загнать людей в темный подвал, запрещая каждому свободно отличать правду от лжи, и лжет, лжет беспрепятственно, бесстыдно, используя каждое несчастье человека для своего возвышения и обогащения! Что мы можем и должны ей противопоставить? Знание. Разум, обогащенный знанием, всемогущ. Поднимаю бокал за свободу разума!

Все в ответ закричали:

— Виват! Виват!

Долго веселились коллегианты в этот вечер в таверне Жана Зета вокруг Спинозы. Только самому философу было грустно, сидя рядом с Кларой-Марией. Он отлично понимал, что сидят они так близко в последний раз...

ВОИНСТВУЮЩАЯ МИСТИКА

Дым костров инквизиции возродил в евреях чудовищную веру в приход небесного спасителя — мессию.

С незапамятных времен пророки провозглашали

веру в пришествие избавителя от земных невзгод. Гонимые и расселенные по разным странам, евреи несли с собой веру в наступление лучших времен и надежду на «царство божие» для очищенных от зла людей. Представление о спасении «приобрело самые различные формы с характерными чертами мистического освобождения от нищеты, материальных и духовных страданий, рабского ига» (А. Донини, «Люди, идолы и боги»). «Будет обилие посевов хлеба на земле — превыше гор; злаки будут волноваться, как лес на Ливане, и в городах размножатся люди, как трава на земле». Такова была вековая мечта бедняка, преображающая надежду на лучшую жизнь в религиозную иллюзию.

«Разумеется, — подчеркивает Донини, — представление о спасении с помощью мессии выражалось языком религии. Тем самым оно способствовало отходу людей от действительности, вело их от одной мечты к другой и в конце концов — к поискам фантастического разрешения противоречий, не способного изменить существовавшие условия жизни».

Не понимая классовых причин, социальных потрясений, происходивших в XVI и XVII веках на Украине, в Турции, Испании и Голландии, обездоленные и угнетенные еврейские народные массы тешили себя надеждой на заступничество мессии. Им казалось, что «чаша страданий опорожнена до дна» и что час освобождения от мук настал.

После изгнания евреев с Пиренейского полуострова выразителем их упований стал раввин Исаак Абрабанел, пользовавшийся большим авторитетом среди верующих. В книге «Вестник избавления» он оповещал, что спаситель придет в 1503 году. Нашелся некий Ашер Лемлин, который объявил себя предтечей грядущего небесного посланца. В 1522 году началось новое мистическое движение, продолжавшееся около десяти лет. На титул мессии поочередно претендовали Давид Реубейни и Соломон Молхо. И хотя все эти авантюристы были разоблачены, в народе не перестали верить в чудесное избавление. Как отмечает историк, «в первой половине XVII века мессианская

пропаганда опять делается злобой дня». На сей раз спаситель объявился в городе Смирне. Мистик Саббатай Цеви на основании бредовых формул и цифровых комбинаций, содержащихся в книгах Каббалы¹, пророчествовал о священной заступнической роли, которую возложил на него сам Иегова. В Смирне и в других городах Турции возникли кружки, воспевавшие Саббатая Цеви, как царя иудейского. Аскет Авраам Яхини среди прочей мистической болтовни стал к тому же возвещать, что именно Саббатай и есть истинный мессия. В адрес многих общин он писал: «Я, Авраам, 40 лет сидел в пещере и дивился, что еще не настало время чудес. Тогда раздался таинственный глас: «Вот родится сын у Мордехая Цеви, в лето от сотворения мира 5386-е² и будет наречен Саббатаем. Он силою укротит ужасного крокодила. Саббатай — мессия истинный, царствие его во веки веков, и нет избавления, кроме него. Встань на ноги твои и внемли!»

Бурная и открытая агитация за Саббатая Цеви дошла и до Амстердамской общины. Страстным почитателем новоявленного избавителя стал Менассе бен-Израиль — один из богословов, третиовавших Спинозу.

Менассе бен-Израиль слыл в иудейской и христианской среде мудрецом (хахамом). Его перу принадлежит около 400 проповедей, несколько богословских книг и брошюр. О нем говорили: «Менассе не родил на свет никаких великих и плодотворных мыслей, но зато принимал на свое попечение чужие мысли и лелеял их, как свои детища». Начитанный в иудейской и христианской литературе, он тяготел к сочинениям, страницы которых заполнены мистикой, фантастическими вымыслами и чудовищными видениями. Излюбленной книгой Менассе был «Вестник избавления» Абрабанела, правнучка которого, Рахиль Соейро, была его женой. В этом союзе Ме-

¹ Каббала — мистическое учение, возникшее в средние века и изложенное в «Сефер нецира» («Книга творения») и «Зогар» («Сияние»)

² То есть в 1626 году.

нассе видел особое предзнаменование, гордился им и глубоко верил, что и он удостоен чести облагодетельствовать народ иудейский. В произведении «Надежда Израиля» он открыто объявлял себя чуть ли не предвестником «царя иудейского». В сочинении, озаглавленном «Благородный камень», автор предсказывал близкое явление искупителя.

Менассе развил бурную деятельность. В конце 1656 года он собрал совет старейшин и потребовал от него активных действий. В частности, он считал необходимым использовать тот факт, что в Англии был обезглавлен король Карл I и что «новые хозяева страны» (Оливер Кромвель и другие) благосклонно относятся к евреям. Дело в том, напоминал Менассе коллегам, что согласно иудейскому вероучению мессия может снизойти с небес лишь в том случае, если евреи будут рассеяны по всему миру. Но английский закон от 1290 года запрещал им селиться на Британских островах. Менассе настоятельно рекомендовал снести с английского послом в Голландии, с лордом Оливером Сент-Джоном и начать с ним переговоры об отмене жестокого закона.

Старейшины принялись за составление адреса на имя Кромвеля и обратились к послу с просьбой быть посредником между Амстердамской общиной и английским правительством.

В преамбуле адреса они искусными ссылками на Библию и Талмуд указали на то, «что бог по своей воле дает людям власть и могущество, награждает и наказывает также земных властителей, что особенно подтвердилось в еврейской истории; великие монархи, преследовавшие евреев, кончили жизнь весьма печально, как Фараон, Навуходоносор, Антиох Епифан, Помпей и другие; и, напротив, благодетели еврейского народа пользовались счастьем, и здесь, на земле, исполнились слова, сказанные богом Аврааму¹: «Я благословлю благословляющих тебя и прокляну».

¹ Авраам — мифический родоначальник еврейского народа.

Затем после этих вводных слов было сказано, что Англия призвана содействовать приходу мессии и должна поэтому дать разрешение на постройку на ее территории нескольких еврейских молитвенных домов. «И эту надежду, — писали раввины, — питает еврейский народ с тех пор, как он узнал, что в Англии республика заменила королевскую власть».

В адресе было обращено внимание Кромвеля на то, что капиталы еврейских оптовых купцов способствовали бы расцвету и могуществу Англии, если бы им позволили принять участие в экономической жизни страны.

Долго ждали руководители общины Амстердама ответа из Лондона. В октябре 1657 года в «Бет-Иакове» появился Оливер Сент-Джон. Он дал понять старейшинам, что правительство его страны благожелательно относится к их просьбе.

Весть эта была воспринята с огромным воодушевлением. Во Фляенбурге начались празднества, распевали псалмы, трубили в рога, танцевали на площадях и улицах, горячо молились. Менассе бен-Израиль и его сторонники ликовали, провозглашая Саббатая из Смирны «царем иудейским».

Единственным человеком из Фляенбурга, который высмеивал мессианские бредни и разоблачал фанатиков и авантюристов, был Бенедикт Спиноза. Хотя с конца 1656 года он уже жил вне еврейского квартала Амстердама, однако внимательно следил за всеми событиями, в водоворот которых были втянуты его соплеменники. Его искренне огорчало, что Саббатай Цеви и его амстердамский заступник толкают народ в пропасть, воскрешая в его сознании средневековые мистические традиции. Спиноза горячо разъяснял вред обветшалых средневековых предрассудков.

Еще в доме отца, на улице Бургвал, к Спинозе приходили юноши, которым он давал уроки по латыни и математике. Молодежь почитала своего наставника и находилась всецело под обаянием его личности. И тогда, когда отлученный от общины мыслитель вынужден был покинуть Фляенбург, молодые друзья, искренние и преданные ученики, не забыли его. Втай-

не от родителей и руководителей общины они частр навещали Спинозу, внимательно прислушиваясь к каждому его слову. Вдохновенность философа их покоряла. Свет Спинозы не ослеплял, а озарял путь к пониманию законов, управляющих небом и землей.

В кругу Спинозы не было места равнодушию. Вдумчивый подход ко всему живому противопоставлял Спиноза скотскому безразличию. Страстную заинтересованность к судьбам людей должен был проявлять каждый, кто хотел учиться у философа и стать его последователем.

Ученики из Фляенбурга однажды рассказали Спинозе смешную историю о гимне саббатаянцев. Как-то Саббатай Цеви и невежды и мечтатели из его свиты услышали в горах Турции песенку о царевне Мелисельде:

В ручье, как зеркало, кристально чистом
Лежит и нежится царевна

Мелисельда,

И к ней ласкается ручей

И страстно жмет к груди своей

О Мелисельда!

Вот вышла из ручья Как первый снег, чиста
И ослепительна, и обжигает красота..

О Мелисельда!

Кораллами алеют губы,

Сверкают перламутром зубы

О Мелисельда!

И лик ее величествен Он

Сияньем благостным и гордым озарен.

О Мелисельда!

В глазах таятся молнии и грозы,

Уста — благоуханье розы.

О Мелисельда!

Каббалисты приняли исполнителя песни, пастуха из гор, за провозвестника «гласа божия», а в словах о Мелисельде усмотрели аллегоррию: любовь всевышнего к «избранному» народу.

Спиноза долго смеялся, затем заговорил о порочности измышлений, об избранных и неизбранных народах, а потом о равенстве всех наций, о невежественных «избавителях народа». «Ревнители мессианства своими дикими воплями повергают в ужас слабые

умы, — сказал Спиноза. — Отчаяние, безысходность народа так велики, что он возлагает надежды на такое убожество, как Саббатай Цеви... Для меня же, — подчеркнул философ, — аксиома: темные силы не могут принести освобождения никому. Кто действительно заботится о людях, тот обязан прежде всего помочь им освободиться от мрачных суеверий. Освобождение духа народа — вот начало всеобщего его освобождения!»

Спиноза говорил с жаром и гневом. Он обратил внимание фляенбургских юношей на то, что любой негодяй, который выдает себя за мессию, — авантюрист, лишенный головы и разума. Легковерные люди грезят о каком-то сверхъестественном искуплении. Необходимо предотвратить победу лжи, надо раскрыть грубый обман и рассеять густой мрак.

Покоренные ясностью мыслей Спинозы, его ученики принесли во Фляенбург светлые идеи о свободе и равенстве, о радости труда и жизни. Они откровенно заявляли, что Саббатай Цеви такой же мессия, как местный трубочист Иоахим.

За новыми «подрывателями основ веры» установили слежку. Кто же их вводит в грех?

Совет старейшин, встревоженный «богохульством» мальчиков, поручил некоему Рефозлу, отъявленному мистика, проследить, откуда исходит ересь. Ему подсказали, что вероятнее всего это проделки дьявола, отверженного богом и общиной Баруха Спинозы.

Рефозл поклялся, что позор с общины иудейской будет снят. «Во имя господина нашего, во имя Саббатая Цеви, — воскликнул фанатик, — я дни и ночи буду сторожить заклятого врага, грешную тварь, постами и истязаниями, умерщвлением плоти сделаюсь видящим, но невидимым, уничтожу богомерзкую нечисть!»

Рефозл, детина чуть ли не в два метра ростом, с круглой телячьей головой и лицом преступника, раб Каббалы и мистики, жестокий и грубый, с рвением взялся за «богоугодное» дело.

Дом, в котором жил Спиноза, стоял в глубине сада, на окраине Амстердама. Неподалеку от дома была мастерская философа. Там среди молотков, рашипи-

лей, напильников, верстаков и множества линз, проводил он целые дни в мастерской, горячо и неустанно работал. Заказы он выполнял с особым изяществом, придавая линзам совершенные формы; каждое увеличительное стекло становилось в его руках подлинным произведением искусства, непревзойденным шедевром. Искуснейший мастер своего дела, Спиноза имел много заказов.

Однажды среди посетителей мастерской оказался и Рефозл. Фанатик, прежде чем заговорить со Спинозой, достал из-за пазухи сюртука бараний рог и взмолился богу о том, чтобы он изгнал из мастерской бесов, которые здесь во множестве толпятся около дьявола. Потом он стал прерывисто трубить в рог. «Спасительное средство, — пояснил Рефозл Спинозе, — бесы и духи боятся трубного гласа», — и тут же потребовал от философа ответа за богохульное поведение святых агнцев, то бишь детей из Фляенбурга.

Спиноза, с иронией наблюдавший за дурно сыгранной комедией, попросил мистика оставить мастерскую, так как он мешает ему работать. Рефозл крепко выругался и ушел, обещав очень скоро покончить с Барухом.

В тот же вечер, когда Спиноза возвращался из театра домой, коварный враг напал на него с ножом в руках. К счастью, Спиноза был не один, и ему удалось спастись от удара убийцы.

Однако члены раввината не оставили в покое отлученного и проклятого ими философа. В конце 1659 года Мортейро вторично попросил бургомистра изгнать Спинозу из Амстердама. Просьба рабби была удовлетворена, и Спинозе пришлось опять искать себе пристанище.

НА «УЛИЦЕ СПИНОЗЫ»

Оставив Амстердам, Спиноза в 1660 году уехал на родину коллегантов, в Рейнсбург, и жил здесь до середины 1663 года. Он сблизился с простыми людьми из народа, с крестьянами и ремесленниками, часто

общался с ними, принимал горячее участие в их повседневной трудовой жизни, помогал советом, утешал добрым словом. Селяне Рейнсбурга полюбили горожанина. Свою безграничную любовь к нему они выразили весьма сердечно: узенький переулок, в котором жил философ, они назвали «Spinoza Laantien», то есть «Улица Спинозы».

На этой улице торжествовал человеческий ум: здесь жил, творил и трудился самый выдающийся человек своего времени, краса и гордость передового человечества.

Из Рейнсбурга Спиноза руководил спинозистским кружком, который был организован в Амстердаме Симоном де Врисом. «Хотя тела наши, — писал страстный пропагандист новой философии Спинозе, — находятся так далеко друг от друга, Вы очень часто представляли перед моим духовным взором, особенно когда я перелистывал и обдумывал Ваши сочинения. Но так как для меня и моих товарищей не все в достаточной степени ясно (вследствие чего мы опять стали сходить для совместных занятий)... я и решил написать Вам это письмо.

Что касается нашего кружка, то он основан на следующих началах: один из нас (каждый по очереди) прочитывает, объясняет сообразно со своим пониманием и затем доказывает все то, о чем идет речь, следуя расположению и порядку Ваших теорем. В случаях невозможности дать удовлетворительное объяснение друг другу мы признали полезным отмечать непонятное, а затем обращаться письменно к Вам, чтобы Вы по возможности рассеяли неясности и чтобы мы под Вашим руководством могли защищать истину против суеверно-религиозных людей и против христиан и тогда могли бы устоять под натиском хотя бы всего мира».

Учитель неутомимо разъяснял недоуменные вопросы, возникавшие в кружке (достаточно мудро организованном согласно замечанию Спинозы). Сколько бессонных ночей потратил мыслитель на то, чтобы в письмах, адресованных ученикам, изложить свои разрушающие религию мысли и дать точные опреде-

ления явлениям, выражающим великое умственное движение эпохи!

В Рейнсбурге впервые философ ощутил потребность заняться рисованием. В стране, где жил и творил могучий гений Рембрандта, кого не вводила в соблазн живопись? Невозможно было удержаться от желания испробовать свои силы в изобразительном искусстве. Рисование стало неодолимой страстью Спинозы.

«У меня в руках, — писал Колерус, — целая тетрадь портретов, между которыми... нашел рисунок рыбака в рубашке, с заброшенной на правое плечо сетью, в позе, совершенно сходной со знаменитым главой неаполитанских мятежников Мазаньелло, как его обыкновенно изображают на исторических гравюрах... Ван де Спик, у которого Спиноза квартировал в последний период своей жизни, говорил мне, что портрет этот как нельзя более походит на самого Спинозу и был, очевидно, списан им с самого себя».

Характерно, что Спиноза видел себя в образе мятежника Мазаньелло — юноши-рыбака из Неаполя, поднявшего в июле 1647 года народные массы своего города на борьбу против налогов, тяжело обременявших жизнь рыбаков и ремесленников.

Мазаньелло был очень популярен и получил титул «генерального капитана народа Неаполя». Спиноза пользовался огромным влиянием и был провозглашен «князем атеистов». Мазаньелло создал народную армию, одержавшую победу над испанскими и наемными германскими отрядами. Спиноза возглавил вольнодумцев Голландии, неустанно разоблачавших реакционное духовенство и ревнителей церкви. Мазаньелло — революционер, подрывавший устои феодализма, Спиноза — бесстрашный командир, штурмовавший средневековые воззрения. Много было общего в судьбе и характере рыбака из Неаполя и философа из Амстердама.

В Рейнсбург, на «Улицу Спинозы», приезжали друзья, ученые и оптики; там велись беседы, охватывающие широкий круг вопросов науки и политики.

Летний августовский вечер 1661 года. Ровная дым-

ка окутывала молчаливый Рейн. Уже всходила луна, но небо оставалось прозрачно голубым. Крестьяне, целый день усердно трудившиеся на полях, возвращались домой. На площади села их остановил незнакомец.

— Нельзя ли, — спросил он, — узнать, где живет Спиноза?

Самый молодой из крестьян охотно показал ему дом Германа Хамана, в котором Спиноза занимал комнату.

Радушно встреченный гость рассказал Спинозе, что зовут его Генрихом Ольденбургом, родом он из Бремена, а в 1653 году городской сенат направил его в Лондон с дипломатическим поручением. С тех пор он живет в Англии. Первое время учительствовал, давал уроки по естествознанию состоятельным молодым людям. В настоящее время он, Ольденбург, является ученым секретарем Лондонского Королевского общества (английской Академии наук). В июле этого года гостил в родном городе. Из Бремена заехал в Лейден и там узнал, что в селе, до которого рукой подать, здравствует властелин умов Нидерландов. Любознательность его была столь велика, говорил гость, что не заехать к Спинозе он не мог.

Ольденбург был старше Спинозы на двенадцать лет. Однако выглядел намного моложе своего возраста и по виду казался ровесником философа. Было нечто такое во внешнем облике Ольденбурга, что располагало к нему Спинозу. Рейнсбургский мыслитель, обычно тихий и осторожный, в августовский вечер 1661 года бурно и откровенно раскритиковал основные исходные позиции философии Декарта и Бэкона и посвятил гостя в свои взгляды на бога и природу, на единство тела и души, на совершенство и счастье.

Возвращаясь с «Улицы Спинозы», первый секретарь английской Академии наук был под впечатлением богатства знаний, глубины мысли и благородства красивого и правдивого человека. «Кто он, этот Спиноза, — думал Ольденбург, — проклятый отщепенец, еврей-вероотступник с тонким лицом аристо-

крата и грубыми руками рабочего?.. Живой родник мудрости, он зажигает, возносит, ведет вперед. Доброжелателен, чист душою, скромн, величав гордый потомок библейских пророков».

В первом же письме Ольденбург писал Спинозе: «Славнейший господин, уважаемый друг!

Мне так тяжела была недавняя разлука с Вами после краткого пребывания в Вашем мирном уединении в Рейнсбурге, что я тотчас по возвращении в Англию спешу хоть письменно возобновить наши сношения. Основательная ученость в соединении с учтивостью и благородством характера (природа и трудолюбие самым щедрым образом наделили Вас всем этим) сами по себе до того привлекательны, что возбуждают любовь во всяком прямодушном и либеральном воспитанном человеке.

Итак, превосходнейший муж, дадим друг другу руки для непритворной дружбы и будем осуществлять ее на деле в различных совместных занятиях и взаимных услугах. Располагайте как своей собственностью всем, что только находится в моих скудных силах; мне же позвольте позаимствовать у Вас часть Ваших духовных богатств, тем более что это не может быть в ущерб Вам самим».

Дружба была принята и длилась долгие годы. Ольденбург понял, что на «Улице Спинозы» горело бессмертное пламя разума и что лучшие умы эпохи будут неустанно тянуться к этому чарующему, неугаваемому, вечно живому источнику света.

БОГ, ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

На «Улице Спинозы» гость из Лондона ставил трудные и волнующие вопросы: о боге, о природе связи, существующей между человеческой душой и телом, о принципах философии Декарта и Бэкона. Молодой, двадцатидевятилетний мыслитель не уходил от ответа.

— Бог сегодня в центре внимания философии, — сказал Спиноза. — Сумеет ли она освободиться от

пут религии и пойти своей дорогой, дорогой разума, или она и впредь будет служанкой теологии? Бог стал предметом спора, дискуссий. Самый факт, что о нем заговорили, что он взят под микроскоп философских наблюдений, говорит об антиклерикальном настроении науки и эпохи. С этого момента гибель религии и ее центральной идеи неотвратима. Ей уже приходится защищаться от Коперника, Галилея, Бруно. Противники свободной мысли уже теперь держат ответ. Религия ищет поддержки у философии.

— И находит? — спросил Ольденбург.

— Вы желаете, — в ответ сказал Спиноза, — чтобы я указал вам ошибки, которые усматриваю в философии Декарта и Бэкона? Хотя и не в моих привычках раскрывать чужие заблуждения, однако хочу и в этом вопросе исполнить ваше желание.

Ольденбург в вежливых словах выразил свою благодарность.

— Первая и самая важная ошибка заключается в том, — добавил Спиноза, — что оба они очень далеки от понимания первопричины и происхождения всех вещей.

— Это серьезный упрек, — заметил Ольденбург.

— Разумеется, — сказал Спиноза. — Декарт освободил свой дух от традиционной схоластики, глубоко погрузился в мышление и открыл большие просторы, наметил перспективы. Его метод познания природы заслуживает лучших похвал. Поистине велик Декарт. Мы ему очень обязаны. Но свой ум он все же не освободил от всех предрассудков, от обычного понимания природы.

— Что вы имеете в виду? — допытывался Ольденбург.

— Декарт, — пояснил Спиноза, — исходил из двух независимых друг от друга начал бытия. Две субстанции, учил он, образуют мир. Одна из них телесна, другая — духовна. Они не взаимодействуют. Как же так? Если субстанции не общаются, то как быть с единством материи и духа? Ведь человек — реальное воплощение единства тела и души. Кто же творец нашей природы? Хитрый обманщик? Чтобы

выпутаться из этих противоречий, Декарт поставил над субстанциями бога, который сверхъестественным образом направляет согласное их действие. Бог культа и догматики, костра и плахи. С этим согласиться нельзя. Никаких двух субстанций, никакого бога, призванного оказывать динамическую помощь покоящимся и независимым субстанциям! Гармония мира, реальная, объективная в единой и единственной природе!

«Какая всеиспепеляющая страсть, какое величие мыслей!» — подумал Ольденбург.

— Что же вы подразумеваете под богом? — спросил он.

— Я не так отделяю бога от природы, — ответил Спиноза, — как это делали все известные мне мыслители. По учению любой религии, бог — это отдельная и отличная от природы сущность, обладающая свойством личности, создавшая однажды по доброй воле мир и все живое из ничего и постоянно управляющая вселенной и поведением людей. Религия признает бога, стоящего над природой. Нелепее такого представления я не знаю. Я определяю бога совсем иначе. Он — существо, состоящее из бесчисленных атрибутов, из которых каждый в высшей степени совершенен в своем роде. При этом прошу учесть следующее: во-первых, в природе не может быть двух субстанций, которые не различались бы своею сущностью; во-вторых, никакая субстанция не может быть произведена, ибо существование принадлежит к сущности субстанции; в-третьих, каждая субстанция должна быть бесконечна или в высшей степени совершенна в своем роде. Как только это будет усвоено, — закончил Спиноза, — вы легко поймете, славнейший муж, общее направление моей мысли, если вы только при этом будете иметь в виду мое определение бога.

Спиноза обратил внимание своего слушателя на необходимость усвоения его определения бога. В самом деле, о двух бесконечных субстанциях мыслить невозможно, и если субстанция никем не создана, то, стало быть, она одна и существует. Она существо,

которое состоит из бесчисленных атрибутов (качеств), из которых каждый бесконечен или в высшей степени совершенен.

Вывод: бог есть природа или субстанция.

— Почему, однако, люди измышляют сверхъестественные силы, надмировые существа, именуя их богами? — спросил Ольденбург.

— Боготворство объясняется формулой: люди судят обо всем по себе, — пояснил философ. — Так как люди находят в себе и вне себя немало средств, весьма полезных, как-то: глаза для зрения, зубы для жевания, растения и животных для питания, солнце для освещения, море для выкармливания рыб и т. д., то отсюда и произошло, что они смотрят на все естественные вещи как на средства для своей пользы. Они знают, что эти средства ими найдены, а не приготовлены ими самими, и это дает им повод верить, что есть кто-то другой, кто приготовил эти средства для их пользования. В самом деле, взглянув на вещи, как на средства, они не могли уже думать, что эти вещи сами себя сделали таковыми. Но по аналогии с теми средствами, которые они сами обыкновенно готовят для себя, они должны были заключить, что есть какой-то или какие-то правители природы, одаренные волей и свободой. О характере этих правителей они судят по своему собственному.

— И люди по аналогии с собственной природой, — добавил Спиноза, — приписывают богам человеческие качества: гнев и милость, любовь и ненависть, радость и печаль. Посмотрите, прошу вас, — воскликнул Спиноза, — до чего дошло! Среди стольких удобств природы люди должны были обнаружить также немало и неудобств, каковы бури, землетрясения, болезни и т. д., и предположили, что это случилось потому, что боги были разгневаны понесенными ими от людей обидами или погрешностями, допущенными в их почитании. И хотя опыт ежедневно говорил против этого и показывал в бесчисленных примерах, что польза и вред выпадают без разбора как на долю благочестивых, так и на долю нечестивых, однако же от укоренившегося предрассудка люди не отстали.

Спиноза доверительно сообщил Ольденбургу, что он обдумывает «особый трактат», в котором центральное место займет вопрос о тождестве бога и природы, о том, каким образом вещи начали существовать и в какого рода зависимости они находятся от первопричины.

— Но, — говорил философ, — я откладываю этот труд в сторону, так как еще не имею определенного решения касательно его издания. Я боюсь, как бы нынешние теологи не почувствовали себя оскорбленными и не набросились бы на меня с обычной для них ненавистью, — на меня, которого так страшат всякого рода ссоры.

— Я решительно посоветовал бы вам не скрывать от ученых тех результатов, которых вы достигли в философии благодаря пронизательности вашего ума и вашей учености. Опубликуйте их, — настоятельно рекомендовал Ольденбург, — какой бы визг ни подняли посредственные теологи.

— Вы говорите, «посредственные теологи». Да разве только они? Любые теологи «поднимут визг», пользуясь вашим выражением, — сказал Спиноза, — и те, которые постулируют бога, помещая его в заоблачный мир, и смотрят на него как на вершителя судеб природы и человека.

— Ваша мудрость, — подчеркнул Ольденбург, — позволит вам изложить ваши мысли и взгляды с возможной умеренностью. Все прочее предоставьте судьбе. Достоинейший муж, отбросьте всякий страх и опасение раздражить разных ничтожных людишек нашего времени. Уже достаточно угождали невежеству и ничтожеству. Распустим паруса истинной науки и проникнем в святилище природы глубже, чем это делалось до сих пор.

На основании бесед Спинозы с Ольденбургом и первых писем к нему мы можем заключить, что начальный период становления философии Спинозы был завершен. К этому времени он критически переоценил приобретенные в школе Эндена и в кругу коллегiantов знания, выработал основные принципы нового мировоззрения и был полностью подготовлен

к самостоятельному проникновению «в святилище природы», освобожденной от мистики и сверхчужденных сил.

СУВЕРЕНИТЕТ РАЗУМА

Первый труд Спинозы, связанный с Рейнсбургом, — это «Трактат об усовершенствовании разума». В нем все ясно, как луч солнца. Трактат содержит кое-какие автобиографические данные, по которым можно прочесть всю партитуру пройденного пути философа. Развивая мысль «Краткого трактата» о суетности богатства и любострастия, Спиноза в новом произведении ссылается на опыт, на практику капиталистического города. Наблюдения жизни Амстердама вызвали в нем отвращение как к ничтожеству и спеси аристократов, так и к стяжательству и корыстолюбию купцов. Буржуазный быт Голландии, заменивший устои средневековья, породил основы, извращающие человеческую природу и превращающие жизнь в постоянное страдание.

Спиноза стоял у колыбели буржуазного общества и угадал последствия «чистогана», безжалостно превращающего «личное достоинство человека в меновую стоимость». Все идет вкривь. Все склоняются перед золотым идолом. Но золотой телец, который самодержавно царил над людьми в век капиталистического накопления, не стал кумиром Спинозы. Его идеал — философия, верно выражающая сущность и единство природы, формирующая человека — господина своих страстей, направляющая сознание на путь глубокого и истинного отражения первопричины и ее существенных связей со всеми вещами.

Земля, дай мне кореньев, а того,
Кто лучшее найти в тебе замыслит,
Своим сильнейшим ядом услади.
Что вижу? Золото? Ужели правда?
Сверкающее, желтое... Нет-нет,
Я золото не почитаю, боги;
Кореньев только я просил. О небо,
Тут золота достаточно вполне,
Чтоб черное успешно сделать белым,
Уродство — красотой, зло — добром,

Трусливого — отважным, старца — юным
И низость — благородством. Так зачем
Вы дали мне его? Зачем, о боги?
От вас самих оно жрецов отторгнет,
Подушку вытащит из-под голов
У тех, кто умирает. О, я знаю,
Что этот желтый раб начнет немедля
И связывать и расторгать обеты;
Благословлять, что проклято; проказу
Заставит обожать, возвысить вора,
Ему даст титул и почет всеобщий
И на скамью сенаторов посадит...

(Шекспир, «Тимон Афинский»)

Многие страницы «Трактата об усовершенствовании разума» с вдохновенной силой отвергают любострастие, славу и богатство, показывая, «сколько бед и горестей идет за ним вослед». Любострастие, оно так сковывает помыслы, что препятствует думать о другом; «между тем за вкушением этого следует величайшая скорбь, которая хотя и не связывает духа, но смущает и притупляет его». Есть много примеров, когда люди претерпевали преследования и даже смерть ради богатства. Немало примеров и того, как ради достижения или удержания пустой славы люди шли на любые жертвы.

Подводя итоги амстердамской жизни, Спиноза говорит, что и он был во власти общепринятых представлений о радостях жизни. Действительно, я видел, рассказывает он, что «нахожусь в величайшей опасности и вынужден изо всех сил искать средства помощи... Так больной, страдающий смертельным недугом, предвидя верную смерть, если не будет найдено средство помощи, вынужден всеми силами искать это средство, хотя бы и недостоверное, ибо в нем заключена вся его надежда».

Что же толкает людей в погоню за желтым дьяволом? Спиноза вновь, как в «Кратком трактате», обращается к проблеме любви. Он полагает, что «все счастье и несчастье заключено в одном, а именно в качестве того объекта, к которому мы привязаны любовью».

Любовь — основа всякого стремления. Вне любви нет никаких душевных движений, истины, гармонии

мысли и объекта. Но любовь «к вещи преходящей» несовершенна. Она сковывает дух, вызывает печаль и грусть, парализующие активность и волю людей. Наоборот, любовь «к вещи вечной и бесконечной» окрыляет дух, побуждает к действию и совершенству», а этого должно сильно желать и всеми силами добиваться. Такая любовь есть любовь разума, устремленного к обобщенному познанию единства всего реального. Интеллектуальная любовь — это побуждение, неотвратимый зов к постижению истинного счастья и высшего блага. «Чтобы правильно понять это, — говорит автор «Трактата об усовершенствовании разума», — нужно заметить, что о добре и зле можно говорить только относительно, так как одну и ту же вещь можно назвать хорошей и дурной в различных отношениях, и таким же образом можно говорить о совершенном и несовершенном. Ибо никакая вещь, рассматриваемая в своей природе, не будет названа совершенной или несовершенной, особенно после того, как мы поймем, что все совершающееся совершается согласно определенным законам природы... Все, что может быть средством к достижению этого, называется истинным благом, высшее же благо — это достижение того, чтобы вместе с другими индивидуумами обладать такой природой».

Совершенствование разума открывает путь к воспитанию человеческой природы, объятый интеллектуальной любовью, стремлением к познанию единства, которым «дух» связан с объективным миром. Гармоническая целостность учения о вселенной, стройная согласованность философии и природы, предполагает знание законов мира и образование такого общества, при котором «как можно легче и вернее» многие пришли бы к выводу о необходимости всю силу духа своего направить на раскрытие законов, управляющих природой и человеком.

Отказ от «вечных и незыблемых ценностей» мещанства и буржуазного блага дал повод филистерам рисовать Спинозу в виде бездушного и холодного созерцателя. Но такой портрет философа — вымысел. Он полностью расходится с реальным образом Бене-

дикта Спинозы, с сыном революционной эпохи, умевшим последовательно отстаивать свое учение и бороться за торжество своих взглядов. Воинствующим поборником наживы и грабежа, душителям свободы, справедливости и правды Спиноза заявил: «Я не мешаю другим делать наживу целью своей жизни, но пусть и мне будет дозволено жить сообразно с истиной».

В «Трактате об усовершенствовании разума» Спиноза выступает как пламенный пропагандист опытного изучения природы, живой научной мысли и неограниченных прав разума. Вырвавшись из мрачного плена религии, опьяненный солнцем разума, Спиноза становится глашатаем гуманизма, подлинной любви к человеку, упоенному природой и поднимающемуся с помощью материалистической философии к вершинам счастья и совершенства.

Как известно, Декарт положил в основу бытия разум, являющийся исходной позицией его философии. «Я мыслю — стало быть, существую». Спиноза же был глубоко убежден в существовании природы, основы основ всего живого и реального, в том числе и разума. Мышление, по Спинозе, не пустое умствование, а содержательное воспроизведение мира в понятиях.

Разум — это безграничная способность человека проникать в глубь природы, раскрывать ее сокровенные тайны и законы. Разум — это вечная жажда знания, утолить которую до конца невозможно. Невозможно потому, что объект знания — бесконечная, абсолютная, могучая и неисчерпаемая природа.

В «Кратком трактате» Спиноза полагал, что ограниченный разум человека не в состоянии познать безграничную вселенную. Он писал: «1. Существует бесконечное число познаваемых вещей. 2. Конечный ум не может понять бесконечного».

В «Трактате об усовершенствовании разума» Спиноза заявляет, что конечный ум можно и должно вращать, совершенствовать, а это приближает его к природе вещей и дает ему возможность в бесконечном многообразии мира уловить единство и сущность.

Спиноза подчеркивает, что ум человека совершен-

ствуется не пассивно, а в процессе познания и покорения природы. «Здесь дело обстоит так же, — поясняет автор трактата, — как и с материальными орудиями... Чтобы ковать железо, нужен молот, необходимо его сделать; для этого нужен другой молот и другие орудия; а чтобы их иметь, также нужны будут другие орудия, и так до бесконечности; таким образом, кто-нибудь мог бы попытаться доказать, что у людей нет никакой возможности ковать железо. Но подобно тому, как люди изначала сумели природными орудиями сделать некоторые наиболее легкие, хотя и с трудом и несовершенно, а сделав их, сделали и другие более трудные, с меньшим трудом и совершеннее, и так постепенно переходят от простейших работ к орудиям и от орудий к другим работам и орудиям и дошли до того, что с малым трудом совершили столько и столь трудного; так и разум природной силой своей создает себе умственные орудия (*instrumenta intellectualia*), от которых обретает другие силы для других умственных работ, а от этих работ — другие орудия, то есть возможность дальнейшего исследования, и так постепенно подвигается, пока не достигнет вершины мудрости».

Провозглашая безграничную мощь человеческого ума, Спиноза едко высмеивал скептиков, людей, глубоко пораженных «духовной слепотой от рождения или вследствие предрассудков».

«Трактат об усовершенствовании разума» — восторженный гимн всемогущему интеллекту, его могуществу и способностям дать истину, рисовать картину мира, изображающую реальную действительность, ее существенные стороны и закономерности.

Трактат, к сожалению, не был закончен. Он обрывается на положении о том, что «ложные и выдуманные идеи» ничему не могут нас научить. И мы ничего не знали бы о трактате, если бы друзья Спинозы не издали его вскоре после смерти философа. В коротеньком «Предуведомлении читателю» они писали: «Автор всегда имел намерение окончить его, но его задержали другие дела, и, наконец, он умер, так и не успев довести свой труд до желанного кон-

ца. Заметив, что он содержит много хороших и полезных идей, которые, несомненно, могут в той или иной степени пригодиться каждому, кто искренне стремится к истине, мы не хотели лишить тебя его».

Какие «другие дела» отвлекали Спинозу от завершения своего трактата?

Много труда и работы мысли Спиноза потратил в селе Рейнсбург на обдумывание своей философии (Спиноза об этом говорит в примечаниях к трактату и пишет слово «философия» с прописной буквы). Под «своей философией» Спиноза подразумевал «Этику» — центральное и основное произведение, которому он посвятил двенадцать лет жизни. «Этика» целиком поглощала его и отвлекала от других работ.

Наряду с первыми записями, аксиомами и теоремами, вошедшими в «Этику», Спиноза читал лекции одному студенту по философии Декарта. Студента звали Иоганн Казеариус. Учился он на философском факультете Лейденского университета, а жил в селе Рейнсбург в одном доме со Спинозой. Декарта в университете изучать нельзя было. Правительство Голландии запретило читать курс о «Началах философии» французского мыслителя. Казеариус просил Спинозу пополнить его знания своими беседами. Преданнейший друг — коллегиант Симон Иостен де Врис 24 февраля 1663 года писал из Амстердама «славнейшему мужу Бенедикту де Спинозе»:

«Дорогой друг!

Я уже давно стремлюсь побывать у Вас, но погода и суровость зимы не благоприятствуют моему намерению. Иногда я ропщу на судьбу за то, что она разделяет нас таким большим пространством. Счастливым, в высшей степени счастлив Ваш домашний сожитель Казеариус, который, живя под одним кровом с Вами, имеет возможность за завтраком, за обедом, во время прогулки вести с Вами беседы о самых возвышенных предметах».

В ответ на это письмо Спиноза в конце февраля 1663 года писал: «Ученейшему Симону де Врису»:

«Уважаемый друг!

Письмо Ваше, уже давно мною ожидаемое, я полу-

чил. Как за это письмо, так и за Вашу привязанность ко мне чувствую к Вам сердечную признательность. Продолжительное отсутствие Ваше не менее тяжело для меня, чем для Вас, но я рад, что плоды моих ночных занятий¹ пригодились Вам и нашим общим друзьям. Ибо таким путем я могу беседовать с вами, хотя вы и находитесь далеко от меня. Вам нечего завидовать Казеариусу: никто не тяготит меня в такой мере и никого мне не приходится так остерегаться, как его. Вот почему я и прошу Вас и вообще всех знакомых не сообщать ему моих воззрений, пока он не придет в зрелый возраст. Он еще слишком юн, слишком неустойчив и более стремится к новизне, чем к истине. Но я надеюсь, что эти юношеские недостатки через несколько лет сгладятся; судя по его способностям, я даже почти убежден в этом. Природные же его качества заставляют меня любить его».

Из этой переписки легко заметить, что, излагая Казеариусу учение Декарта, Спиноза «свою философию» от него скрыл: слишком он юн и неустойчив и скорее стремится к новизне, чем к истине.

Студент прослушал курс лекций только по второй части книги Декарта «Начала философии». (Спиноза пишет «Принципы Декарта».) В апреле 1663 года Спиноза отправился в Амстердам. «Там², — пишет Спиноза, — некоторые друзья обратились ко мне с просьбой, чтобы я сделал для них копию одного трактата, содержащего в кратком изложении вторую часть «Принципов Декарта», доказанную геометрическим способом, а также краткое изложение важнейших проблем метафизики. Трактат этот был продиктован некоторое время тому назад одному юноше³, которому я не желал открыто преподавать моих собственных мнений. Затем друзья мои попросили меня, чтобы я как можно скорее изложил тем же методом и первую часть «Принципов». Чтобы не противиться

¹ Спиноза имеет в виду первые положения своей «Этики», которые он отправил де Врису; писал он их ночью, так как днем был занят шлифованием оптических стекол.

² То есть в Амстердаме.

³ Речь идет о Казеариусе.

друзьям, я немедленно приступил к выполнению этого. В две недели работа была готова, и я передал ее друзьям, которые в конце концов попросили меня, чтобы я разрешил им издать все это. Они без труда получили мое разрешение под тем, однако, условием, чтобы кто-нибудь из них в моем присутствии украсил мою работу более элегантным стилем и снабдил ее небольшим предисловием, предуведомляющим читателей, что я разделяю не все, что содержится в этом трактате, так как я изложил в нем немало такого, что совершенно противоположно моим собственным воззрениям. Все это должно было быть пояснено на одном или двух примерах. Исполнение всего этого взял на себя один из моих друзей, который наблюдает за изданием этой книжки. Вот это-то и задержало меня на некоторое время в Амстердаме».

Какая удивительная энергия: в течение двух недель был завершён труд, излагающий основные философские позиции Декарта!

Друзья Спинозы слово сдержали. Лодевейк Мейер написал предисловие, иллюстрируя несколькими примерами принципиальные расхождения между автором книги и французским мыслителем по коренным вопросам философии.

Пример первый. Декарт, «не приводя доказательства, — сказано в предисловии, — допускает, что человеческая душа безусловно мыслящая субстанция. Между тем наш автор считает, что существование мысли становится необходимым, как только человеческое тело начинает существовать».

Декарт, следовательно, — идеалист, Спиноза — материалист.

Пример второй. Декарт допускает, что кое-что «превосходит человеческое понимание». Спиноза же утверждает, что «самое высокое и самое тонкое» может быть точно и ясно понято и даже объяснено.

Иными словами, Декарт принижает разум, Спиноза возвышает его. Поэтому, подчеркивает Мейер, «изложенные Декартом основания наук и то, что он на них построил, недостаточны, чтобы распутать и разрешить все затруднительные вопросы, возникающие

в метафизике (читай: в философии. — М. Б.), но необходимы еще другие для того, чтобы поднять наш разум на вершину познания».

Последователи, друзья и ученики Спинозы, познакомившись в рукописи с его изложением философии Декарта, поняли, что их учитель отвергает заблуждения, освобождает разум от слепого подчинения авторитетам и совершает великое, святое дело во имя свободы мысли и человека. Они убедились, что Декарт не произвел на свет божий, а только вызвал к жизни учение Спинозы.

«Великий гений, — писал Гейне, — образуется с помощью другого гения не столько ассимиляцией, сколько посредством трения. Один алмаз полирует другой. Точно так же философия Декарта ни в коем случае не породила философию Спинозы, а лишь способствовала ее появлению. Поэтому мы вначале встречаемся у ученика с методами учителя, это большое достоинство. Затем у Спинозы, как и у Декарта, мы обнаруживаем аргументацию, заимствованную у математики. Это большой порок. Математический метод изложения придает Спинозе жесткую форму. Но она подобна жесткой скорлупе миндаля: тем отраднее ядро».

Ян Боуместер в сочинении, помещенном на заглавном листе «Основ философии Декарта», выразил восторг последователей спинозизма в следующих стихах:

К книге

Сочтем ли мы тебя рожденной высшим духом,
Иль из источника Декарта ты исходишь,
Того, что ты вещаешь, ты одна достойна,
И слава образца тебя не озаряет.
Смотрю ли я на гений твой иль на ученье,
Я должен твоего творца вознесть до неба.
Ты не имеешь образца до сей поры,
И образец тебе не нужен, дивный труд;
И сколь Декарт Спинозе одному обязан,
Спиноза тем обязан самому себе.

Мы знаем, что Спиноза охотно согласился печатать «Основы», хотя в них почти отсутствовали его собственные воззрения. Что побудило его решиться на издание такой книги? «Быть может, — отвечает Спи-

ноза, — при этом случае найдутся какие-нибудь люди из занимающих первые места в моем отечестве, которые пожелают познакомиться с другими моими работами, содержащими мои собственные взгляды, и которые позаботятся о том, чтобы я мог опубликовать их, не подвергаясь никаким неприятностям» (то есть преследованиям со стороны теологов и мракобесов). Однако надежды Спинозы оказались тщетными: в Голландии не нашлось людей, занимающих «первые места», которые заинтересовались бы его трудами. При жизни философа «Основы» были единственным произведением, опубликованным под его именем. И Спиноза решил обращаться не к тем, кто правит, а к тем, кто мыслит.

Из Рейнсбурга Спиноза начал переписываться с искренними друзьями и крупными учеными своего времени. Наряду с его произведениями письма эти составляют важнейшую часть его философского наследия. Они дают не только биографический материал, проливающий яркий свет на неповторимую личность мыслителя, на широкий интерес к многогранной и кипучей жизни его страны, на отношение к современникам, к достижениям науки, письма Спинозы сыграли громадную роль в развитии его системы. Заключение в них высказывания на научные и философские темы дают прекрасное представление о взглядах их автора. Содержание этих писем убедительно показывает, что учение Спинозы сложилось не в узких переулках амстердамского гетто, а на столбовой дорожке истории человечества. Поэтому оно и является, по определению Ленина, важнейшей ступенью «в процессе развития человеческого познания природы и материи»¹.

МАСШТАБОМ ВСЕЛЕННОЙ

Все совершается согласно порядку и законам природы. К такому выводу пришел автор «Трактата об усовершенствовании разума».

Природа! Она совершенна и вечно творит новое.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 148.

Она неиссякаемый источник всего живого и реально-го. Всё в ней, она полнота бытия. Она всесильна и могуча, постоянно сокрушает и непрерывно создает. Все вещи в ней, и она во всем, и все одна и та же. Она вечная и бесконечная, питающая «дух одной только радостью».

Единство всех вещей побуждает к поиску единства всех отраслей знания. «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей». Учение, претендующее на истину, должно, следовательно, выразить гармоничную целостность вселенной.

В «Трактате об усовершенствовании разума» оно сводится к моральной философии и науке о воспитании детей, к медицине «в целом» и механике. Спиноза свел воедино всю сумму знаний века. В его время под медициной подразумевались анатомия и физиология человека и животных, сведения по биологии и химии. В письме от 24 февраля 1663 года Симон де Врис сообщает Спинозе: «Я прохожу теперь курс анатомии, дошел уже до половины: окончив его, примусь за химию и, таким образом, пройду по Вашему совету всю медицину».

Под механикой тогда понимали и астрономию, и физику, и «открытие и усовершенствование математических методов», обслуживающих научное естествознание.

«Надо заметить, — писал Герцен, — что в начале XVII века интерес естествоведательного мышления был вообще поглощен астрономией и механикой: величайшие открытия совершались тогда в обеих отраслях, это механическое воззрение, которое началось с Галилея и достигло полноты своей в Ньюtone».

Спиноза стоял на уровне знаний века. Плененный механикой и математикой, он свою философию изложил «в геометрическом порядке». Механицизм стал прокрустовым ложем его учения. Светлая идея спинозизма о материальном единстве всего сущего потускнела от математических форм ее выражения.

Характерен мотив Спинозы о необходимости включения механики в достоверное, всеохватывающее учение о вселенной. «Так как искусство, — пишет он, —

делает легким многое, что является трудным, и благодаря ему мы можем выиграть много времени и удобства в жизни, то никак не должно пренебрегать механикой».

Спиноза стремился создать учение, которое должно экономить время и принести «удобства в жизни». Зависимость принципов спинозизма от социальных условий сказывается здесь наиболее ярко. Механицизм был тогда теоретической основой для развития производительных сил и идейным оружием революционной буржуазии. Используя достижения механики, голландская буржуазия строила фабрики и заводы, вела широкую торговлю, увеличивала капиталы, обрела «удобства в жизни». Спиноза жил в самой гуще интересов своего времени и принимал живое участие в социальной борьбе, словом и пером стоял на стороне прогрессивного тогда класса.

Спиноза не только блестяще знал естествознание и математику, но и внимательно следил за новейшими научными открытиями. Однако, не считая себя специалистом в этих областях, он был увлечен другой научной задачей. Она была связана с достижением высшей обобщающей мысли о природе и человеке. Ей он посвятил свою «моральную философию». И хотя она была ограничена научными достижениями эпохи, Спиноза защитил в ней право на пытлиное исследование природы в целом, на пристальное внимание к единству ее свершений и процессов. В его учении масштабом выводов и положений стала сама вселенная, ее закономерности и правила, ее объективная сущность и реальное самосуществование. «Нужно признать величайшей заслугой тогдашней философии, — подчеркивает Энгельс, — что, несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 350

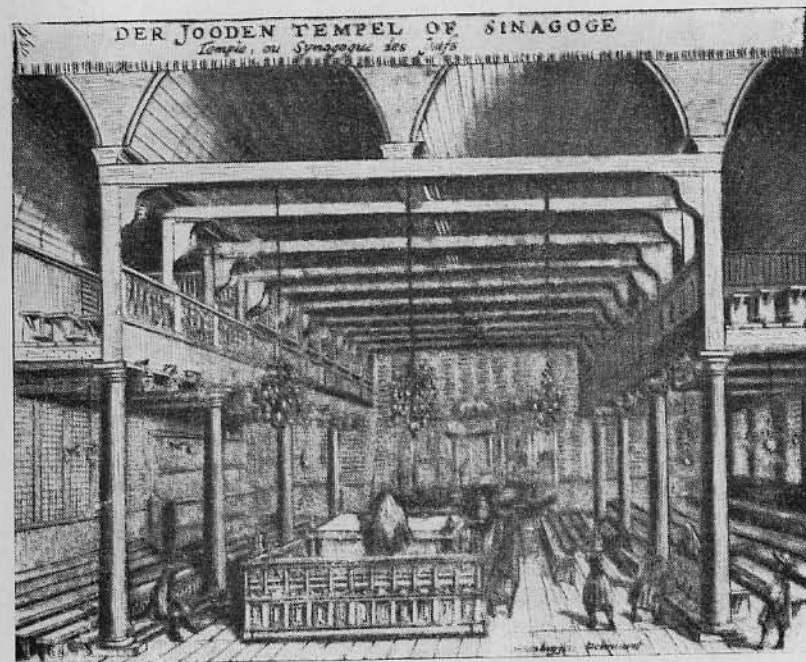
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
В расцвете творческих сил

В ВОРБУРГЕ

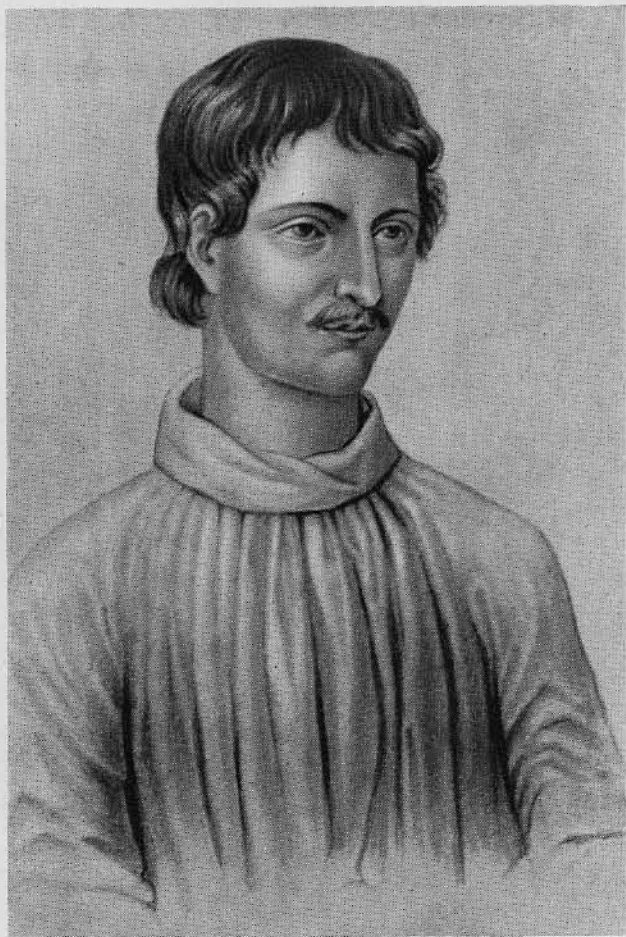
20 апреля 1663 года в письме к Мейеру Спиноза сообщает: «Время моего переезда быстро приближается». В июле того же года он уже жил в небольшом селении Ворбург, расположенном в нескольких километрах от Гааги. Позади три года огромного напряжения сил — и ничего не завершено: «Трактат об усовершенствовании разума» оборван на полуслове, «Этика» при-

обретает только некоторые очертания, «Основы философии Декарта» еще не изданы. Однако имя Спинозы уже приобрело громкую славу не только на родине, в Нидерландах, но и во всей Европе. Прогрессивные люди в начале 60-х годов XVII столетия с именем Спинозы связывали мятежный дух, весну разума, пытлиное исследование путей челове-

Синагога «Бет-Иаков» в Амстердаме.

Джордано Бруно.

Галилео Галилей.

Фрэнсис Бэкон.

Рене Декарт..

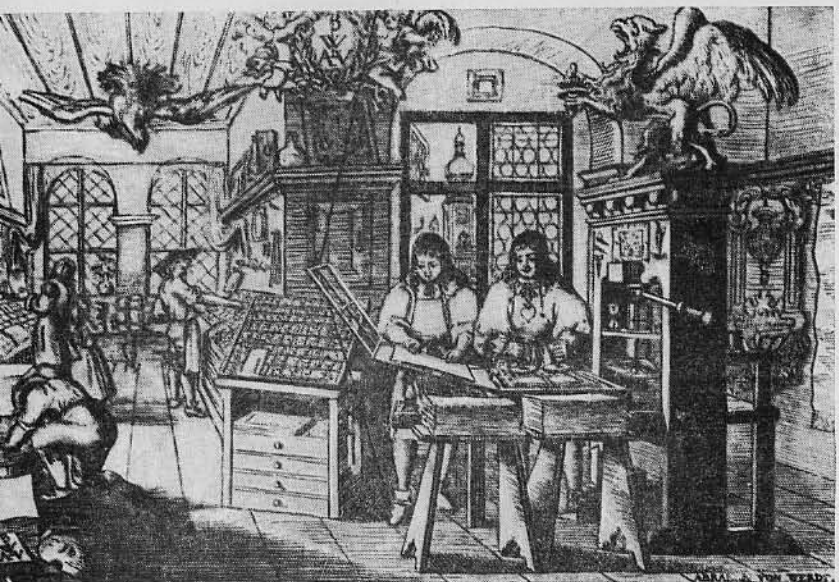
Печать Спинозы.

Бенедикт Спиноза.

Мазаньелло.

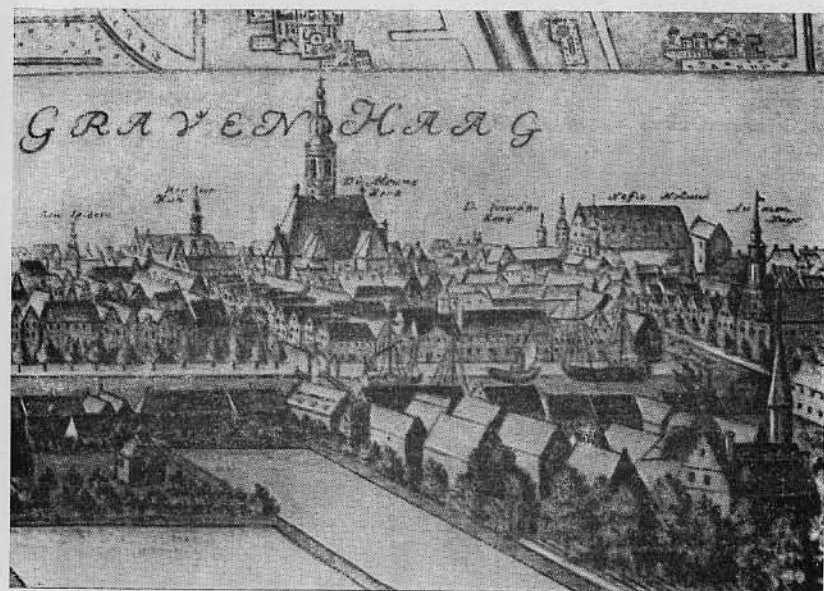

Типография.

Дом на Павильонс-
грахте отмечен *.

Гаага.
Гравюра XVII века.

Eruditissime Nobilissimoq[ue] D[omi]no

1671

Sciedulam, quam omni h[uius]modi dignatus es scribere. Legi, magisq[ue]
pro ejusdem communicatione ago gratias. Dico, quod mentem
tuam quam tamen ex te satis clara exposuisti, non satis
assequi potuerim. Praeter istud, ut ad hoc pauca scribi videris
deve non gravari. Videret, an aliam e[ss]e d[i]fferentiam causam, cur
in orbium apertura parvi esse debemus, quam quia radii, qui ex
uno puncto veniunt non ex alio accurate puncto, sed in spatia
quod punctum mechanicum appellare solimus, quod pro rata
sua apertura magis aut minus est congregatus. Deinde
rogo, num lentas illas quas Pancherius vocat, hoc vitium
congruant. Hoc est, an punctum mechanicum, sive ex puncto
in quo radii qui ex eodem puncto veniunt post refractum non
congregantur, idem ratione magnitudinis nominat, sive
apertura magna sit, sive parva. Nam si hoc praestant
eandem aperturae aequalia adhibere debbit, at consequenter
omnibus aliis figuris omnibus longe praestantiora erunt,
alio non videris, cur eadem supra communes lentas hantiqua
communi lentas enim circulares eundem ubiq[ue] libent
aerem, adeoq[ue] quando illos adhibemus, omnia objecta quanta,
tandem in aequalibus positae, sunt consideranda et quaeq[ue]
omnia objecta quanta non in eadem sunt distantia, differentia
tamen, quando orbis, sensibilib[us] esse non potest, quando
objecta admodum remota sunt, quae tunc radii, qui ex eodem
puncto veniunt considerantur tanquam parallelis in quod videntur
vitem. Hoc tamen credo, lentas huius parvas posse, quae
plurimum objecta sine obitu congregant, volunt, ut sit
quod lentas oculares convexas admodum magnas adhibemus
ut omnia distincte simul distinctius representent. Quam
de his omnibus iudicium suspendam, donec mentem tuam
omni claritate capere, quod ut hoc exisimo rogo.
D[omi]no Hudsonio alterius, ut quiriti, se comp[ar]atari. Respondit
sibi in praesentiarum tempore non esse, eadem esse in aliis
spatiis tamen post-uram aut alteram habendam

Факсимиле письма Спинозы к Лейбницу.

inquiri fore. Proderimus fructus hanc orationem ad manus
manus pervenit ut nec etiam cogitationes q[ue] huiusmodi celestia
necq[ue] solentis Hobbes, et quod magis doctus, quod nec etiam
hypotesin tuam physicam eandem sive potestatem, hanc
hanc Hoga Com. venalis non exat di hanc ego omiseris
rem mihi gratissimam faceret, et si qua aliam velle, servira
poteris, non desinam, ostendere, quod sim

Uramplesione

Hoga comitis
9 Nov. 1671

Ex assa tunda

D. Desjernoza

D[omi]no Demobrickius hic non habitat
cogit utiq[ue] hanc tabellam ordinare
fructus. Non dubito quin hic Hoga
comitis, sive cogitola, certum curare
velit, provent. quem ego non me sedon
ut apertola commodius, et decurvis
curari possent. Si hanc hanc hanc
politius ad hanc orationem orationem
pervent, unum exemplar omni
ostentavit, ostentare vale.

Nobilissimo Anglissimoq[ue] D[omi]no

D[omi]no Goffredo. Publicano Leibniti
Senis u. Doctor et Consultaris
Inquisitione

Annus aed. Mairitz
1671
Part. de Transfont

1671

Факсимиле письма Спинозы к Лейбницу.

BENEDICTUS DE SPINOZA,
IUDÆUS ET ATHEISTA.

Kupferstich in Fürstellung vier neuer Welt-Weisen 1702

Бенедикт Спиноза, атеист. Рисунок 1702 года.

Benedicti Spinozæ
TRACTATUS
THEOLOGICO-
POLITICUS

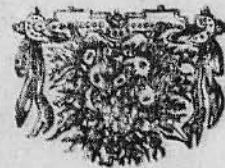
Continens

Dissertationes aliquot,

Quibus ostenditur Libertatem Philoſophandi non tantum
ſalva Pietate, & Reipublicæ Pace poſſe concedi: ſed
eandem nūc cum Pace Reipublicæ, ipſaque
Pietate tolli non poſſe.

Johann: Epist. I. Cap. IV. vers. XIII.

*Per se cognoscimus quod in Deo manemus, & Deus manet
in nobis, quod de Spiritu suo dedit nobis.*

HAMBURGI.

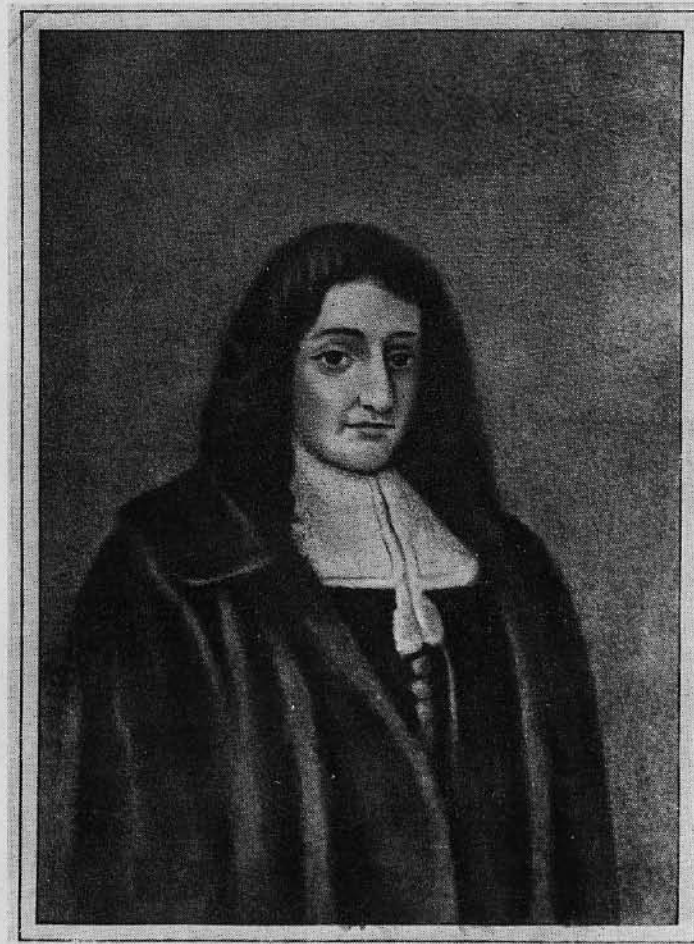
Apud Henricum Kuntz. c1o 1o clxx

*Nobilissimo D.
D. Jacobo Gabe
Kleemanns Domino
D. Autor, et Monacho
nobis illustravit
illis que propria
9m annu scripsit Die
25. Julii Anno 1676.*

Титульный лист первого издания «Богословско-политического трактата».

Титульный лист «Посмертных сочинений».

Бенедикт Спиноза. 1677 год.

Рембрандт. «Автопортрет с Саскней на коленях».

ского совершенствования. Ненавистники вольнодумия, свободы и света видели в лице Спинозы «исчадие ада».

В Ворбурге Спиноза снял комнату на Церковной улице у художника-коллегианта Даниила Тидемана. Свободомыслящий живописец принимал активное участие в распрях, возникших по поводу замещения должности священника. Тидеман и его единомышленники отклонили кандидатуру реакционного пастора, которая исходила из консистории города Дельфа.

Ортодоксы ополчились против Спинозы. За подписью пятидесяти трех местных граждан они писали дельфтскому магистрату: «Богопротивное прошение это составил жилец Тидемана, некий Спиноза, еврей по рождению, атеист и хулитель религии по образу мыслей и вредный для общества субъект».

Но злобные нападки мракобесов только увеличивали интерес как передовых, так и простых людей из народа к Спинозе. В Ворбурге его посетили ученый Христиан Гюйгенс, оптик и математик Иоанн Гудде, крупный политический деятель Голландии Ян де Витт и другие.

Спинозу навещали разные люди, интересовались его планами, настоятельно рекомендовали ему обнародовать свои взгляды на жизнь природы и общества. Посещали его даже военные, мы имеем в виду фельдмаршала Шарля де Времана и полковника Габриэля Сен-Глена. В конце 50-х годов XVII века они покинули Францию и поселились в Гааге. Со Спинозой их связывала общность политических взглядов.

Шарль де Времан оставил нам трогательную характеристику Спинозы. «Его ученость, — писал он, — искренность и скромность являются причиной того, что все люди духа, которые жили в Гааге, считали себя обязанными бывать у него, чтобы выразить свой восторг и восхищение».

Габриэль Сен-Глен стал преданнейшим другом Спинозы. Несколько лет подряд он издавал журнал под названием «Газета Амстердама», отражая на его страницах политические взгляды Спинозы и передовых умов республиканской Голландии. Имея в виду

«Газету Амстердама», французский посланник в Нидерландах доносил своему королю: «Здесь не существует даже наказаний для тех, кто печатает оскорбительные для правительства вещи». В другом донесении было сказано: «В Нидерландах свобода слова и печати не преследуется, здесь могут обойтись без чего угодно, но только не без газеты, которая служит предметом разговора даже для извозчиков и матросов».

Сен-Глен много раз навещал Спинозу. Он глубоко изучал произведения философа и первый перевел их на французский язык.

Друзья-амстердамцы окружили философа теплотой и сердечностью. У них сложилась традиция паломничества в скромный одноэтажный домик в Ворбурге для встречи с любимым учителем и наставником. «По возвращении в село, в котором я теперь живу, — писал Спиноза, — я почти не принадлежу самому себе вследствие посещений, которыми меня удостаивают мои друзья».

И в Ворбурге Спиноза оборудовал мастерскую и зарабатывал хлеб насущный шлифовкой оптических стекол. В свободное от физической работы время, вечером и ночью, он занимался «Этикой». Труд успешно подвигался вперед. В июне 1665 года Спиноза писал Боуместеру: «Что касается третьей части нашей философии¹, то я вскоре пришлю некоторую часть ее либо Вам, если Вы хотите быть ее переводчиком, либо другу де Врису. Хотя я раньше принял решение ничего не пересылать Вам, пока не кончу этой третьей части, но ввиду того, что она выходит длиннее, чем я рассчитывал, не хочу Вас слишком долго задерживать. Я пришлю Вам приблизительно вплоть до 80-й теоремы».

Согласно первоначальному замыслу «Этика» должна была состоять из трех частей². Очевидно, что в середине 1665 года Спиноза был очень близок к завершению первого варианта своего главного труда.

¹ Спиноза имеет в виду «Этику».

² В окончательном виде «Этика» состоит из пяти частей, третья — имеет всего 59 теорем.

ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ПРОБНЫМ КАМНЕМ ИСТИНЫ?

Зимой 1664/65 года Спиноза гостил у сестры Симона Иостена де Вриса в Южной Голландии, неподалеку от города Схидама, в селе «Де Лонге Богарт» («Длинный фруктовый сад»).

И здесь Спиноза не мог жить уединенно, в декабре 1664 года он получил письмо из Додрехта, которое послужило началом любопытной полемики, вызванной появлением в свет «Основ философии Декарта». Автором письма оказался Виллем ван Блейенберг, торговец хлебом, который не прочь был поупражняться в философическом сочинительстве. В 1663 году он выпустил книжку под названием «Защита теологии против взглядов атеистов», о чем он пока что умалчивал, представляясь «Славнейшему мужу Б. Д. С.».

В своем письме Блейенберг сообщает Спинозе о своем знакомстве с его «Основами» и «о том наслаждении», которое они ему доставили. Однако торговец хлебом обеспокоен тем, что автор «Основ», как ему кажется, умаляет значение бога и священного писания. В конце своего обращения Блейенберг клянется: «Верьте, дорогой господин, что в вопросах моих мною руководит одно только бескорыстное стремление к истине: я свободен, не завишу ни от какой профессии, получаю средства к существованию от честной торговли, а остающееся от дел время посвящаю философии».

Это «поборник истины», тщательно скрывший от Спинозы, что он в своих писаниях третирует свободумыслие и подлинные поиски правды, что он раб религиозных предрассудков и ничего общего с философией не имеет. Знай об этом Спиноза, он, разумеется, безоговорочно отклонил бы предложенное содружество «в поисках истины». Автор «Основ» поверил в искренность торговца хлебом и принял его протянутую руку. «Так как, — ответил ему Спиноза, — и мои стремления направлены к постижению истины, то я чувствую себя обязанным не только исполнить Вашу просьбу, то есть отвечать по мере сил моего интеллекта на те вопросы, которые Вы мне прислали и в даль-

нейшем собираетесь присылать, но и сделать со своей стороны все, что только может способствовать нашему более близкому знакомству и установлению искренней дружбы между нами».

Блейенберг хвастался «свободой», обеспеченной торговлей. Спиноза же говорил своему новому корреспонденту, что из всех благ он выше всего ценит дружбу с людьми, искренне любящими истину, «ибо, — писал он, — я думаю, что в мире, стоящем вне нашей власти, нет ничего, что мы могли бы любить столь безмятежно, как такого рода людей. Разорвать подобную любовь, основанную на любви и познании истины, так же невозможно, как невозможно отказать в признании какой-нибудь истины, раз она усмотрена нами. Кроме того, такая любовь есть самое высокое и самое приятное из всего, что стоит вне нашей собственной власти, ибо ничто, кроме истины, не может соединить такой глубокой связью различные чувства и умы различных людей».

Оговорив, таким образом, принципиальные основы дружбы, чтобы хорошенько выровнять дорогу и устранить все возможные недоразумения, Спиноза переходит к ответам на вопрос. Во-первых, священное писание написано людьми, и все в нем приспособлено для понимания простого народа. Во-вторых, библейские пророки говорят от имени бога, которого они изобразили в виде царя и законодателя. «И все свои слова и выражения они сообразовали скорее с этой притчей, чем с истиной. Сам бог постоянно изображается наподобие человека — то гневным, то сжалившимся, то желающим чего-нибудь в будущем, то охваченным ревностью и подозрением, наконец, даже обманутым дьяволом». Так что философы и вообще разумные люди не могут считать Библию боговдохновенной и «не должны смущаться» ее содержанием. В-третьих, человек — неотъемлемая часть природы. Все поступки и действия человека, его страсти и аффекты, стремления и желания должны находить естественное объяснение. Поэтому следует отклонить такие понятия, как грех, праведник, нечестивец, и прочие богословские выдумки, о которых Блейенберг рас-

пространяется в первом своем письме. «И я не только говорю, — пишет ему Спиноза, — что грехи не являются чем-то положительным, но утверждаю, что, только выражаясь свойственным людям образом (*humano modo*), мы можем говорить о наших прегрешениях перед богом и оскорблениях, которые мы ему причиняем».

Блейенберг в ответном письме сбрасывает с себя маску правдоискателя и открыто заявляет «Славнейшему мужу Б. Д. С.»: «Считаю, нужным предварить Вас, что я имею два общих правила, которых стараюсь постоянно придерживаться в моих философских занятиях. Первое правило — это ясное и отчетливое понятие моего интеллекта, второе — божественное слово откровения или воля божия. Следуя первому правилу, я стараюсь быть любителем истины, следуя же и тому и другому вместе, я стараюсь быть христианским философом». Блейенберг уточняет: «Если после долгого исследования оказалось бы, что мое естественное познание противоречит откровению или вообще не вполне согласуется с ним, то слово божие имеет в моих глазах такое авторитетное значение, что я скорее заподозрю мои понятия и представления, сколь ясными они бы ни казались мне, чем поставлю их выше и против той истины, которую я считаю предписанной мне в священном писании».

Спинозе все стало ясно. В своем ответе он писал: «Когда я читал первое Ваше письмо, мне казалось, что мы почти согласны в наших воззрениях. Но из второго письма... я увидел, что дело обстоит далеко не так и что мы расходимся не только в том, что составляет более отдаленные выводы из первых принципов, но и в самих этих первых принципах... Я вижу, что никакое доказательство, как бы прочно оно ни было установлено согласно законам доказательства, не имеет для Вас никакого значения, раз оно не согласуется с тем толкованием, которое Вы сами или знакомые Вам теологи придают священному писанию».

Расхождения принципиальные. «Христианский философ» Блейенберг — теолог. Он вне науки и философии. Мыслить не его удел. «Слово божие» —

его идол. Не смейт возвыситься над священным писанием! В нем вся мудрость мира! Окрик, знакомый Спинозе с детства. И все же философ проявил великую терпимость учителя. Пробный камень истины не теология, а разум. Разум суверен. Он вне зависимости от «божественных слов». Разум не знает границ, он свободен, он всемогущ. «Поймите же, Блейенберг, — пишет Спиноза, — что возвышенные умозрения весьма мало касаются священного писания. Признаюсь, я не приписываю священному писанию того рода истины, которые оно должно заключать в себе согласно Вашей вере. Я более чем кто-либо остерегаюсь присочинять ему какие-нибудь ребяческие и нелепые мнения, а это доступно только тому, кто хорошо понимает философию. Поэтому, — заключает Спиноза, — меня весьма мало трогают те толкования, которые даются священному писанию вульгарными теологами, в особенности если это толкования такого рода, которые понимают писание согласно букве и внешнему смыслу».

Уже в амстердамском обществе коллегантов, в доме Корнелиуса Мормана Спиноза подверг рационалистической критике отдельные поучения и догматы Библии. Мысль его часто возвращалась к так называемому священному писанию. Ведь именем Библии преследовали науку и философию, стремление человеческого духа к свободному, научному познанию законов объективного мира. Poleмика с Блейенбергом лишней раз убедила философа, что свободный путь к истине будет открыт только после того, как история Библии, смысл проповедей и характер ее поучений получат научное освещение.

В конце 1664 или в начале 1665 года Спиноза уже собирает материал, необходимый для всестороннего исследования содержания библейских книг. Работа сложная. Надо будет окунуться в древнюю историю, рассмотреть народные мифы и легенды, сказания и притчи, религиозные поучения и благочестивые проповеди. Библия перед судом интеллекта! Теологи (одни ли теологи!) ополчатся, поднимут крик. Но Спинозе не уйти от ее разрешения.

Немедленно приступить к ней, однако, он не смог, не хотел. Ум был занят другим. Он шлифовал, как казалось тогда Спинозе, последние положения «Этики». Отрваться от этого было невозможно. Но политическая жизнь страны внесла свои коррективы в его планы.

ФИЛОСОФИЯ И ПОЛИТИКА

В том же письме (июнь 1665 года), в котором Спиноза обещал Боуместеру скоро прислать третью часть «Этики», он писал: «Об английских делах слышу много всяческих толков, но ничего достоверного. Народ продолжает подозревать все дурное. Никто не может понять, почему не распускает паруса наш флот. И действительно, положение дела все еще не представляется достаточно упрочившимся. Боюсь, что наши желают быть слишком мудрыми и осторожными».

Забота о жизни страны вытекала из учения о разумном познании природы и рациональной организации человеческого общества. Спиноза не был кабинетным, академичным ученым. Жизнь, общественная практика и политика занимали его в такой же степени, как теоремы и доказательства к ним в «Этике».

О какой «слишком мудрой и осторожной политике» говорит Спиноза? Обстановка в стране была сложная.

Покончив с испанским владычеством, Нидерланды опасались двух серьезных противников: конкурирующей морской державы Англии и стремящегося к экспансии королевства Франции. Голландская буржуазия систематически расширяла свой торговый флот. К середине XVII века он насчитывал 15 тысяч кораблей и стал играть первостепенную роль в развитии международной торговли. Как отмечают историки, «голландские купцы и судовладельцы — морские извозчики Европы, как их тогда называли, — сочетали перевозку чужих товаров с посредническими операциями. К середине XVII столетия они сосредоточили в своих руках почти всю торговлю между северными и южными странами Европы». Ежегодные обороты тор-

говых фирм превышали в конце XVII века 100—120 миллионов гульденов.

Защищая интересы английских судовладельцев, Кромвель в 1651 году обнародовал знаменитый «Навигационный акт», согласно которому иностранным купцам запрещалось ввозить на Британские острова товары на судах той страны, где эти товары не были произведены.

Принятие «Навигационного акта» в Англии совпало с крупными политическими событиями в Голландии. Верховная власть в республике принадлежала генеральным штатам. Доступ в них имела крупная буржуазия. Она же ведала вопросами войны и мира, финансами и вооруженными силами. Но наряду с генеральными штатами сохранился «такой осколок феодальной монархии», как штатгальтеры, которым доверялось командование армией. Штатгальтеры в большинстве своем принадлежали к Оранскому дому, выражавшему классовые интересы землевладельцев. С первых же дней существования республики возникла борьба за власть между оранжистами и купеческой олигархией.

18 января 1651 года по инициативе генеральных штатов было созвано в Гааге «великое собрание» представителей всех провинций Нидерландов, которое открыто высказалось против должности штатгальтера. Решение собрания укрепило политическое господство буржуазии. Власть полностью была захвачена партией Яна де Витта, которого объявили «великим пенсионарием» Голландской республики, то есть президентом страны и руководителем ее внешней политики.

«Навигационный акт» нанес сильный удар по Голландии, и де Витт через год после вступления в должность президента объявил войну Кромвелю, длившуюся два года (1652—1654). Голландия потерпела поражение. В конце мая 1665 года вновь объявила войну Англии. В конце мая 1665 года нидерландский военный флот вышел из гавани, но держался возле голландских берегов. Вот это бездействие флота и вызывало беспокойство голландцев, которое разделял и Спиноза.

В конце концов близ Ловестофта (восточное побе-

режье Англии) произошла морская битва, окончившаяся поражением голландского флота. Классовая борьба в Нидерландах в связи с этими событиями сильно обострилась. «У нас есть, — говорили в народе, — огромный торговый флот, который дает средства к жизни 112 тысячам людей, для ловли рыбы у нас существует свыше 10 тысяч лодок, а когда нужно содержать армию для охраны границ республики, рыболовы и торговцы кричат о больших расходах, уничтожают штатгальтерскую власть и тайком убивают представителей славного Оранского дома». Попы осуждали с церковного амвона богатство и пышность, объявляли свободомыслие и атеизм злейшими врагами республики и, взывая к отпрыскам Оранской династии, требовали жестоких мер против нарушителей предписаний Кальвина. Завязалась острая борьба между партией де Витта и партией Оранской династии. «Между этими двумя партиями, — говорил Луначарский, — и должен был выбрать Спиноза. Закрытый аристократизм и дух наживы буржуазной верхушки были ему несимпатичны. Но более всего были ему ненавистны попы, угнетение научной мысли и перспективы монархии. Никакой республиканско-демократической партии в то время не было».

Спиноза был другом политического деятеля крупной буржуазии. «Великий пенсионарий» высоко ценил огромный ум и необычайный талант философа. Он часто совещался со Спинозой, прислушивался к его советам и обещал ему свое покровительство.

Чтобы отбить охоту у церковников вмешиваться в политику, де Витт предпринимал меры, направленные на подчинение церкви государству. Он лично финансировал издание нескольких работ, в которых доказывалось, что государство является высшим органом человеческого общежития, что оно должно стать единственным авторитетом как в делах житейских, так и в делах религиозных. Де Витт способствовал изданию книги Лодевейка Мейера «Философия — истолковательница книг священного писания», в которой автор доказывал, что борьба между государством и церковью ведется постоянно в любом обществе, что

высшим авторитетом обладает государство и что «божественное слово» должно толковаться не теологией, то есть «философией церкви», а философией, то есть «наукой государства». Характерно и то, что по прямому указанию де Витта была переведена на голландский язык знаменитая работа английского философа-материалиста Гоббса «Левифан», рассматривающая государство как человеческое установление, обладающее суверенными правами в обществе.

Появление упомянутых работ вызвало озлобление оранжистов и богословов. Они наводнили страну пасквилями, анонимными сочинениями, полными инсинуаций против де Витта и его единомышленников. Для укрепления своих позиций де Витту необходимо было дать решительный отпор всем поборникам монархизма и церкви. Кто смог бы глубже и убедительнее выполнить эту задачу, чем Спиноза?

В конце лета 1665 года глава нидерландского правительства нанес визит философу в Ворбурге.

В дружеской беседе де Витт стремился отвлечь Спинозу от «Этики» и побудить его ринуться в незамедлительный бой с церковниками.

Зная историю борьбы Спинозы с фанатизмом и предрассудками, президент республики спросил философа о роли государства в освободительной борьбе против религиозного дурмана.

— Цель государства, — ответил Спиноза, — не в том, чтобы превращать людей из разумных существ в животных или послушные его воле механизмы, но, напротив, в том, чтобы их душа и тело отправляли свои функции, не подвергаясь опасности, а сами они пользовались свободным разумом и не соперничали друг с другом в ненависти, гневе или хитрости и не враждовали друг с другом. Следовательно, цель государства в действительности есть свобода.

Де Витт согласился со Спинозой. Цель государства — свобода. Разумеется! «Но, — подумал президент, — свобода для философов, мыслителей, промышленников, судовладельцев, купцов... Только не для толпы. Чернь всегда остается одинаково жалкой».

— Жизнь общества, — произнес вслух де Витт, —

бьет ключом. Она своеобразный театр бушующих страстей, на подмостках которого разыгрываются великие трагедии и жалкие фарсы. Война всех против всех. Противоположные интересы обостряются в связи с тем, что церковь посеяла вражду и ненависть между людьми и народами.

— Я слышу, — сказал Спиноза, — нескончаемые споры о верованиях и убеждениях. Я вижу, что магометанин презирает язычника, еврей отворачивается от магометанина, христианин превозносит себя над всеми ими вместе. Но в то же время я замечаю, что разница между ними не велика. Эта разница состоит лишь в том, что один из них носит чалму и феску, другой носит шляпу, один клянется Магометом, другой клянется Моисеем. Жизнь же всех их одинакова. Меня особенно удивляет, что люди, которые хвалятся исповеданием христианской религии, то есть религии мира, любви, воздержания и верности, на деле проявляют столько взаимной ненависти, что их гораздо легче узнать по отсутствию перечисленных добродетелей, чем по их наличию.

— Мрачная картина, нарисованная вами, очень верна, — подтвердил де Витт. — Какой же выход? Религиозная добродетель, к которой все зывают?

— Она, — ответил Спиноза, — сказывается очень поздно. На смертном одре, когда смерть победила все страсти, не мудрено стать добродетельным и богоугодным. Вы спрашиваете, какой выход? Отвечу: в разумном устройстве государства. Государство должно обеспечить людям безопасность.

— Вы правы, — сказал де Витт. — Государство, равно как и общество, — это объединение людей, добровольное, согласное. Оно охраняет нормальную жизнь человеческую от возврата к животному состоянию, к той поре, к которой восходит религия. Вам не приходилось видеть офорт Рембрандта «Адам и Ева»? На нем с необычайной выразительностью показана первобытная суть наших прародителей. Великий живописец как бы напоминает нам, потомкам библейских зачинателей рода человеческого, нашу причастность к диким зверям...

— К счастью, — сказал Спиноза, — картины Рембрандта на библейские темы не предназначены для украшения храмов. Человек внутренней свободы, Рембрандт проявляет полное равнодушие к официальному культу. Библейские сюжеты он берет в их человеческой, а не сверхъестественной сущности. Их содержание насыщено реальной жизнью, ее борениями и страстями. Я горжусь тем, что являюсь его современником. Меня Библия заинтересовала несколько по-иному, но и я буду искать в ней земной, человеческий смысл. Утверждения теологов о греховности человека по меньшей мере смешны. В самом деле, если согласиться с библейской версией, выходит, что первозданные люди, наделенные свободой выбора, поспешили вкушать плод древа познания добра и зла, потому и стали ненавистны богу! Чудовищно, не правда ли? Ведь если во власти первого человека было как устоять, так и пасть и если при полном обладании своим духом он по природе был не испорчен, то кто мог добиться того, чтобы он все же пал? «Он был обманут дьяволом», — отвечают богословы. Но кто же был обманувший самого дьявола? Кто, спрашиваю я, сделал его самого столь безумным, что захотел стать выше бога?.. С вашим замечанием, господин президент, что религия коренится в естественном состоянии людей, не могу согласиться. Мне мыслится это так называемое естественное состояние, как существующее до религии, без религии. Заметьте, не только по отношению к незнанию, но и по отношению к свободе, в которой все рождаются.

— Все? — переспросил де Витт.

— Да, все, — ответил Спиноза. — Если бы религия, — отгенил Спиноза, — была бы от века обязана божественному праву или если бы божественное право было правом природным, то излишне было бы богу заключать договор с людьми и связывать их обязательством и клятвой.

Де Витт залился громким смехом.

Спиноза улыбнулся и сказал:

— Некоторые люди уподобляют себя богам и полагают, что любое слово, ими произнесенное, непре-

ложный закон. Эти божки-идолы низвергают громы и молнии против тех, кто имеет свое мнение. Боги земные, заставляющие думать и говорить по предписанию закона, страшнее богов небесных. Но, — спросил Спиноза, — разве можно достигнуть того, чтобы все говорили по предписанному? Напротив, чем больше стараются лишить людей свободы слова, тем упорнее они за нее держатся. Конечно, держатся за нее не скряги, льстецы и прочие немощные души, высочайшее благополучие которых состоит в том, чтобы любоваться деньгами в сундуках и иметь ублаженный желудок. Кто хочет все регулировать законами, — развивал свои доводы Спиноза, — тот скорее возбudit пороки, нежели исправит их. Сколько происходит зол от роскоши, зависти, скупости, пьянства и т. д.! Однако их терпят, потому что властью законов они не могут быть запрещены, хотя на самом деле они суть пороки. Поэтому свобода суждения тем более должна быть допущена, что она, безусловно, есть добродетель и не может быть подавлена. Не говорю уже о том, что свобода в высшей степени необходима для прогресса науки и искусства, ибо последние разрабатываются с успехом только теми людьми, которые имеют свободное и ничуть не предвзятое суждение. Закон, запрещающий свободу мысли, порождает фальшь и лицемерие. При таком положении вещей выходит так, что люди постоянно думают одно, а говорят другое. Следовательно, откровенность, которая в высшей степени необходима в государстве, была бы изгнана, а омерзительная лесть и вероломство нашли бы покровительство. Отсюда обманы и порча всех хороших житейских навыков. Я за такое общество и государство, в котором каждому можно думать то, что он хочет, и говорить то, что он думает.

— Не могу с вами согласиться, дорогой друг, — мягко произнес де Витт. — Судите сами, если каждый в государстве будет действовать так, как ему хочется, во что же оно превратится? В хаос и мрак, войну всех против всех.

— Мятежи, гражданские войны, пренебрежение к законам, — ответил Спиноза, — происходят не

столько вследствие какой-нибудь врожденной злобы подданных, сколько вследствие несовершенств государственного устройства. Люди не рождаются, а делаются гражданами. Люди всюду одинаковы; и если в одном государстве больше преступлений, чем в другом, то это признак, что в нем законы недостаточно разумно установлены. Власть, зиждущаяся на народе, устанавливает разумные законы. Наоборот, власть, опирающаяся на грубую силу, диктует народу такие законы, которые вызывают гнев и ненависть. Свободный народ руководится надеждой, покоренный — страхом. Первый стремится улучшить жизнь, второй — лишь избежать смерти. Потому мы и говорим, что один преобладает в рабстве, другой — в свободе.

— Верховная власть, — возразил де Витт, — это совокупное право всех граждан общества. Индивидуум обязан безоговорочно подчиниться общему желанию всех

— Согласен, — сказал Спиноза. — Но необходимо учесть, кто и как направляет совокупное право всех. Стол, на котором я пишу, принадлежит мне. Все же власть моя над ним не простирается до того, чтобы я мог заставить его есть траву. Разумная власть не может требовать от людей перестать быть людьми, добиваться, скажем, того, чтобы люди с уважением взирали на то, что возбуждает смех или отвращение. Для тех или для того, в чьих руках верховная власть, столь же невозможно бегать пьяным или нагим по улицам с развратницами, ломать шута, открыто нарушать и презирать им же самим изданные законы и в то же время сохранять подобающее величие... Благо народа, — добавил Спиноза, — есть закон, которому должно быть подчинено все, и мирское и духовное. В государстве не должно быть гонимых и гонителей. И еще: едва ли беспристрастный наблюдатель станет отрицать, что самое прочное, долговечное государство есть то, которое только защищает приобретенное, а не домогается чужого и старается всеми способами избегать войны, сохранить мир.

— А вот мы непрестанно воюем, — констатировал де Витт.

— И у каждого из воюющих, — добавил Спиноза, — свое религиозное знамя.

— Зачем же она, религия? — спросил в сердцах Витт.

— Для окончательного погашения света разума, — ответил Спиноза.

— Что порождает веру в сверхъестественное? Где находятся истоки суеверия? — допрашивал президент философа.

— Люди, — сказал Спиноза, — обращаются к божественной помощи больше всего тогда, когда они находятся в опасности и не умеют сами себе помочь. Страх, — подчеркнул философ, — вот главная причина, благодаря которой суеверие возникает, сохраняется и поддерживается. Суеверие консервативно и устойчиво. Люди легко попадают во власть предрассудков, но с трудом от них освобождаются. Суеверие к тому же очень разнообразно.

— Вследствие этого, — заметил де Витт, — под видом религии народу легко внушается то почтение к своим царям, как к богам, то ненависть к ним как к всеобщему бичу рода человеческого.

— По моему убеждению, — сказал Спиноза, — религия — это следы древнего рабства, поддерживаемого в людях монархическим государством, ибо высшая тайна монархического правления и величайший его интерес заключаются в том, чтобы держать людей в обмане, а страх, которым они должны быть сдерживаемы, покрывать громким именем религии.

— Вы, следовательно, — подчеркнул де Витт, — категорически против религии?

— Я уже говорил, что я за свободу суждения. Что из этой свободы не происходит никаких неудобств, для этого примеры налицо, и мне не нужно их искать далеко. Примером может служить наш город Амстердам, пожинаящий, к своему великому успеху и на удивление всех наций, плоды этой свободы. Ведь в нашей цветущей республике и великолепном городе все, к какой бы нации и религии они ни принадлежали, живут в величайшем согласии. Напротив, там, где стараются отнять свободу суж-

дения у людей, там наказываются честные люди, а вероломные поощряются. Насильники ликуют, они сделали власть имущих приверженцами своего учения, истолкователями которого они считаются. Вследствие этого происходит то, что они осмеливаются присваивать себе авторитет и право властей и не стыдятся хвастать, будто они непосредственно избраны богом и их решения божественны.

— Слушая вас и соглашаясь с вами, необходимо прийти к выводу, что церковь должна быть отделена от государства.

— Непременно. И чем скорее вы это сделаете, тем больше разумных людей будет заодно с вами. И я не сомневаюсь в том, что управление, опирающееся на разум и свободу, самое лучшее, так как оно наиболее согласуется с природой людей. Можно ли выдумать большее зло для государства, чем то, что честных людей отправляют как злодеев в изгнание потому, что они иначе думают и не умеют притворяться? Что, говорю, пагубнее того, что людей считают за врагов и ведут на смерть... не за какое-либо преступление или бесчестный поступок, но потому что они обладают свободным умом? Ведь те, кто сознает себя честным, не боятся, подобно преступникам, смерти и не умоляют отворотить наказание, потому что дух их не мучится никаким раскаянием в постыдном деле, но, наоборот, они считают честью, а не наказанием умереть за хорошее дело и славным — умереть за свободу.

— При полной свободе, — сказал де Витт, — государство погибнет под тяжестью гнева и зависти толпы.

— Хотя над сердцами нельзя так господствовать, как над языками, однако сердца находятся в некотором отношении под господством верховной власти, которая многими способами может добиться, чтобы весьма большое число граждан любило и ненавидело то, что ей желательно. Поэтому мы без всякого противоречия с разумом можем представить себе людей, которые только сообразно с правительственным правом верят, любят, ненавидят, презирают и вообще попадают во власть любого чувства.

Де Витт своего добился. Спиноза его заверил, что отодвинет «Этику» и немедленно приступит к работе, которая должна послужить свободе разума и свободе совести.

Так окончательно сложился план нового трактата, названного «Богословско-политическим».

МОТИВЫ ФИЛОСОФА

Первые достоверные сведения о работе Спинозы над «Богословско-политическим трактатом» относятся к сентябрю 1665 года. Отвечая на не дошедшее до нас письмо философа, Ольденбург писал: «Вы в настоящее время не столько философствуете, сколько, если можно так выразиться, богословствуете, ибо Вы заняты занесением на бумагу Ваших мыслей об ангелах, пророчествах и чудесах. Но, быть может, Вы трактуете об этих предметах с философской точки зрения... Прошу Вас сообщить мне в ближайшем письме план и задачи этого сочинения».

В октябре 1665 года Спиноза сообщил Ольденбургу следующее: «В настоящее время я сочиняю трактат, излагающий мои взгляды на Писание; к этому побуждают меня: 1) предрассудки теологов, я знаю, что они в высшей степени препятствуют людям предаваться философии, а потому я и стараюсь разоблачить их и изгнать из умов более разумных людей; 2) мнение, распространенное обо мне в толпе, которая не перестает обвинять меня в атеизме, — это мнение я также пытаюсь насколько возможно рассеять; 3) свобода философствования и высказывания того, что думаешь, — свобода, которую я стремлюсь утверждать всеми способами и которая здесь терпит всяческие притеснения вследствие чрезмерного авторитета и наглости проповедников».

Первый и третий мотивы, побудившие философа взяться за новый трактат, ясны и закономерны. Они обусловлены философской платформой, внутренним миром, историей формирования идей Спинозы. Они прямой ответ на взятое обязательство

помочь де Витту успешно осуществить свои политические цели. Но второй мотив, как его понять? Он в полном противоречии с идейным обликом мыслителя, с пафосом и содержанием его учения, с его непримиримой борьбой против теологии и церкви. Как можно было думать, что трактат, в задачу которого входило рационалистическое исследование Библии, будет способствовать ликвидации обвинения автора в атеизме?

В свете конкретных исторических условий возникшее противоречие легко разрешается. Нужно вспомнить, что подразумевалось под атеизмом в эпоху Спинозы.

Во все времена под атеизмом понимали отрицание бога. Но в Голландии в течение XVII столетия это прямое содержание понятия «атеизм» извращено было до неузнаваемости. Деградирующие классы Нидерландов, аристократы, землевладельцы и дворяне, предавались чувственным наслаждениям, проповедовали скептицизм и аморализм. Вот идеология этих классов и была окрашена в «атеистический цвет». Поэтому в народе под атеистом понимали хулителя духовных ценностей, нарушителя элементарных правил нравственности, поклонника плотских наслаждений. Естественно, что Спиноза с негодованием отвергал подобное мнение, распространяемое о нем в народе. В одном из своих писем Спиноза обращает внимание на то, что его обвиняют в атеизме, не интересуясь даже вопросом, какой он национальности и какой образ жизни он ведет. «А между тем, если бы знали это, — говорил философ, — то не убедили бы себя с такой легкостью в том, будто я проповедую атеизм». «Ведь атеисты, — писал Спиноза, — обыкновенно отличаются тем, что превыше всякой меры ищут почестей и богатств, каковые я всегда презирал, как это известно всем тем, кто меня знает».

У Спинозы никогда не было страсти к накоплениям, он презирал подлость, сытое мещанство, дух наживы, ядовитую мерзость озлобленных людей, проповедь разнузданности и безделья. Весь захваченный познанием закономерностей объективной реальности,

он стремился нарисовать целостную картину мира, отвечающую своему оригиналу — ее величеству природе.

Стремление осмыслить сокровенные тайны природы было реализовано в глубоких научных и философских обобщениях. Они стали основой научного атеизма, то есть такой системы взглядов, которая утверждала существование лишь одной природы, искала объяснение ее законов в самой природе и отвергала какое бы то ни было надмировое существо, бога, святые и священные писмена

Отрицание бога в спинозизме покоится на неопровержимом доказательстве бытия самосуществующей природы. В истории философии Спиноза первый поднял атеизм до научных высот и дал ему подлинно философское, теоретическое обоснование. «Спиноза, — писал немецкий философ-материалист XIX столетия Людвиг Фейербах, — единственный из новых философов, положивший первые основы для критики и познания религии и теологии, он — первый, кто определенно выступил против теологии; он — первый, кто классическим образом формулировал мысль, что нельзя рассматривать мир как следствие или дела рук существа личного, действующего согласно своим намерениям и целям... Я с радостью поэтому принес ему дань моего удивления и почитания».

Спинозизм стал знаменем свободомыслия и прогресса. Примечательно, что в одном латинском словаре XVIII века «атеист» переведено словами *assecta Spinoza*, то есть последователь Спинозы.

И прогрессивные деятели науки его времени хорошо понимали, что Спиноза является атеистом в самом возвышенном значении этого слова. Именно они присвоили ему высокое звание «князя атеистов».

Второй аргумент философа в пользу «Богословско-политического трактата» превратился в свою прямую противоположность. Трактат «не рассеял» распространенное в народе мнение об атеизме Спинозы, наоборот, он закрепил за философом славу борца против церкви и религии. Трактат выполнил великую освободительную миссию. Библия затемняет сознание

людей. Трактат просвещает, обогащает их сознание. Библия сковывает ум и волю. Трактат провозглашает свободу разума, право на свободное исследование природы, общества и религии.

Трактат всколыхнул идейный мир современников Спинозы. Он и по сей день является предметом серьезного изучения благодарных потомков материалиста и атеиста XVII века.

КРИТИКА БИБЛИИ

Правительственная карета зачастила в Ворбург. «Высокий гость» и «одиноким еврей», как говорили обыватели села, затеяли что-то очень важное, сидят взаперти часами, секретничают. О чем? Жители Ворбурга не могли догадаться, что философ создает труд, которому суждено будет произвести переворот во взглядах на Библию.

Де Витт не всегда приезжал один. Иногда он брал с собой ученого Христиана Гюйгенса и адвоката Авраама Куфелера.

Пораженный исключительным дарованием философа, Гюйгенс писал своему брату Константину: «Спиноза в оптике — великий князь». От Гюйгенса не ускользнул и взлет мысли, пронизательный и общающий ум Спинозы, но «Богословско-политический трактат» не вызвал у него никакого интереса. Аристократ по происхождению, Гюйгенс не был расположен к философии мыслителя-плебея, «еврея из Ворбурга», как он титуловал его в своей переписке с выдающимися учеными эпохи. И Спиноза не считал возможным откровенно изложить перед Х. Гюйгенсом свои сокровенные мысли о природе, боге, Библии, истинном благе. Сердцем он понял, что различие в общественном положении является серьезным препятствием к установлению единомыслия по важнейшим проблемам этики и политики. Контакт между Спинозой и Гюйгенсом ограничивался лишь их общей заинтересованностью в оптике. Куфелер часто приезжал в Ворбург. Спиноза полюбил его и читал ему начальные страницы «Этики», доказанной в геометрическом

порядке («Ethica ordine geometrico demonstrata»). В результате этих встреч Куфелер в 1684 году опубликовал статью «Пантософию» — первое произведение в XVII столетии, которое излагало и защищало основные положения Спинозизма.

Спиноза ввел Куфелера в круг проблем «Богословско-политического трактата».

— Тому, кто решил подвергнуть Библию критике, — заметил Куфелер, — следует иметь ясное представление о боге. Ведь он главный предмет священного писания.

— Совершенно справедливо, — сказал Спиноза. — Я всегда высмеивал представления о небесном правителе и творце мира. Я отстаиваю принцип гармонии и единства мира. Природа — создающее начало и единственно реальная сила всего сущего. И никакое здравое основание не побуждает приписывать природе ограниченную мощь и силу и утверждать, что ее законы приноровлены только к известной сфере, а не ко всему.

— Следовательно, — пришел к выводу Куфелер, — кто утверждает, что бог делает что-нибудь вопреки законам природы, тот вынужден одновременно утверждать, что бог поступает вопреки своей природе.

— Нелепее этого ничего нет, — заявил Спиноза, — природа сохраняет вечный, прочный и неизменный порядок, ничего не совершается вопреки природе. Так можем ли мы мыслить о боге, как о законодателе или властелине, предписывающем людям законы? Конечно, нет. Бог, говорю я, только сообразно понятиям толпы и только вследствие дефекта в мышлении изображается как законодатель или властитель и называется справедливым, милосердным и прочее.

— Из всего этого вытекает, — умозаключил Куфелер, — что утверждения Библии о наличии божественных законов — выдумки богословов.

— Более того, — добавил Спиноза, — отсюда следует, что сама Библия никак не может быть боговдохновенным словом. Она — творение людей определенной эпохи и определенных представлений. Обожествлена она по тем же причинам, по которым за-

кономерным явлениям природы приписывается сверхъестественное вмешательство, а именно: вследствие невежества толпы.

Спиноза не понял социальной сущности религии, не понял, что придавленность народных масс порождает и закрепляет веру в существование потустороннего мира «добра и блаженства». Религия, вера в бога, возникла как фантастическое, извращенное, превратное отражение в умах людей господствовавших над ними стихийных сил природы и общества. Классовый подход к религии был чужд мыслителю XVII века. И все же ссылка Спинозы «на невежество толпы» побудила критику сорвать божественный покров с Библии и доказать несостоятельность откровения. Только невежество и суеверие, хочет сказать Спиноза, считают Библию боговдохновенным писанием. На самом деле Библия — обычный человеческий документ, подлежащий разумному рассмотрению. Это Куфелер понял. И не только он один. Современники поняли, что Спиноза подрывал веру в святость основополагающей книги двух религий Востока и Запада.

— Теологи утверждают, — сказал Куфелер, — что слова Библии необычные, ибо пророки были преисполнены духом Божиим. Но что такое дух Божий? Объясните мне, пожалуйста, господин Спиноза.

— В Библии на древнееврейском языке, — ответил Спиноза, — дух Божий обозначается словами «руах Элохим», или «руах Яхве». Слово «руах» истолковывается богословами как «дух». А на самом деле оно означает «ветер». «Руах Яхве нишба бой» (Исайя, глава 40, стих 7) означает: «Ветер Яхве веет на него»; «руах Элохим мрахепет ал пней хамаим» («Бытие», глава 1, стих 2) означает: «Ветер Божий проносился над водою». Все, что людям времен Библии было непонятно или казалось необыкновенным, все это становилось в их представлениях божественным. Так, грозу называют в Писании «бранью Божией», гром и молнию — «стрелами бога», «высочайшие горы» — «горы Божии». В Псалтыре кедры называют божьими,

подчеркивая их необыкновенную красоту... Богословы, которые приписывают пророкам дух Божий, выдают пророков за людей необыкновенных, имеющих возможность непосредственно общаться с богом и проповедовать от его имени. Но посмотрите, — добавил Спиноза, — как выглядит бог в устах пророков. Библия учит, что бог создал человека по образу и подобию своему. Вчитываешься в слова Писания и приходишь к противоположному выводу. А именно: бог создан по образу и подобию человека. Образ бога в Библии, его поведение и действия находятся в полной зависимости от темперамента, воображения и воспитания того, кто от его имени пророчествует. Каков пророк — таков в его устах и бог. Михей, например, видел бога сидящим, а Даниил — в виде старца, накрытого белой одеждой. Иезекииль же — в виде огня, а те, которые находились при Христе, видели духа святого в виде нисходящего голубя, апостолы же — в виде огненных языков, и, наконец, Павел до своего обращения увидел его, как великий свет. Не удивительно, что священные книги приписывают богу руки, ноги, глаза, уши, душу и душевные движения: например, что он ревнив, милосерден, мстителен и т. п. Не удивительно также и то, что бога рисуют, как судью, сидящего на небесах, как бы на царском троне, а Христа — по правую сторону от него. Библейские пророки — люди невежественные; они обладали даром воображения, а не способностью познания действительных причин и объективных законов развития природы. Поэтому их учение противоречит разуму и ничего общего с наукой не имеет.

Спиноза познакомил Куфелера с теми главами своего трактата, в которых неопровержимо доказано, что бог Библии — плод фантазии темных и необразованных людей, не способных разумно познать могущество и законы природы.

— Люди деревенские, — иронизировал философ, — лишены всякого образования, даже наложницы, как Агарь — служанка Авраама, обладали даром пророчества. И это согласуется с опытом и разумом. В самом деле, кто более всего наделен воображением, тот

менее способен к отвлеченному мышлению, и, наоборот, кто более всего наделен разумом и больше всего его поощряет, тот обладает способностью воображения более умеренно и более подчиняет ее, держит как бы в узде, дабы она не смешивалась с разумом. Библия, все ее построения и доводы, мифы и легенды, сказания и притчи сложились в древности, когда люди не были в состоянии объяснять явления природы, проследить их закономерности... Но между верой, или богословием, и философией нет никакой связи. Это теперь никто не может не увидеть. Ведь цель философии есть только истина, веры же — только повиновение и благочестие. Стало быть, — заключил Спиноза, — те, которые стараются искать мудрости и познания о материальных и духовных предметах в пророческих книгах, идут всецело по ложному пути.

— Какой смелый, точный и верный вывод! — воскликнул Куфелер. — Время и философия действительно требуют сказать об этом открыто, во всеулышание.

— Скажу. И я мало забочусь о том, — добавил вольнодумец, — какой вой поднимут изуверы, которые всей душой ненавидят тех, кто посвящает себя истинной науке.

Куфелер обратил внимание Спинозы на то, что Библия часто ссылается не только на пророческие видения, но и на небесные чудеса.

— Библия, — подтвердил Спиноза, — весьма часто рассказывает о чудесах, которые должны доказывать как реальность божества, так и святость Библии. Но чудо, об этом я говорю в шестой главе трактата, — плод фантазии невежественных людей. Например, в Писании (Книга Иисуса Навина, глава 10) рассказывается, как Иисус Навин остановил на некоторое время Солнце. О чем говорит эта сказка? О том, что автор ее никакого представления не имел об астрономии и по невежеству верил, что Солнце движется вокруг Земли. Но допустим, — подчеркнул Спиноза, — что чудо есть то, что мы не можем объяснить естественными причинами. В таком случае мы

должны допустить, что в природе могут быть такие явления, которые противоречат ее закономерностям. Но ведь всем разумным людям известно, что природа сохраняет вечный, прочный и неизменный свой порядок, что ничто не совершается вопреки природе. Законы природы, строгая причинная связь, пронизывающая все явления мира, полностью исключают сверхъестественное. Поэтому чудо, будет ли оно противо- или сверхъестественно, есть чистый абсурд. Обращаясь к богу и его чудотворению, теологи хотят не разумом убеждать людей, а стремятся затронуть и пленить их фантазию и воображение. Но все, что против природы, то и против разума, а что против разума, то нелепо, а потому и должно быть отвергнуто. Истинная наука познает действительные причины реальных явлений природы и категорически отбрасывает пророчества и чудеса — богословские бредни и выдумки невежд.

— Отрицанием откровения и чудес, — сказал Куфелер, — вы уничтожаете всю божественную прелесть Библии. Священное писание оказывается просто литературным памятником древних времен.

— До меня, — заявил философ, — Библию неоднократно «исследовали». Ее трактовали талмудисты, комментировали раввины, истолковывали теологи. Одни из них пытались разум приспособить к Библии, другие, наоборот, стремились Библию приноровить к разуму. Первых я именую догматиками, вторых — скептиками. Догматики во всем, в любом библейском знаке находили «великую тайну», сокровенный смысл божественного откровения. Скептики все бессмысленное, фантастическое, нелогичное пытались «разумно» объяснить, усматривая в божественном откровении символический образ или аллегория. Догматики открыто защищали точку зрения «отцов церкви», стремились с ее помощью спасти религиозный догмат боговдохновенности Библии. Моя оценка этих «исследователей» сводится к следующему: и те и другие говорят нелепости, но одни без разума, а другие с разумом. Я также не могу достаточно удивиться тем людям, которые видят в Писании столь глубокие

тайны, кои якобы не могут быть изъяснены ни на каком человеческом языке. Впрочем, чему удивляться, — саркастически улыбнулся Спиноза, — ведь люди, похваляющиеся, будто обладают сверхъестественной благодатью, презирают философию и отвергают свет разума. Это и понятно. Писание в своих разнообразных и путаных рассказах, кроме повиновения, ничего не требует от людей и осуждает только непокорность, а не незнание.

— Но имеются и такие теологи, которым разночтения, противоречия, нелепости Библии видны, — вставил Куфелер.

— Да, имеются. Однако и они не допускают, — сказал Спиноза, — что в содержание Библии вкралась какая-нибудь погрешность, ибо утверждают, будто бог в силу особенного какого-то предвидения сохранил неповрежденной всю Библию. Различные же чтения, по их словам, суть знаки глубочайших тайн. Утверждают даже, что в самих знаках над буквами содержатся большие тайны. Положительно не знаю, говорят ли они это по глупости и набожности, свойственной старым бабам, или же вследствие высокомерия и порочности, чтобы их одних считали обладателями тайн божьих.

Философ говорил собеседнику, что он в своем трактате стремится очистить Библию от всех ее напластований. И совсем не для того, чтобы сохранить к ней благоговейное и набожно-трепетное отношение. Он не комментатор Библии, для которого толкование ее текстов сводится к тому, чтобы сгладить содержащиеся в ней противоречия и нелепости. Он мыслитель XVII века, противник средневековья и религиозного миропонимания.

— Как могла Библия — книга, то есть обычное творение рук человеческих, — спросил Куфелер, — стать фетишем, господствовать над умами и заставлять людей раболепствовать перед каждым ее словом?

— Только богословский предрассудок, — ответил Спиноза, — мог превратить Библию — памятник древней письменности, составленный из мифов, сказок, ле-

генд, вымышленных пророчеств и чудес, в священное писание, в боговдохновенное слово. Чтобы выпутаться из этих неурядиц и освободить ум от теологических предрассудков и легкомысленно не принимать выдумок людей за божественные правила, я выдвигаю истинный метод толкования Писания.

— В чем его сущность? — допытывался Куфелер.

— Метод изучения Библии ничем не должен отличаться от метода изучения природы, — сказал Спиноза. — Метод истолкования природы состоит главным образом в том, что мы излагаем собственно историю природы, из которой, как из известных данных, мы выводим определения естественных вещей. Точно так же для истолкования Библии необходимо начертать ее правдивую историю и уже на основе этой истории приходить к закономерным выводам о мысли авторов Писания.

Спиноза с огорчением констатировал, что, хотя эта история в высшей степени необходима, люди древности не радели о ней. Даже то небольшое, касающееся истории Библии, что потомки получили или нашли, они передавали своим преемникам, извращая его сущность всякими надуманными исправлениями и добавлениями. К этим бедам, подчеркнул философ, присоединяется еще и суеверие, требующее от людей презирать разум и природу, а почитать и удивляться только тому, что противоречит им. Поэтому не удивительно, что люди, дабы еще более возвысить авторитет Писания, подыскивают объяснения к нему одно нелепее другого. Им мнится, что в священных письменах скрываются глубочайшие тайны.

— Что же тогда может служить основанием для познания Библии? — не отставал Куфелер.

И Спиноза ответил:

— Все познание Писания должно заимствовать из него одного. Теологи, которые в законах развития природы усматривают перст божий, а в Библии — слово божие, озабочены тем, как бы им свои выдумки и мнения вымучить из священных письмен и подкрепить божественным авторитетом. Этой богослов-

ской проповеди я, — подчеркнул Спиноза, — противопоставляю свой метод интерпретации Библии. Самое важное в моем методе — это указание на необходимость познания исторической судьбы каждой библейской книги в отдельности. Если не известна история книги, то к какому верному заключению можно прийти? Если мы читаем какую-нибудь книгу, содержащую невероятные или непонятные вещи или написанную в довольно темных выражениях, и не знаем ни ее автора, а также ни в какое время и по какому поводу он писал, то напрасно будем стараться узнать истинный ее смысл.

Спиноза привел Куфелеру основные принципы критики Библии, сформулированные им в «Богословско-политическом трактате».

Первое положение. Необходимо выяснить природу и свойство языка, на котором та или иная книга Библии была написана. А так как все писатели как Ветхого, так и Нового завета были евреи, то несомненно, что история еврейского языка прежде всего необходима для понимания книг Библии. Для этой цели, добавил Спиноза, он составил грамматику древнееврейского языка.

Второе положение. Необходимо отыскать существенные литературные особенности, которые объединяют библейские книги в одно целое. Нам не позволено извращать смысл Писания сообразно богословским предрассудкам о его сверхъестественном происхождении. Содержание Библии, как и любого другого литературного памятника, — в текстах Библии.

Третье положение. Надо выяснить обстоятельства, сопутствовавшие появлению всех книг пророков. А именно: нужно знать жизнь, характер и занятия автора каждой книги, входящей в состав Библии. Наконец, надо заинтересоваться судьбой каждой книги: ее первоначальным текстом, узнать, в чьи руки она попала, сколько было ее разночтений, по чьему решению она была принята в число «священных».

Все эти принципы, заключил Спиноза, должны быть положены в основу трактовки истории Библии.

Знать все это весьма необходимо, дабы мы не принимали слепо все, что нам навязывают теологи, но только то, что верно и несомненно.

Чтобы раскрыть историю Писания, начнем по порядку, с предрассудков относительно истинных авторов «священных книг», и прежде всего об авторе Пятикнижия. Таковым все богословы считают Моисея. И по этой причине Ибн Эзра, человек свободного ума и незаурядной эрудиции, из всех, кого я читал, был первый, обративший внимание на этот предрассудок. Правда, Ибн Эзра не осмелился открыто высказать свою мысль. Я же не побоюсь предстать в трактате это ясно. Мрачные времена средневековья сменялись светлыми...

Спиноза говорил Куфелеру:

1. В Пятикнижии почти всегда говорится о Моисее в третьем лице (Моисей — муж божественный; бог разговаривал с Моисеем лицом к лицу. Моисей из всех людей был самый кроткий и т. д. и т. д.).

2. Пятикнижие повествует о смерти Моисея. «И умер, — написано во Второзаконии, — там Моисей, раб господень, в земле Моавитской, по слову господню. И погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегера... Моисею было сто двадцать лет, когда он умер... И оплакивали Моисея сыны Израилевы на равнинах Моавитских тридцать дней...»

3. Пятикнижие содержит рассказы о событиях, происшедших после смерти Моисея.

Какой человек пишет о себе в третьем лице или в состоянии описать собственную смерть, отношение к ней окружающих, события, происшедшие после своей кончины? Разве не понятно, что об этом пишет кто-то другой.

— Итак, утверждение, — добавил Спиноза, — будто Моисей — автор Пятикнижия, необоснованно и совершенно противоречит разуму. Наоборот, из всего этого ясно как божий день, что Пятикнижие было написано не Моисеем, а кем-то другим, кто жил много веков спустя после Моисея.

Теперь, — сказал Спиноза, — пора исследовать и остальные книги. Возьмем, к примеру, книгу «Иисус

Навин». На тех же основаниях я докажу, что она не есть автограф¹. Тот, кто свидетельствует, что слава об Иисусе была по всей земле (глава 6, стих 27), что он ничего не опустил из предписанного Моисеем (главы 8, 11), состарился, испустил дух, очевидно, другое лицо.

Некоторые события в книге относятся к тому времени, когда Иисуса уже не было в живых (глава 16, стих 10; глава 22, стих 10). Отсюда приходим к выводу, что и эта книга была написана много веков после смерти Иисуса Навина. Если же мы обратим внимание на связь и содержание Пятикнижия и книги Иисуса Навина, то легко заключим, что все они были составлены одним и тем же историком, желавшим написать об иудейских древностях.

— Кем же, по-вашему, они были написаны? — спросил Куфелер.

— Я в трактате докажу, — ответил Спиноза, — что они были составлены книжником Ездрой, который жил в пятом веке до нашей эры. Обратите внимание, я говорю составил, а не написал, то есть Ездра собрал разные древние списки, хроники, летописи и положил их в основу Пятикнижия и книги Иисуса Навина.

— А пророческие книги Исаяи, Иезекииля, Иеремии. Они достоверны, надо полагать? — сказал Куфелер.

— Нет, — возразил философ. — Всякий раз, как я вникаю в них, я вижу, что пророчества, содержащиеся в них, были собраны из других книг. Вот, скажем, книга Иеремии. Излагаемые здесь пророчества извлечены из разных летописей, ибо, помимо того, что они скомпонованы беспорядочно, без всякой последовательности, в них одна и та же история вдобавок повторяется различным образом.

Все, что я пишу в трактате об истории Библии, — подчеркнул Спиноза, — есть плод давних и зрелых размышлений. И хотя с детства я был преисполнен

¹ Во времена Спинозы слово «автограф» употреблялось в смысле книги, написанной тем лицом, имя которого она носит.

обычных богословских взглядов на Писание, я не мог в конце концов не прийти к этим выводам. Устранение теологических предрассудков и составляет задачу моего труда. Опасаюсь, однако, не слишком ли поздно приступаю я к этой попытке? Дело ведь дошло почти до того, что люди не допускают исправлений в этом отношении, но упорно защищают то, что приняли под видом религии, что только у весьма немногих все же осталось, по-видимому, некоторое место для разума. Предрассудки эти глубоко укоренились в человеческом уме. Всеми силами я постараюсь сделать опыт и доведу его до конца, так как нет оснований считать это дело совершенно безнадежным.

Опыт удался. Спиноза пришел к важному и верному выводу о том, что священные книги были написаны не одним-единственным человеком и не для народа одной эпохи, но многими мужами различного таланта и жившими в разные века. Если бы мы пожелали сосчитать время, охваченное Писанием, то получилось бы две тысячи лет, а может быть и гораздо больше.

Обобщая свой анализ Библии, философ отмечает, что она содержит «не возвышенные умозрения и не философские вопросы, но вещи только самые простые, которые могут быть восприняты даже любым тупицею».

Спиноза по праву считается основоположником научной критики Библии. Появившиеся в более позднее время лучшие труды по этому вопросу только развивали его положения. «Но если, — по справедливому замечанию советского историка А. Б. Рановича, — в период расцвета капитализма, когда буржуазия была заинтересована в развитии техники, которому мешало библейское мировоззрение, критика Библии заходила в своих выводах довольно далеко, то по мере загнивания капитализма буржуазные ученые стараются «спасти» побольше и вновь утвердиться на давно потерянных позициях». Современная буржуазная критика Библии в своей реакционно-поповской основе отступила на столетие назад по сравнению со Спинозой.

ГОНЕНИЯ НА ТРАКТАТ

В 1668 году Спиноза закончил «Богословско-политический трактат». Ян Риувертс взял на себя хлопоты по изданию нового произведения друга и учителя.

В предисловии Спиноза писал, что на его долю выпало редкое счастье жить в государстве, где каждому предоставлена свобода суждения и каждому разрешается поклоняться богу по своему разумению. А по сему он заявил: «Думаю, что сделаю приятное и небесполезное дело, если покажу, что эта свобода не только может быть допущена без вреда для благочестия и спокойствия государства, но что скорее ее уничтожение означало бы уничтожение самого спокойствия государства и благочестия».

Однако Спиноза хорошо понимал, что обосновать право на свободу мысли и реальная возможность воспользоваться этой свободой вещи далеко не тождественные. По совету Риувертса было решено издать трактат анонимно. Первое издание печаталось в Амстердаме у Христофора Конрада в 1670 году. На обложке было указано, что книга опубликована в Гамбурге в типографии вымышленного Генриха Кюнрата.

Трактат вызвал небывалый для того времени интерес; Риувертс издал его во второй раз под видом хирургического справочника доктора Франциска Карто, в третий — под названием «Медицинская книга» Франциска Бессильвиуса, в четвертый — в качестве исторического сборника Даниила Хейнфлюсса.

Совет Риувертса вполне соответствовал фактической «свободе» совести и мысли, которая имела место в буржуазной Голландии. Если трактат был бы издан от имени тех, кто его действительно написал и напечатал, то они оказались бы в тюрьме и жизнь их находилась бы в опасности. Враги науки и философии, оранжисты и кальвинисты, уничтожили бы и автора, и издателя, и самую книгу. Не успел «Богословско-политический трактат» появиться в свет, как они ополчились против него. Амстердамский церковный совет стал зачинщиком целой серии гонений на величественное творение Спинозы. 30 июня 1670 года цер-

Б. Спиноза.

Бенедикт Спиноза в головном уборе.

ковники написали жалобу в окружной синод, обратив внимание на безудержное печатание «вредных книг», особенно на «Богословско-политический трактат». В протоколе заседания синода Южной Голландии от 15—25 июля 1670 года значится: «В отношении статьи 13, говорящей о безудержном печатании и продаже всевозможных дурных, кощунственных писаний, кои издаются время от времени в очень большом числе и в различных видах, как снова сообщает достопочтенному синоду господин депутат Гольбек о книге, называющейся «Богословско-политический трактат», столь дурной и богохульной, какой, по нашим сведениям, свет не видал, — достопочтенный синод признал за благо принять против этого самые серьезные меры, и в этом отношении достопочтенный синод признал весьма необходимым и целесообразным, чтобы братья-проповедники каждый в своем городе обратились к своим магистратам и настаивали на том, чтобы такие книги, особенно зловредная и богохульная книга «Богословско-политический трактат», были изъяты и запрещены и чтобы братья в сельских местностях сделали, если понадобится, представление Государственному совету и чтобы депутаты Государственного совета также приняли меры против этого».

«Братья-проповедники», ненавистники вольнодумства, науки и атеизма, не оказались столь сильными, чтобы воспрепятствовать распространению идей спинозовского трактата. Правда спинозизма увлекала многих и многих людей. А посему «братья» 16 апреля 1671 года обратились «к благородным и высокомогущим господам» из Государственного совета с покорнейшей просьбой, чтобы те соблаговолили «в своей высокой мудрости» конфисковать исключительно богохульную книгу и издали бы указ, которым запрещалось бы и впредь печатание таких «душегубительных книг».

«Братья» писали: «Мы того мнения, чтобы вы, благородные и высокомогущие господа, дабы отвести от себя упреки за печатание, распространение и продажу здесь таких книг, запретили специальным указом печатание, ввоз, распространение и продажу ука-

занных душегубительных книг¹, установив при этом большую кару, и чтобы власти соответствующих городов издали приказы о розыске авторов и лиц, печатающих, ввозящих и распространяющих эти книги, и, обнаружив их, обошлись с ними без всякого снисхождения, как того будет требовать содержание названного указа и как будет признано подобающим».

Кальвинисты неистовствовали, требовали принятия «подобающих мер». Приверженцы «женевского папы» мечтали о том, как бы живьем сжарить на костре автора и распространителей «душегубительного трактата».

Ко времени выхода «Богословско-политического трактата» Спиноза перебрался в Гаагу и еще теснее сблизился с Яном де Виттом. По заверению последователя и старейшего биографа нашего философа Максимилиана Лукаса, «Спиноза бывал в доме великого пенсионария и президент часто держал с ним совет по важнейшим делам государства». Разумеется, Ян де Витт, покровитель трактата и друг его автора, прошения «братьев» о немедленном искоренении «душегубительной книги» клал под сукно.

Глава Государственного совета был ненавистен дворянству и духовенству. Попы часто произносили проповеди против него. Порой доходило до настоящего науськивания бедняков на богатых купцов, судовладельцев и президента.

За год до окончания «Богословско-политического трактата» Голландия все еще находилась в состоянии войны с Англией. Франция, воспользовавшись тяжелыми потерями Нидерландов, вторглась в 1667 году в пределы страны. Генеральные штаты вынуждены были пойти на перемирие с Англией и заключить союз со Швецией. Коалиция трех держав против Людовика XIV приостановила продвижение французской армии.

Однако в 1670 году королю Франции удалось расторгнуть «договор трех» и привлечь на свою сто-

¹ Речь идет о «Богословско-политическом трактате» Спинозы и «Левифане» Гоббса.

рону Англию. В 1672 году Людовик XIV вновь объявил войну Голландии, и его войска, руководимые принцем Конде, заняли Утрехт.

Народные массы Голландии, охваченные ужасом военного поражения и подстрекаемые партией оранжистов, всю вину за неудачи возложили на президента, руководителя внешней политики. Де Витт был свергнут и объявлен изменником республики. Толпа, подстрекаемая оранской партией, 29 июня 1672 года растерзала «великого пенсионария» вместе с его братом Корнелием. Монархисты и духовенство празднично вали победу. Организаторы дикой расправы получили от Вильгельма III высокие должности и пенсии.

Спиноза был потрясен убийством де Витта и воцарившимся разгулом мракобесия. Он составил прокламацию, озаглавленную «О злейшие из варваров!». Когда философ решил собственными руками расклеить свой плакат на улицах Гааги, хозяин дома, в котором он снимал комнату, умолял его не делать этого во имя мира. Спиноза вскипел. Призывая к народному восстанию, мыслитель и борец воскликнул: «Неужели вы станете называть миром рабство, варварство и пустоту, царящие в тираническом государстве? Нельзя вообразить ничего более позорного, чем подобный мир».

Через два года после гибели «великого пенсионария» Вильгельм Генрих, «божьей милостью» принц Оранский и Нассауский, опубликовал указ, в котором говорилось: «Так как до нашего сведения дошло, что с некоторого времени появились в печати вредные сочинения, что они ежедневно распространяются и продаются, каковые книги суть «Левифан», «Богословско-политический трактат», и так как мы по рассмотрении содержания их находим, что они не только ниспровергают учение истинной христианской реформированной религии, но и избилуют всяческими хулами против бога, его свойств и его достойного поклонения триединства, против божественности Иисуса Христа, что они стремятся умалить авторитет священного писания и ввергнуть в сомнение слабые, недостаточны устойчивые умы, чтобы пресечь вредный яд

и по возможности помешать тому, чтоб кто-либо мог быть таким образом введен в соблазн, признали должным осудить указанные книги, объявить их богохульными и душегубительными книгами, полными безосновательных и опасных взглядов и ужасов и вредными для религии и веры. Сообразно с этим мы сим запрещаем всем и каждому печатать их и им подобные, распространять или продавать на аукционах и в других местах, под угрозой наказания... Вместе с тем приказываем, чтобы всякий, кого это касается, сообразовался с нашим указом, а указ чтобы был обнародован и опубликован всюду, где это полагается в подобных случаях. Дано за приложением печати юстиции 19 июля 1674 года».

Возврат к власти клерикалов, господство мрачного суеверия огорчали, но не поколебали Спинозу. В глубине души он сознавал, что им совершено великое дело, направленное на освобождение человечества от пут религии, слепых авторитетов, темного царства церкви.

PRO И CONTRA

Ни одна книга до того времени не была таким прямым и непосредственным оружием политической и духовной борьбы, как «Богословско-политический трактат». В течение двух лет он выдержал четыре издания. Его переводили с языка ученых (с латинского) на живые языки широких народных масс: Сен-Глен перевел его на французский, Глаземакер — на голландский.

Спинозе трудно было мириться с конфискацией своего труда. Его огорчали гонения и преследования. Разгул реакции вызывал тревогу за судьбу передовой мысли и философии.

Узнав о намерении кого-то издать трактат на голландском языке, Спиноза писал Яриху Иеллесу: «Дорогой друг! Посетивший меня профессор NN¹ рас-

¹ Предполагают, что речь идет о Кранене — профессоре философии Лейденского университета.

сказал мне, между прочим, что он слышал, будто мой «Богословско-политический трактат» переведен на голландский язык и что кто-то — кто именно, он не знает — собирается сдать его в печать. Ввиду этого убедительно прошу разузнать об этом деле и, если будет возможно, воспрепятствовать этому изданию. Просьба эта не только моя, но и многих моих хороших знакомых, которым было бы весьма неприятно видеть эту книгу запрещенною, что без сомнения произойдет, если она будет издана на голландском языке. Я твердо рассчитываю на то, что Вы окажете мне и нашему делу эту услугу».

Ярих Иеллес «эту услугу» оказал. Голландский перевод трактата под благочестивым названием «Правовверный теолог» появился в свет лишь в 1693 году. Однако, как мы уже знаем, и латинский текст не спас трактата от запрещений и преследований. Мракобесы не унимались. Они готовы были физически уничтожить борцов за свободу мысли, исследователей единства материи и духа, проповедников гармонии природы и человека. Сколько горя принес указ Вильгельма Генриха Спинозе, можно судить по вышеприведенному письму Яриху Иеллесу.

Трактат распространяли далеко за пределами Голландии. Петер Серрариус, часто ездивший в Лондон, доставил в Англию несколько экземпляров новой книги Спинозы, а Генрих Ольденбург раздавал их своим друзьям и знакомым. Амстердамский врач Шуллер¹, восторженный почитатель Спинозы, был родом из Германии и дружил с немецкими философами и учеными: Лейбницем², Чирнгаусом³ и другими. Он принял на себя приятную обязанность познакомить со

¹ Шуллер, Герман-Георг (1651—1679) — врач, родом из Везеля, с 1671 года учился в Лейденском университете, по окончании которого поселился в Амстердаме.

² Лейбниц, Готфрид-Вильгельм (1646—1716) — немецкий крупный ученый и философ-идеалист.

³ Чирнгаус, Эрнефрид-Вальтер (1651—1708) — немецкий философ и ученый. В 1668—1675 годах учился в Лейденском университете, служил в нидерландской армии в годы войны против Франции. В 1687 году издал книгу «Медицина ума», написанную под влиянием спинозизма.

спинозовской критикой Библии своих соплеменников. И Париж увлекся трактатом. Там он, по сообщению того же Шуллера, «многими высоко ценится, так что часто приходится слышать вопрос о том, не напечатаны ли еще какие-нибудь сочинения того же автора».

Устами Бенедикта Спинозы говорил дух времени, страницы его трактата воплотили животрепещущие политические события эпохи, насущные научные потребности века. «В нем, как в фокусе, — писал один из последователей философа, — Спиноза собрал и отразил все отдельные попытки и стремления человеческой мысли к самостоятельности».

Идеи «Богословско-политического трактата» стали предметом большой и острой дискуссии. А дискуссия стала ареной борьбы между прогрессивными и реакционными силами во всеевропейском масштабе. Про или Contra трактата означали «за» или «против» науки и прогресса.

Подлинные творцы подлинной философии радовались дерзновенному подвигу Спинозы. Не имея возможности открыто выступить в защиту его грандиозного труда, они приняли на вооружение основные принципы «Богословско-политического трактата».

Против спинозовской критики бога и священного писания ополчились профессора официальной науки. Иоанн Гревюс, профессор университета Лейдена и Утрехта, 12 апреля 1671 года писал Лейбницу о том, что «в прошлом году вышла книга, озаглавленная «Богословско-политический трактат», которая устанавливает нечестивейшее естественное право и, потрясши авторитет священных книг, открывает широко двери безбожию. Автор этой книги, говорят, еврей, по имени Спиноза, который давно отлучен от синагоги за чудовищные взгляды, а его книга по той же причине осуждена властями». Гревюс призывал к травле трактата и его автора.

Иенский профессор Иоганн Музеус охотно поддержал коллегу. В своем сочинении «Богословско-политический трактат на весах истины», опубликованном в 1674 году, он писал: «Дьявол совратил великое множество людей, находящихся на службе у него и на-

правляющих свои старания к тому, чтобы испровергнуть все, что есть в мире святого. Но, право, в пору сомневаться, чтобы кто-либо из них работал над разрешением всякого божественного и человеческого права с такой силою, как этот лжеучитель, рожденный на погибель религии и государства».

От «ученых мужей» не отстал и знакомый нам торговец хлебом Блейенберг; в 1674 году он выпустил длиннейшее и скучнейшее «Опровержение богохульной книги, названной «Богословско-политическим трактатом».

Были и такие рьяные защитники религии, которые призывали к жестокой расправе. Так, французский епископ Гюэ¹ говорил: «Если бы я встретил его², я бы не пощадил этого безумного и нечестивого человека, который заслуживает быть закованным в кандалы и высеченным розгами». Епископский вариант кинжала мистика Рефозла! Более широкая техника удушения мысли и уничтожения прогрессивной науки.

Свое отношение ко всем этим писаниям Спиноза остроумно и спокойно выразил в письме от 2 июня 1674 года Я. Иеллесу: «Книгу, написанную против меня утрехтским профессором³ и появившуюся в свет после его смерти, я видел выставленную в окне одного книгопродавца, и из того немногого, что успел прочесть в ней, убедился, что она не заслуживает даже прочтения, а тем более ответа. Поэтому я оставил в покое как книгу, так и ее автора, подумав с усмешкой о том, что люди наиболее невежественные обыкновенно обнаруживают наибольшую смелость и наибольшую готовность к писанию книг. Невольно приходит в голову, что ***⁴ выставляют свой товар как

¹ Чирнгаус в одном письме к Спинозе говорит, что воспитатель дофина Франции Гюэ собирается выступить с сочинением, направленным против трактата. Оно было опубликовано в 1690 году под названием «О согласии разума и веры».

² То есть Спинозу.

³ Имеется в виду сочинение профессора Регнера ван Мансвелта «Против анонимного Богословско-политического трактата», Амстердам, 1674 г.

⁴ Эти звездочки проставлены вместо слов самого Спинозы первыми издателями его писем.

лавочники, которые имеют обыкновение показывать сначала то, что похуже. Они говорят о лукавстве дьявола, а мне так кажется, что эти люди в лукавстве далеко превосходят дьявола».

С годами мужал характер Спинозы, закалялась воля. Никакой уступки мракобесию! Твердая и решительная научно-атеистическая позиция. Спокойствие духа и дерзновенная защита материализма.

Усилия проповедников христианства и философского идеализма оказались тщетными. Спинозизм не только не был уничтожен, но, наоборот, продолжал оказывать прогрессивное влияние на последующие поколения великих мыслителей, двигающих вперед науку и философию. Французские материалисты XVIII века высоко оценили и правильно поняли сущность учения Спинозы. Дидро в «Энциклопедии» писал о нем: «Из его безвестного убежища появился сперва труд, озаглавленный: «Богословско-политический трактат», в котором рассматривается религия сама по себе... Так как в основе религии лежит вера в откровение, то первые усилия Спинозы направлены против пророков... Он не верит в действие чудес, о которых так часто рассказывает Писание... Первый его труд был только пробой сил. Во втором труде он пошел гораздо дальше. Это была его «Этика», где он дает волю своим философским размышлениям и погружает читателя в пучину атеизма» Мироззрение Спинозы полностью разделяли друзья Дидро, философы-материалисты Гольбах, Гельвеций и другие. Успех спинозизма во Франции XVIII столетия вызвал негодование религиозных писателей, которые возобновили поход против него. «Это, — пишет Вормс, автор книги «Мораль Спинозы», — заставляло все благочестивые души проклинать Спинозу, но распространяло его имя и обеспечивало ему успех в атеистическом веке».

Оригинально сложилась борьба «за» и «против» спинозизма в Германии XVIII века. Философские и художественные принципы немецких просветителей были почерпнуты из учения Бенедикта Спинозы. Под его влиянием находились Лессинг, Гердер, Гёте.

«Шекспир и Спиноза, — писал Гёте, — оказали на меня самое сильное действие».

Яростным противником Спинозы был Якоби, которому «иногда оказывают честь, называя его среди немецких философов. Это был, — писал Гейне, — всего-навсего сварливый проныра, который втерся в среду философов, прикрываясь плащом философии; сперва он долго ныл им о своей любви и мягкосердечии, а кончил поношением разума... Этот крот не видел, что разум подобен вечному солнцу, которое, уверенно обращаясь в небесах, освещает себе путь своим собственным светом. Ничто не может сравниться с благочестивой, благодушной ненавистью Якоби к великому Спинозе».

В передовой материалистической философии XIX века спинозизм нашел свое дальнейшее развитие. Фейербах говорил: «Спиноза есть Моисей для современных вольнодумцев и материалистов».

Почитателями Спинозы были русские революционные демократы. Герцен считал, что Спиноза «дал основу, из которой могла развиться германская философия». «Высота Спинозы, — писал он, — поразительна».

Учение амстердамского мыслителя заняло прочные позиции в истории материализма. Обаяние личности и мировоззрения Спинозы так сильно увлекали, что философы-идеалисты, не покладая рук продолжавшие борьбу против материализма, не могли пройти мимо нашего философа. Но если в XVII—XVIII веках реакционные философы и богословы обрушивались на спинозизм и всячески поносили его, то идеалисты XIX и XX веков, искажая образ и идеи Спинозы, пытались взять спинозизм на свое вооружение. Гегель писал: «Быть спинозистом — это существенное начало всякого философствования». При этом Гегель утверждал, будто субстанция Спинозы — это философски загримированный иудейский бог Яхве, а спинозизм в целом — философско-перевоплощенный иудейский монотеизм.

«Богословско-теологический трактат» подвергался особой обработке. Буржуазные историки обществен-

ной мысли стали доказывать, что в нем Спиноза очищает Библию от искажений и исправляет ее в духе средневековой еврейской теологии. Робинсон в книге «Метафизика Спинозы», опубликованной в 1913 году, отрицает политическую направленность трактата на том основании, что это, мол, «плохо вяжется с духовным обликом» мыслителя, стремившегося рассматривать вещи с точки зрения вечности («Sub specie aeternitatis»), «дела людские понимать, а не по поводу их смеяться или негодовать».

Робинсон, извращая характер учения и личности Спинозы, заявляет, что «Богословско-политический трактат» излагает «естественные догматы истинно католической религии», а потому «не еретическим, тем более атеистическим, но ортодоксальным, католическим должно быть признано и собственное учение Спинозы».

Позорная церемония превращения Спинозы в апологета религии имела место в Гааге в 1932 году в связи с 300-летним юбилеем мужественного глашатая правды научного атеизма и материализма. Католические профессора Сассен и Вервейн объявили Спинозу создателем «естественной религии», провозвестником католичества и «Вечного Рима». А рядом с профессорами из Ватикана стоял немецкий исследователь Спинозы Карл Гебхардт и говорил о том, что Спиноза является «революционером (!) религии» и защитником мистицизма. В унисон с ними американский философ Джордж Сантаяна толковал о том, что надо искать «не бога-истину, а бога-благо» и что по этому пути будто бы шел Спиноза.

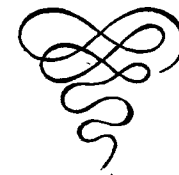
Среди современных ватиканских и буржуазных реакционных философов Робинсон и Сассен, Гебхардт и Сантаяна приобрели немало приверженцев. Французский философ Анри Сэруа отождествляет Спинозу с Иисусом Христом, еврейский публицист Х. Житловский полагает, что «Спиноза продолжает религиозную линию Ильи-пророка», американский философ Г. Вольфсон, сопоставляя в своей двухтомной монографии «Философия Спинозы» отдельные положения «Богословско-политического трактата» и «Этики»

с поучениями средневековой еврейской философии, стремится убедить читателя в том, что спинозизм — это шедевр иудаизма, его резюме и слава. И в появившейся в 1955 году книге американца Дж. Даннера «Барух Спиноза и западная демократия» проводится мысль о том, что Спиноза обосновал и защитил «религию разума».

Идеологи буржуазии в свое время резко критиковали средневековую схоластику, провозглашали философский материализм, способствовавший развитию науки и техники. Среди борцов за прогресс науки и философии XVII века Спинозе принадлежит первое место. Потому защитники умирающего феодализма тогда преследовали великого амстердамца.

С тех пор прошло много времени. В эпоху империализма буржуазия стала отживающим классом. Она мобилизовала своих идеологов на борьбу против марксизма, и теология стала ее идейным знаменем. И нет ничего удивительного в том, что она фальсифицирует прогрессивных мыслителей прошлого.

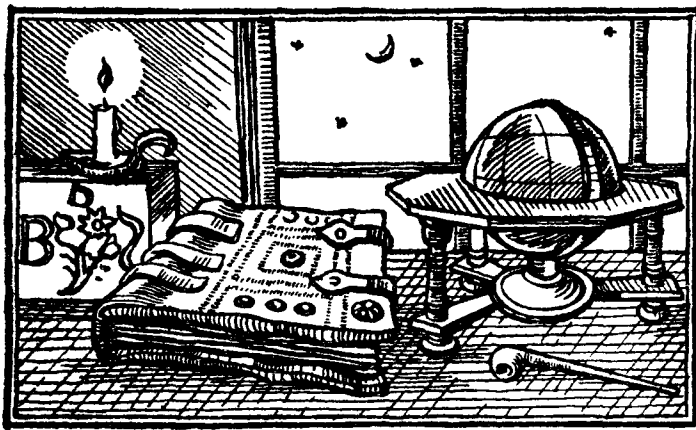
Идейным наследником всего лучшего, что создано в прошлом, является рабочий класс. И только он, вооруженный передовой теорией марксизма-ленинизма, может верно оценить и критически освоить учение Спинозы. Борьба за его идейное наследие — составная часть великой битвы коммунизма против деградирующего капиталистического общества.

ДУМАТЬ О ЖИЗНИ

В Ворбурге Спиноза часто болел лихорадка по вечерам, кашель... Он никогда и никому не жаловался. Но и без того было ясно, что философ унаследовал тяжелый недуг матери — туберкулез легких.

Здесь, в этой деревне, без медицинского примотра он погибнет. В Гаагу бы его! Под разными предложениями друзьям удалось убедить Спинозу в необходимости покинуть Ворбург. В 1670 году он поселился в столице Голландии.

Комнату с полным пансионом он вначале снял на улице Веркадо у мадам де Верпе. Но вскоре философ обнаружил, что хозяйка весьма расточительна и предъявляемые ею счета ему явно не по карману. В мае 1671 года Спиноза переехал на

Павильонсграхт к художнику Гендрику ван де Спику. Здесь в его распоряжении был мезонин, где разместились его небольшая мастерская для шлифовки стекол, кабинет с библиотекой и спальня.

Лукас, который хорошо знал гаагский период жизни Спинозы, рассказывает: «Трудно поверить, как скромно и бережливо он жил. И не потому, что был беден. Наоборот, денег ему сулили много. Врожденное чувство стыдливости, умение довольствоваться самым необходимым, нежелание есть чужой хлеб — таковы причины его скромности. Много говорят о его жизни сче́та, найденные среди его бумаг. Бывало так, что на весь день он себе заказывал молочный суп с маслом стоимостью в три пфеннига и кружку пива в полтора пфеннига». Вино он пил редко, а приглашений на дружеские обеды старался по возможности избегать. Одевался скромно, но изящно. Лукас утверждает, что Спиноза однажды сказал: «Неопрятная одежда лишает нас права называться людьми науки. Сознательная небрежность — признак мелкой души, с мудростью она ничего общего не имеет».

Основную часть своего дохода Спиноза тратил на книги. Его личную библиотеку знатоки оценивали весьма высоко. Она состояла из множества томов по различным отраслям наук и искусств, соответственно широкому кругу интересов ее владельца.

В мезонине Спика Спиноза провел свои последние годы. Здесь он самозабвенно трудился, неделями не выходя из дому и никого не принимая. Он творил «Этику».

Когда работа не ладилась, Спиноза закуривал трубку, проводя долгие часы в глубоком раздумье.

На письменном его столе стояло зеркало. Иногда он в него пылливо глядывался. Ему еще нет и сорока, но как он осунулся... Вспоминал мать. Он ее нежно любил. Смуглая, худощавая, тихая, добрая. Сколько ей было, когда умерла?.. Философ подумал о смерти. Впервые... Весьма возможно, что именно тогда Спиноза и записал 67-ю теорему четвертой части «Этики», в которой речь идет о том, что мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни...

Хозяйка дома, Маргарита Спик, маленькая шатенка лет двадцати восьми, обожала постояльца. Она всем соседкам раструбила, что в ее доме живет святой. Подумайте, человек неделями не выходит из дому, живет одиноко, без прислуги, без женской опеки. Чем не святой?

Спиноза доброжелательно относился к Маргарите, в минуты отдыха спускался вниз, в общую комнату и охотно слушал ее милую болтовню о пасторе, ценах на рынке, таланте ее мужа и т. п.

Полное согласие царило и во взаимоотношениях между хозяином и постояльцем. Спиноза и ван Спик вели беседы о живописи или играли в шахматы. Однажды Спик обратился к Спинозе с вопросом: «Почему, когда я проигрываю, я волнуюсь, а вы нет, разве вы так равнодушны к игре?» — «Нисколько, — ответил Спиноза, — но кто бы из нас ни проиграл, один из королей получает мат, и это радует мое республиканское сердце».

Спиноза аккуратно рассчитывался со Спиками и любил обсуждать с ними свои финансовые дела. Он по-детски радовался, когда расходы не превышали доходов, если, как он выражался, его бюджет, «подобно змейке, держа хвост во рту, образует круг».

Однажды хозяева, рассказав ему содержание прослушанной ими проповеди, в которой пастор, бичуя пороки, призывал к аскетизму, спросили его, что он думает об этом. «Та вера хороша, — отвечал им Спиноза, — которая вызывает к мирной жизни, спокойной, мудрой и радостной». Он им говорил о том, что печаль и скорбь — признаки слабости и бессилия. Веселое настроение необходимо всем, необходимо для собственного самоусовершенствования. «Смех и веселье, — подчеркивал Спиноза, — здоровая основа подлинно человеческой жизни».

Спики понимали, что Спиноза восстает против запрета, наложенного Кальвином на радостное восприятие жизни, восстает против смирения и безропотного подчинения судьбе. Но, будучи от природы людьми добрыми и веселыми, они радовались тому, что их постоялец, столь суровый по отношению к себе,

наставляет их на широкий жизненный путь, озаренный светлой улыбкой разума и счастья.

Спиноза относился с большим участием к людям, в минуты горя и несчастья приходил им на помощь всем своим скромным достатком и ласковым, сердечным словом.

Спиноза был целостной личностью. Учение и жизнь его взаимно определяли друг друга. По отношению к Спинозе можно перефразировать поговорку: «Скажи мне, что является твоим учением, и я скажу, кто ты».

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

В письме к Яриху Йеллесу от 17 февраля 1671 года Спиноза рассказывает, что ему недавно прислали книжку «Политический человек»¹. Прочитав ее, он пришел к выводу, что «это самая вредная книга, какую только могут придумать люди».

Чем она вызвала такой резко отрицательный отзыв?

Автор «Политического человека», потеряв стыд и совесть, превозносит любую гнусность, если она является средством для накопления капитала.

«По мнению автора, — пишет Спиноза, — высшим благом являются деньги и почести». Сообразно с этим он строит свое учение и указывает пути к их достижению. Отбрасывая «внутренне всякую религию» и принимая внешним образом ту, которая лучше всего может служить его преуспеянию, автор готов изменить кому и чему угодно, лишь бы только измена эта принесла выгоду.

Деньги — бог не только автора «Политического человека». Жажда наживы была типичным явлением эпохи. Книга выражала умонастроения, идеи и чаяния народившейся буржуазии. «История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образ-

¹ Впервые эта книга была опубликована в 1664 году, второе издание — в 1668 году. Автор ее не известен, выходила анонимно. Предполагают, что ее написал канцлер курфюрста Бранденбургского Х. Рапп.

цовой капиталистической страной XVII столетия, — писал Маркс, — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей. Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения рабов на острове Ява. С этой целью подготавливались специально воры людей. Вор, переводчик и продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами»¹. Колониальная система играла решающую роль в становлении капиталистических общественных отношений. «Это был тот «неведомый бог», который взошел на алтарь наряду со старыми божествами Европы и в один прекрасный день одним махом всех их выбросил вон. Колониальная система провозгласила наживу последней и единственной целью человечества»².

Идеолог стяжательства и грабежа в своем сочинении «Политический человек» отбрасывает, по выражению Спинозы, «всякую религию», то есть элементарные представления о морали, и открыто «восхваляет притворство, нарушение обещаний, ложь, клятвoprеступничество и многое другое в этом роде». Спинозе следовало бы добавить, что автор зловердного сочинения выполнил социальный заказ своего класса, взял под защиту поворожденный капитал, который «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»³.

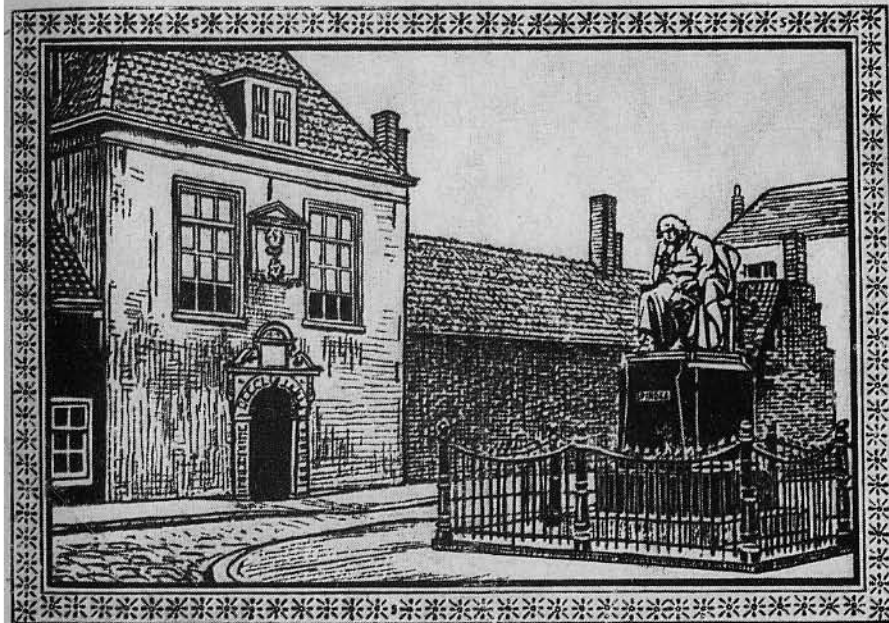
Политическая полемика Спинозы принадлежит к самым трагическим явлениям его творчества. Сын века капиталистического накопления, он выступил на бой против феодальной знати с ее возмутительными привилегиями, а также «князей церкви» и церковников всех мастей, прислужников тьмы и невежества.

Величайший реалист эпохи, Спиноза был восхищен новым укладом жизни и отобразил в своей философии грандиозные исторические свершения, начатые

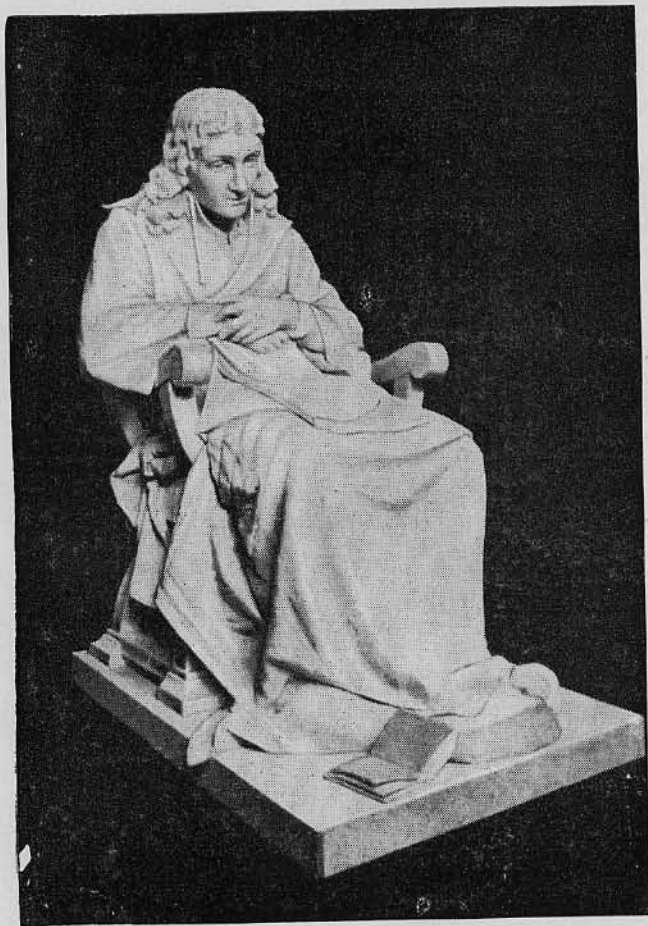
¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761.

² Там же, стр. 764.

³ Там же, стр. 770.

Памятник Спинозе в Гааге

Б. Спиноза. Скульптура М. Антокольского.

восходящей буржуазией. Однако глубина мысли, строгость чувств, богатство знаний возвысили его над основами буржуазных устоев. Новый взгляд на общественный и политический уклад он выработывал с высоты своих принципов свободы разума и совести.

Философ был свидетелем массового воровства жителей островов и чудовищного «плаката» Соединенных провинций Голландии, в котором предусматривалось насильственное лишение земли и превращение деревенского населения в бродяг, чтобы приучить их к дисциплине наемного труда поркой, клеймами и пытками.

Впиваясь зоркими глазами гения в окружающую его социальную среду, Спиноза охватил не только картину общественного бытия в целом, но и ее отдельные черты. Спиноза ужаснулся, поняв, какими грязными средствами пользуется буржуазия для своего обогащения. Он с негодованием осудил воровство — источник наживы колонизаторов. Так, в письме к вышеупомянутому торговцу хлебом Блейенбергу он заявил: «Под справедливым я разумею того, кто постоянно стремится к тому, чтобы всякий обладал тем, что ему принадлежит, каковое стремление с необходимостью возникает у добродетельных людей из ясного познания самих себя и бога. А так как вор не имеет такого рода стремления, то он по необходимости лишен познания бога и самого себя, то есть лишен того самого главного, что делает нас людьми».

Спиноза пришел к выводу, что век буржуазии порочен, несет в себе угрозу подлинному человеческому счастью и свою собственную гибель. После ознакомления с «Политическим человеком» Спиноза решил «написать небольшую книжку, которая была бы косвенно направлена против этого автора и трактовала бы о высшем благе... о беспокойном и жалком состоянии тех, кто жаждет денег и почестей, и... показывала бы ясными доводами и многими примерами, что ненасытная жадность к почестям и деньгам с необходимостью должна приводить к гибели и действительно погубила целые государства».

Дальше замысла дело не пошло. Спиноза писал

«Этику». На сей раз философ одолел политика. Но о каком сочинении мечтал Спиноза, легко догадаться по заключительным словам его письма. «Насколько лучше и превосходнее, — пишет он, — были мысли Фалеса Милетского¹ сравнительно с мнением означенного писателя, видно уже из следующего рассуждения Фалеса. У друзей, говорил он, все является общим. Мудрецы суть друзья богов, а богам принадлежит все, следовательно, и мудрецам принадлежит все. Вот каким образом этот мудрейший муж сделал себя богатейшим из людей тем, что благородно презирал богатство, вместо того чтобы жадно гоняться за ним. Однако в другой раз он показал, что мудрецы не имеют богатств не в силу необходимости, но по свободному решению».

Спиноза угадал, что социальное зло коренится в частной собственности, и видел, что освобождение человечества от ига золотого тельца связано с утверждением общественной собственности на все, что производит и создает природа и человек.

ПРОФЕССУРА

В Гаагу поступала обширная корреспонденция, ибо многие жаждали завязать со Спинозой знакомство и завоевать его дружбу. А он охотно отвечал на любое письмо, касалось ли оно его философии или совета по какой-либо научной проблеме.

В феврале 1673 года он получил письмо от профессора Гейдельбергского университета и советника курфюрста Пфальцского Людвига Фабрициуса. Это было письмо-предложение о замещении должности ординарного профессора философии в лучшем по тому времени университете Европы. «Годовой оклад, — писал Фабрициус, — назначается Вам такой же, каким пользуются ныне все ординарные профессора. Нигде в ином месте Вы не найдете Государя, в такой мере

¹ Фалес из Милета (ок. 624 — ок. 547 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист.

покровительствующего всем выдающимся людям, к числу которых он причисляет и Вас». После этих лестных слов было оговорено: «Вам будет предоставлена широчайшая свобода философствования, которую, он надеется, Вы не станете злоупотреблять для потрясения основ публично установленной религии».

Легко представить себе возмущение Спинозы. Для него философия была синонимом свободы мысли. А тут ему предлагают «свободу философствования», а сами держат в руках кнут насилия, оберегающий религию от разумной критики. Не ясно ли, что университетская философия и наука находятся во власти тьмы и убожества? Истина против компромиссов. Она предполагает полную независимость мысли, смелости и честности. Служить истине без каких-либо оговорок — в этом Спиноза видел жизнь, достойную философа в подлинном смысле этого слова.

30 марта 1673 года он ответил Фабрициусу отказом. Мотивы и форма отказа от должности профессора примечательны. В них ярко сказываются черты его скромной и гармоничной личности, смысл его борьбы со старым миром. «Если бы я когда-либо стремился занять кафедру на каком-либо факультете, — писал Спиноза, — то, конечно, я мог бы желать лишь ту, которую мне предлагает.. курфюрст Пфальцкий — особенно ввиду свободы философствования, предоставляемой мне всемилостивейшим Князем... Но так как я никогда не имел намерения выступать на поприще публичного преподавания, я не могу побудить себя воспользоваться этим прекрасным случаем. Ибо, во-первых, я думаю, что если бы я занялся обучением юношества, то это отвлекло бы меня от дальнейшей разработки философии; а во-вторых, я не знаю, какими пределами должна ограничиваться предоставляемая мне свобода философствования, чтобы я не вызвал подозрения в посягательстве на публично установленную религию. Ведь раздоры рождаются не столько из пылкой любви к религии, сколько из различия человеческих характеров или из того духа противоречия, в силу которого люди имеют обыкновение искажать и осуждать все, даже и правильно

сказанное. Испытав это уже в моей одинокой частной жизни, я имею тем большее основание опасаться всего этого по достижении высшего положения. Итак, Вы видите, славнейший муж, что не надежда на какую-либо лучшую участь удерживает меня, но лишь любовь к спокойствию, которое я надеюсь до некоторой степени обеспечить себе воздержанием от публичных лекций».

Высокую оценку этому факту дал Альберт Эйнштейн. Он писал: «...действия тех невежд (речь идет о маккартистах в США. — М. Б.), которые используют свою силу для террора, направленного против интеллигенции, не должны остаться без отпора... Спиноза следовал этому правилу, когда он отказался от профессорской кафедры в Гейдельберге и... решил зарабатывать свой хлеб, не изменяя свободе своего духа». И действительно, не изменяя своим философским убеждениям, Спиноза продолжал усиленно работать над завершением своего труда жизни.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ

«Любовь к спокойствию», как сказано, дала повод кое-кому рисовать Спинозу бездушным созерцателем, размышляющим о бесконечном. В действительности же под «спокойствием духа» Спинозы следует понимать особое дарование великого философа глубоко и всесторонне рассматривать явления и находить их гармоничную связь с природой. Умение видеть вещи в их строгой причинной обусловленности не уводило Спинозу от жизни, а, наоборот, крепко связывало его с нею, с потребностями республики, с чаяниями своего народа. Ради социальной справедливости, торжества правды он жертвовал своей жизнью.

Убийство де Витта резко оттенило два периода в первоначальном развитии Голландской республики. При «великом пенсионарии» наиболее реакционные элементы, землевладельцы, высшее духовенство и штатгальтеры, были отстранены от политического руководства страной. После того как де Витта зверски

убили, руководство высшими государственными органами оказалось в руках оранжистов, ставленников Вильгельма III и консисторий. Новые правители вели отчаянную борьбу против своеволия генеральных штабов и буржуазных устоев. Обострение классовой борьбы ухудшило внешнеполитическое положение Голландии. Утрехтскую область, занятую французской армией, принц Кондэ решил превратить в плацдарм для наступления на столицу Нидерландов. В Гааге началась паника. Возможные преемники де Витта на посту президента решили обратиться к Спинозе за помощью. Точно не установлено, кто вел переговоры с великим философом, но известно, что в итоге он согласился выехать в ставку главнокомандующего французских войск, к Кондэ, в Утрехт, чтобы оговорить предварительные условия заключения мирного договора с королевской Францией.

Миссия была сопряжена с большим риском. Надо было войти в контакт с верными людьми, которые в обстановке общей подозрительности обеспечили бы проход через вражеский кордон и благополучное возвращение в родной город. Одним из таких людей был полковник Жан Стоуп.

Этот полковник стоял во главе штаба войск Кондэ. В Утрехт он прибыл в июле 1672 года. Вскоре Стоуп получил письмо от друга детства, пастора из Берна, в котором он подвергся резкому осуждению за то, что, являясь протестантом-кальвинистом, воюет на стороне католиков против своих единоверцев. В ответ на упреки и проклятия Стоуп написал сочинение под длинным названием «Религия голландцев, изложенная в шести письмах, написанных офицером королевской армии для бернского пастора и профессора теологии». В своем произведении полковник показывает, что в Голландии много разнообразных сект и протестанство не является господствующим вероисповеданием. Религия голландцев, говорит Стоуп, — это, собственно, золотой мешок. Так, например, те из них, кто служит в Ост-Индской компании в Японии, скрывают свою принадлежность к христианству, поскольку это может повредить их торговым операциям.

Наблюдения полковника любопытны.

Стоуп интересовался Спинозой. В одном из упомянутых писем он говорит:

«Полагаю, что я не указал бы на все существующие в Голландии верования, если обошел бы молчаливым учением прославленного и ученого мужа, который, как заверяют, имеет много последователей. По происхождению он еврей, и зовут его Спинозой. Он порвал с иудейством, но не принял христианства. Приблизительно год назад он опубликовал «Богословско-политический трактат», в котором, видимо, ставит себе задачу искоренить любую религию и широко открывает двери для атеизма и свободомыслия. Этот Спиноза живет в Гааге, его посещают многие искатели правды, в том числе молодые женщины, которые уговорили себя, что они умом превосходят других представительниц своего пола. Его ученики скрывают имя своего учителя, так как трактат запрещен декретом генеральных штатов».

Стоуп издевался над бессилием теологов, неспособных выставить против «Богословско-политического трактата» ни одного разумного довода. «Никто, — пишет он, — из местных теологов не посмел открыто выступить против идей, изложенных Спинозой в его трактате. Меня это крайне удивляет, тем более что автор достоин ответа, ибо он широко эрудирован, прекрасно владеет древнееврейским языком, хорошо знает религиозный культ и обряды, а также философию. Если теологи и впредь будут отмалчиваться, то необходимо будет прийти к выводу, что они либо лишены веры, либо соглашаются с атеистическими положениями трактата или же им не хватает мужества для борьбы».

Стоуп некоторое время состоял в переписке со Спинозой, многое о нем узнавал от врачей и филологов, с которыми гаагский философ общался. Принцу полковник рассказывал массу небылиц о Спинозе. Под влиянием этих рассказов Кондэ решил пригласить к себе философа. Решение это совпало с попыткой властей республики возложить на Спинозу дипломатическую миссию и установить контакт с Кондэ.

Каким образом Спиноза добрался в Утрехт, неизвестно. Но так или иначе летом 1673 года Стоуп его принял и сообщил, что принц неожиданно выехал в Париж и просил дожидаться его возвращения.

Спиноза часто виделся со Стоупом и вел с ним беседы о политике, праве, судьбах Европы и т. п.

Однажды полковник французской армии дал понять голландскому философу, что он окажет бесценную услугу отечеству, если одно из своих произведений посвятит Людовику XIV.

Стоуп, зная, что философ является принципиальным противником монархизма, стремился по мере сил обелить французский двор и его главу. Полковник восхвалял страну Людовика XIV, подчеркивал, что во Франции господствует мир и согласие, что армия его величества пользуется огромной славой, что в его войске и народе никогда не было и не будет восстаний.

— О государстве, — ответил Спиноза, — подданные которого не берутся за оружие, удерживаемые лишь страхом, можно скорее сказать, что в нем нет войны, нежели что оно пользуется миром. Государство, где мир покоится на косности граждан, которыми правят, как скотом, лишь для того, чтобы они научились еще большему раболепию, правильнее было бы назвать безлюдной пустыней, нежели государством.

— Но, — возразил Стоуп, — вы сами, господин Спиноза, говорили, что та верховная власть является наилучшей, при которой люди проводят жизнь в согласии. И если власть в руках одного человека, мудрого мужа, подобного нашему королю, то в королевстве господствуют мир и благополучие.

— Позвольте спросить, что вы понимаете под согласной жизнью всех граждан? Я разумею, — подчеркнул Спиноза, — под человеческой жизнью такую, которая определяется не только кровообращением и другими функциями, свойственными всем животным, но преимущественно разумом, истинной добродетелью и духовной жизнью. Свободный народ должен остерегаться целиком вверять свое благополучие одному лицу.

— Глубоко ошибаются те, — возразил Стоуп, — которые думают, что один человек не может обладать высшим правом государства. Один монарх — один закон для всех. Народ нуждается в сильной власти и сильной личности. Замена монархической формы верховной власти другой ведет к гибели страны и государства. Даже меч царя есть воля народа.

— Скажу вам откровенно, что присущие всем смертным пороки смешно приписывать одному только плембу. Что ж, по-вашему, король — фетиш, идол, сверхъестественное существо?

— О чем вы, господин Спиноза? Какое сравнение может быть между королем и престономародьем? Толпа не знает меры, не испытывая ни перед кем страха, она сама наводит ужас.

— Вы говорите, — ответил Спиноза, — что простой народ униженно служит или высокомерно господствует. Не то, что царь, король, монарх! Природа, однако, скажу я вам, едина и обща всем. Но нас вводят в заблуждение могущество и внешний блеск. Поэтому, когда двое делают одно и то же, мы часто говорим: одному можно это совершать безнаказанно, другому — нельзя вследствие различия не в поступках, но в людях.

Спиноза пытался перевести разговор на тему, в данную минуту более важную для него. Ему хотелось уточнить основные условия мирного договора, которые Франция намерена продиктовать Нидерландам.

Стоуп уклонился от ответа. Эти условия ему неизвестны. Они даже для него пока тайна.

Спиноза воспользовался этим и вновь подчеркнул, что монархизм — воплощение антигуманизма и варварства. «Лица, — сказал философ, — имеющие возможность втайне вершить дела государства, держат последнее абсолютно в своей власти и так же строят гражданам козни в мирное время, как врагу — в военное. Никто не может отрицать, что покров тайны часто бывает нужен государству, но никогда никто не докажет, что это же государство не в состоянии существовать без монарха. Наоборот, никоим образом невозможно вверить кому-либо все дела правления и

вместе с тем удержать за собою свободу. Потому и нелепо желание величайшим злом избежать незначительного ущерба. На самом деле, у домогающихся абсолютной власти всегда одна песня: интересы государства, безусловно, требуют, чтобы его дела велись втайне и т. д. и т. д. Все это тем скорее приводит к самому злосчастному рабству, чем более оно прикрывается видимостью пользы».

Стоуп вернулся к однажды поднятому вопросу. Не посвятит ли Спиноза свою «Этику» королю Франции?

— Свои труды, — ответил категорически Спиноза, — я посвящаю только истине.

— И мой Король-Солнце светит точно истина, — сказал Стоуп. — Простому народу чужда истина и способность суждения. Ему ли адресованы ваши произведения?

— Позвольте рассказать вам, — ответил Спиноза, — одну легенду. Когда Александр Македонский завоевал древнюю Иудею, он отправился в суд, чтобы познакомиться с местными нравами, и присутствовал там при разборе одной тяжбы. Истец заявил, что он купил участок земли и нашел в нем клад. Но ведь он купил только поле, а не клад. Поэтому он хочет возратить его прежнему собственнику земельного участка. Ответчик возразил, что продал землю со всем тем, что в ней находится. Клад, следовательно, принадлежит не ему. Тогда судья спросил у одного из них, есть ли у него сын, а у другого, есть ли у него дочь. Получив на эти вопросы утвердительные ответы, он посоветовал им порадовать своих детей и отдать клад новобрачным. Александр Македонский громко рассмеялся. «Разве я неправильно рассудил?» — спросил судья. «Нет, — ответил царь, — но в нашей стране в подобном случае мы бы сняли голову обом, а клад конфисковали в пользу казны». — «А идет ли дождь в вашей стране?» — задал вопрос повелителю судья. «Конечно», — ответил Александр. «И солнце у вас светит?» — «Да». — «И скот есть у вас?» — спросил судья. «Есть», — ответил Александр. «Тогда не подлежит сомнению, — заключил

судья,—что ради животных льет дождь и светит солнце в вашей стране, вы же этого не заслуживаете».

Где господствует один, — подчеркнул Спиноза, — там истина попирается, подавляется ожесточением и раболепством. При разбирательстве дел, обращают внимание не на закон или истину, но на размер богатства. В этом случае народ справедливо говорит, что ценою царской крови можно вернуть и защитить истину...

Спиноза убедился, что его вызвали в Утрехт не для ведения серьезных переговоров о судьбе Нидерландов. От него хотят признания величия Людовика XIV, заискивания и лести.

В ответ на все попытки купить совесть философа он еще решительнее будет призывать людей к тому, чтобы они брались за оружие в борьбе против всякого насилия.

Не дождавшись принца, Спиноза покинул Утрехт и вернулся в Гаагу.

На Павильонсграхте его встретила с шумом и гиканьем толпа. Кое-кто обозвал его шпионом и даже бросил в него камень. «Самое тяжелое бремя, которое могут наложить на нас люди, — подумал Спиноза в эту минуту, — заключается не в том, что они преследуют нас своим гневом и ненавистью, а в том, что они этим внедряют ненависть и гнев в наши души».

С трудом он добрался к дому Спиков. Толпа бросилась за ним. Живописец был взволнован. «Не бойтесь за меня, — сказал ему Спиноза, — мне легко оправдаться. Многие люди, уважаемые и достойные доверия, знают, что побудило меня к этому путешествию. А впрочем, будь что будет! Если толпа вздумает шуметь перед вашей дверью, я сейчас же выйду, хотя бы со мной обошлись так же, как с несчастным де Виттом. Я честный республиканец и никогда не имел в мыслях ничего, кроме славы и блага моей родины».

Спиноза твердо решил: до окончания работы над «Этикой» он ничем другим заниматься не будет. Вся энергию и все знания впредь посвящаются толь-

ко ей одной. Ведь «Этика» должна стать кодексом вольнодумия, справедливости, правды и счастья, и каждая теорема в ней — своеобразной статьей этого кодекса.

«ЭТИКА»

Проходят два года. О жизни Спинозы как будто никто ничего не знает. Безвыходно сидит он на своем мезонине, словно на горной вершине, и работает там напряженно, без усталости, шлифуя «Этику». Ей он без остатка отдает красоту своего разума и доброту своего сердца.

В 1675 году она была закончена. Труд жизни был завершен.

Медленно и последовательно пришел Спиноза к «Этике», наиболее полно раскрывающей величие его гения. Здесь начинается его торжественное шествие в бессмертие.

В «Этике» нет ничего лишнего, никакого преувеличения. Все просто, ясно и естественно. В ней обилие человечности, высшая доброта и подлинное счастье. Учение и человек слиты в ней воедино. Спиноза и спинозизм гармоничны и целостны, не оторвать одно от другого. «Высшая природа человека, — говорил Спиноза, — есть не что иное, как познание единства, в котором дух живет заодно со всей природой».

Содержание «Этики» — внутренний мир Спинозы, его принцип гармонии, проявление «высшей природы человека».

Значение спинозизма для прогрессивной мысли XVIII и XIX столетий отразилось в следующих словах Гейне: «При чтении Спинозы нас охватывает то же чувство, что и при созерцании великой природы в ее пронизанном жизнью покое. Лес возносящихся к небу мыслей, цветущие вершины которых волнуются в движении, меж тем как непоколебимые стволы уходят корнями в вечную землю. Некое дуновение носится в творениях Спинозы, поистине неизъяснимое. Это как бы веяние грядущего».

Мудрое и мощное сознание автора «Этики», воплощенное в логически стройную систему, тождественно яркому и буйному художественному видению Рембрандта, гениального старшего современника Спинозы¹. Спинозу и Рембрандта роднит лучезарный взгляд на чувственный и нравственный мир, умение воссоздать его, широта замысла, глубина мысли, полнота чувств, звучащая ясность. В их произведениях все соразмерно, озарено мудростью, великой гармонией красок и идей. Как образы Рембрандта могли бы сойти с картины и присоединиться к зрителям, так природа и человек у Спинозы — живые существа, которые реально действуют вокруг нас и вместе с нами. «Рембрандт, — говорит бельгийский поэт Эмиль Верхарн, — покрывает славой все изображаемое им. Портретное искусство силой его гения превращается в искусство апофеоза. Ни один художник не понимал этого искусства более своеобразно и оригинально. Модель существует для него постольку, поскольку он заставляет ее выразить какое-либо чувство или глубоко человеческую правду. Он не упускает ни одной черты, какая ему представляется в модели». И далее: «Для Рембрандта тело священно. Он никогда не приукрашивает его, даже тогда, когда рисует Саскию. Тело — это материал, из которого создано человечество, печальное и прекрасное, жалкое и великолепное, нежное и сильное. Даже самые некрасивые тела он любит так же, как любит жизнь, и возвышает всею властью своего искусства».

Философия Спинозы созвучна творчеству Рембрандта. За кулисами геометрических фигур «Этики» действует горячее сердце, страстный темперамент, преобразователь мира, жизнелюб, обличитель фальши, неутомимый защитник правды, света и разума. За сухими аксиомами и теоремами скрывается энер-

¹ Спиноза и Рембрандт были гонимы. Современное им буржуазное общество их презирало и преследовало. В 1656 году Спинозу предали анафеме, в этом же году Рембрандта объявили несостоятельным должником. Интересно отметить, что на той же странице акта об отлучении Спинозы было вписано объявление о банкротстве Рембрандта.

гичная мысль, согретая великой душой. Спиноза, как и Рембрандт, возвысил природу, ее телесность и материальность. «Не вижу, — говорит он в «Этике», — почему природу нельзя назвать божественной». Силой его гения природа превратилась в апофеоз мысли, науки и искусства. Ни один философ до Спинозы так не превознес и воспел столь оригинально и своеобразно природу, как он. Природа для него всепоглощающая сущность, из необходимости которой «вытекает бесконечное множество вещей бесконечно многими способами». И человека, с его страстями и умом, слабостями и силой, он мужественно любил, возвысил в меру своего духа и понимания объективных законов природы и общества.

Язык философии Спинозы откровенный, честный и дерзкий. «Можно с ним ни в чем не соглашаться, но, — говорит Герцен, — нельзя не остановиться с уважением перед этой мужественной и открытой речью, и вот загадка, почему его вдесятеро более ненавидели, чем других мыслителей, говоривших то же, что и он».

Природа и человек в центре внимания всей «Этики». Светильник разума Спинозы освещал жизнь вселенной и бытие человека. А главное — прочертил путь, идя по которому человек может выявить лучшие качества своего характера и ума. «Этика», по определению ее автора, способствует общественной жизни, учит «никого не ненавидеть, не презирать, не насмехаться, ни на кого не гневаться, никому не завидовать», быть готовым прийти на помощь ближнему «не из женской сострадательности, пристрастия или суеверия, но единственно по руководству разума, сообразно с требованиями времени и обстоятельств». «Этика учит тому, как «должно управлять и руководить гражданами, — именно так, чтобы они не несли иго рабства, а свободно делали то, что считают лучшим».

Спинозизм обширен и богат. В сфере его интересов — природа и ее закономерные связи, проблема первопричины и причинной обусловленности всех вещей, человек, его страсти, разум и способность познания

мира, нормы нравственности, вопросы добра и зла, идеал личности, теория государства и общества.

Задержим внимание читателя только на некоторых идеях Спинозизма, получивших наиболее полное воплощение в «Этике».

ПРИРОДА СУБСТАНЦИИ

Вне нас, независимо от нас существует природа, бесконечное множество вещей и явлений. «Этика» выражает эту мысль формулой: «Вне ума нет ничего, кроме субстанции и ее модусов. Как, например, ни различны агрегатные состояния воды — суть их одна. Вода, пар, лед — три проявления одной сущности. Подобно воде, все единичное — выражение одного существа. Иными словами, все предметы и явления мира имеют одно общее основание. Это основание всего сущего называется субстанцией». «Мы легко представим себе, — говорит Спиноза, — что вся природа составляет один индивидуум, части которого, то есть все тела, изменяются бесконечно многими способами безо всякого изменения индивидуума в его целом».

Каждая отдельная, конечная вещь ограничена другой вещью. Субстанция же — это то, что существует само по себе и не нуждается в другой вещи, которая определила бы ее существование. Единичные вещи — видоизменения субстанции, ее модусы. Модусы преходящи, временны. Они возникают и исчезают. Субстанция обладает вечностью, она несотворима и неуничтожаема. Модусов же бесконечное множество. Они возникают и исчезают в силу необходимости законов, присущих субстанции. Субстанция — одна-единственная.

Любое явление детерминировано, то есть обусловлено объективными законами. Жизнь природы дает нам бездну примеров того, как одна вещь определяет к существованию другой вещь. Все коренится в ином, результат другого и порождает другое. Причинность является существенной закономерной связью всех вещей. «Все единичное, или, иными словами,

всякая конечная и ограниченная к своему существованию вещь, — говорит автор «Этики», — может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию какой-либо другой причиной, также конечной и ограниченной по своему существованию. Эта причина, в свою очередь, также может существовать и определяться к действию только в том случае, если она определяется к существованию и действию третьей причиной, также конечной и ограниченной по своему существованию, и так до бесконечности». Приведенная теорема воскрешает в памяти стихи древнеримского поэта Лукреция о том, что даже божество не в состоянии ничего произвести из ничего. «Из ничего не творится ничто по божественной воле». «Из ничего... ничто не родится». И «отнюдь не в ничто превращаются вещи». Самый первый принцип, которому природа учит нас, — это принцип о причинной обусловленности всех вещей и явлений. Идея о творении материи из ничего является по своему существу иллюзорной, превратной идеей, равно как и другие теории богословов и идеалистов. Закон причинности — всеохватывающий закон всего мироздания. Ему подчинены не только модусы, но и субстанция. И она не беспричинна. Она тоже имеет причину своего бытия. Но коренится ли ее причина в другом? Вне субстанции, отвечает Спиноза, ее искать бесполезно, ибо субстанция заполняет собой всю природу. Вне ее — пустота, ничто. Причину ее существования надо, стало быть, искать в самой субстанции. Она сама себя определяет к существованию. Субстанция безначальна и бесконечна.

Однако часто человек судит о природе по аналогии с самим собою. В его представлении субстанция превратно отображается. Ему чудится нечто такое, что якобы находится вне мира, над природой. И это нечто он называет богом. «Чтобы освободить людей от этих предрассудков, — пишет Спиноза, — достаточно заметить, что я говорю здесь не о вещах, происходящих от внешних причин, но только о субстанциях, которые никакой внешней причиной производи-

мы быть не могут. Вещи, происходящие от внешних причин, состоят ли они из большого или малого числа частей, всем своим совершенством или реальностью, какую они имеют, обязаны могуществу внешней причины, и следовательно, существование их возникает вследствие одного только совершенства внешней причины, а не совершенства их самих. Напротив, субстанция всем совершенством, какое она имеет, не обязана никакой внешней причине, вследствие чего и существование ее должно вытекать из одной только природы, которая поэтому есть не что иное, как ее сущность».

Субстанция — причина самое себя, она — *causa sui*. Таков вывод проникательного познания бытия, глубоких и верных размышлений о реальном мире. Этим выводом философ открывает «Этику». *Causa sui* является первым определением его главного труда и важнейшим принципом его учения.

Уместен здесь вопрос: что же остается в системе Спинозы для бога? Ничего. Утверждение субстанции есть отрицание бога.

И поэтому когда Спиноза говорит: «Все, что существует, существует в*боге, и ничто без бога не может существовать и быть понимаемым», то это собственно означает: все, что существует, существует в природе, и ничто без нее не может ни существовать, ни быть познанным.

Субстанция — не изобретение нашего философа. Она обобщенное понятие, выражающее бытие вне нас существующей природы.

Декарт говорил о субстанции раньше Спинозы. Но у французского мыслителя мир — словно расщепленная надвое молния. Декарт удвоил мир, полагая, что в его основе находятся субстанции протяжения и мышления, произвольно сшитые вместе богом. Спиноза видел гармонию мира в его реальном, естественно-необходимом единстве. Установление различных субстанций — ошибка. «Я вижу ясно, — утверждает он, — что существует только одна, сама собой определяющаяся субстанция».

Сравнивая учение Декарта и Спинозы о субстан-

ции, историк философии Куно Фишер пишет: «Солнце бесконечной субстанции, восходящее в Декарте, в последующих системах совершает свое дневное течение: на это светило, следующее за Декартом, философы направляют свои телескопы. Когда оно достигнет зенита, мы будем смотреть на мироздание глазами Спинозы».

Смотреть глазами Спинозы на природу — значит видеть ее такой, как она есть, без всяких добавлений. Быть спинозистом означает вознестись в бесконечную высь всемогущую силу разума, способного рассмотреть глубинные закономерности бытия. Чтобы стать спинозистом, надо сознательно и последовательно опрокинуть бога и познавать природу, ее сцепления, связи, отношения, переходы, переливы, живую ткань реального мира, необходимость всего сущего.

Учение Спинозы о субстанции было направлено не только против Декарта. Оно в равной мере опровергло доктрину о целеполагателе и руководителе мира. «Ссылка на бога и на наличие целей в природе, — говорит философ, — уводит наш ум в темницу невежества». Означенное учение, сказано в «Этике», извращает природу. «Нельзя пройти здесь молчалием также и того, — добавляет Спиноза, — что сторонники этого учения, желавшие похвастать своим умом в указании целей вещей, изобрели для оправдания означенного своего учения новый способ доказательства, именно приведения не к невозможному, а к незнанию; а это показывает, что для этого учения не оставалось никакого другого средства аргументации. Если бы, например, с какой-либо кровли упал камень на чью-нибудь голову и убил его, они будут доказывать по этому способу, что камень упал именно для того, чтобы убить человека; так как если бы он упал не с этой целью по воле бога, то каким же образом могло бы случайно соединиться столько обстоятельств?.. Вы ответите, может быть, что это случилось потому, что подул ветер, а человек шел по этой дороге. Однако они будут стоять на своем: почему ветер подул в это время? Почему человек шел по этой дороге именно в это же самое время? Если

вы опять ответите, что ветер поднялся тогда потому, что море накануне начало волноваться при спокойной до тех пор погоде, а человек был приглашен другом, они опять будут настаивать, так как вопроса нет конца: почему же море волновалось? Почему человек был приглашен в это время? И, таким образом, не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока вы не прибегнете к воле бога, то есть к *asylum ignorantiae* (убежище незнания)».

Спинозовская субстанция полна бесконечным содержанием многообразного, реального, конкретного мира. Она первооснова всего конкретного и единичного; она единое и вместе с тем всеобразующее и всенаполняющее существо, в котором заключены различия, определяемые философом понятием «атрибут». С помощью этого понятия Спиноза конкретизирует понятие субстанции, раскрывает ее качественные особенности. Без атрибутов субстанция лишена реальности, содержания; без них она голое существование, лишенное сущности. Атрибуты выражают сущность субстанции, ее различные стороны, она существует в них и через них. Иными словами, субстанция есть единство бесконечно многих атрибутов.

Природа субстанции такова, говорит Спиноза, что каждый из ее атрибутов представляется сам через себя, так как все атрибуты, которые она имеет, всегда существовали в ней вместе, и ни один из них не мог быть произведен другим. Каждый атрибут выражает реальность или бытие субстанции. Следовательно, субстанция, то есть существо абсолютно бесконечное, должна быть определяема, как существо, состоящее из бесконечно многих атрибутов.

Спиноза уловил неисчерпаемое реальное богатство природы, но не понял, что его источником является развитие, спонтанное и непрерывное движение материи. С позиции Спинозы движение только модус, а не атрибут субстанции. Этот просчет привел его к ошибочному выводу, к утверждению о том, что мышление, как и протяжение, является атрибутом, то есть свойством всей природы. Однако это несколько не умаляет в наших глазах величественную борьбу

философа против старого мира с его религиозными иллюзиями и царством вымышленных богов. Рассматривая его учение исторически, необходимо сказать, что Спинозой были подняты самые глубокие вопросы, какие только могли занимать передовое человечество его эпохи.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК

Человек включен в общую систему. Он не государство в государстве, он частица вселенной, вещь среди вещей. Его страсти (аффекты), нормы поведения, влечения, желания, размышления и чувства должны быть изучены в таком же строгом порядке, как и природа в целом.

В адрес тех, кто рассматривает человека как некое существо, действующее самопроизвольно, то есть вопреки законам природы, Спиноза писал: «Им без сомнения покажется удивительным, что я собираюсь исследовать человеческие пороки и глупости геометрическим путем и хочу ввести строгие доказательства в области таких понятий, которые они провозглашают противоразумными, пустыми, нелепыми и ужасными. Но мой принцип таков: в природе нет ничего, что можно было бы приписать ее недостаткам, ибо природа всегда и везде остается одной и той же, ее сила и могущество действия, то есть законы и правила природы, по которым все происходит и изменяется из одних форм в другие, везде и всегда одни и те же, а следовательно, и способ познания природы вещей, каковы бы они ни были, должен быть один и тот же, а именно — это должно быть познанием универсальных законов и правил природы. Таким образом, аффекты ненависти, гнева, зависти и т. д., рассматриваемые сами по себе, вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи».

«Итак, — заключает Спиноза, — я буду трактовать о природе аффектов и могуществе над ними души по тому же методу, следуя которому я трактовал о субстанции, и буду рассматривать человеческие

действия и влечения точно так же, как если бы вопрос шел о линиях, поверхностях и телах.

Каждая вещь, согласно системе, есть модус субстанции, атрибутами которой являются протяжение и мышление, стало быть, человек, как часть природы, есть единство тела и души. Гармония во всем — в природе в целом и во всех ее единичных и отдельных проявлениях.

Смысл спинозизма — в гармоничном воссоздании единства мира; не мог поэтому Спиноза не подвергнуть критике теорию Декарта о непроходимой пропасти между психическим и физиологическим. «Я не могу, право, достаточно надивиться, — говорит Спиноза, — как философ, строго положивший делать выводы только из начал, которые достоверны сами по себе, и утверждать только то, что познает ясно и отчетливо, и так часто порицавший схоластиков за то, что они думали объяснить темные вещи скрытыми свойствами, как этот философ принимает гипотезу, которая темнее всякого темного свойства. Я спрашиваю, что понимает он под соединением души и тела? Какое, говорю я, имеет он ясное и отчетливое представление о мышлении, самым тесным образом соединенном с какой-то частицей количества? Весьма желательно было бы, чтобы он объяснил эту связь через ее ближайшую причину. Но Декарт признал душу настолько отличной от тела, что не мог показать никакой единичной причины ни для этой связи, ни для самой души, и ему пришлось прибегнуть к причине всей вселенной, то есть к богу».

Отбрасывая богословскую проповедь об особой природе души, о том, что она искра божья, Спиноза учит: «Объектом идеи, составляющей человеческую душу, служит тело — иными словами, известный модус протяжения, существующий в действительности (актуально), и ничего более». Выходит, что: 1) тело, или модус протяжения, существует реально; 2) это тело, и только оно, является носителем того, что называется душой; 3) душа есть не что иное, как идея тела; 4) человеческая душа воспринимает вместе с природой своего тела и природу многих других тел.

Следовательно, вне тела нет и не может быть никакой души, а душа есть то, что на современном языке называется сознанием и самосознанием человека.

Последовательность спинозизма поразительна. Если душа — идея тела, то ни она, ни другая форма сознания не могут служить исходным мотивом, определяющим жизнь человека.

Идеалистическая философия и религия полагают, что воля свободно правит человеком и является основополагающим принципом его деятельности. Материалист Спиноза решительно отстранил свободу воли в качестве определяющего начала жизнедеятельности индивидуума. Он учил, что любой волевой акт, любое хотение причинно обусловлены, и подсмеивался над теми, кто полагал, что тело по одному только мановению души то двигается, то покоится «и производит весьма многое, зависящее исключительно от воли души и ее искусства измышления». «Поклонникам иллюзии, — писал Спиноза, — ничто не препятствовало бы верить, что мы и во всем поступаем свободно, если бы только они не испытали, что мы делаем много такого, в чем впоследствии раскаиваемся, и часто, волнуясь противоположными страстями, мы видим лучшее, а следуем худшему. Точно так же ребенок убежден, что он свободно ищет молоко, разгневанный мальчик — что он свободно желает мщения, трус — бегства. Пьяный убежден, что он по свободному определению души говорит то, что впоследствии трезвым желал бы взять назад».

Если не свободная воля, так что же в таком случае определяет действия человека?

Всякая вещь стремится пребывать в условиях своего существования. Это высший закон природы. «И здесь, — пишет философ, — мы не признаем никакого различия между людьми и остальными индивидуумами природы». Однако в отличие от других вещей человек способен осознать свое стремление быть, жить и действовать. Стремление это, если оно относится только к душе, называется волей, если же оно относится только к телу, называется влечением. Осознанное влечение называется желанием. Удовлет-

воренное желание вызывает удовольствие, в противном случае — неудовольствие. Существует столько же видов желания, удовольствия и неудовольствия, говорит автор «Этики», сколько существует объектов, со стороны которых человек подвержен страстям, или аффектам. Кроме того, всякий аффект одного индивидуума отличается от аффекта другого настолько, насколько сущность одного отличается от сущности другого. Следовательно, аффектов бесконечное множество, они обусловлены как воздействием внешней среды, так и психической организацией человека. Сведя все аффекты к трем главным (к желанию, удовольствию и неудовольствию), Спиноза дает глубокую характеристику многим аффектам (любви, гневу, мужеству и т. п.) и обнаруживает тонкое понимание психологии человека.

Поскольку аффекты вызываются воздействием внешних вещей, постольку они выражают пассивное, страдательное состояние человека. Может ли индивидуум от них когда-либо и как-нибудь полностью освободиться? «Нет, никогда, — отвечает Спиноза. — Человек — часть природы, и аффекты вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи. Следовательно, они имеют известные причины, через которые они могут быть поняты, и известные свойства, настолько же достойные нашего познания, как и свойства всякой другой вещи, в простом рассмотрении которой мы находим удовольствие».

Кто-то сказал: «Природа — это женщина под покрывалом, ум человеческий — ее настойчивый поклонник; он открывает то одну, то другую часть ее тела, питая надежду, что когда-нибудь она перед ним предстанет в полной своей наготе». Но природа — процесс непрерывный и непокойный, она вся в движении, в изменении. Природа не имеет ни начала, ни конца. Ум человеческий, погруженный в явления мира, бесконечно стремится к неисчерпаемому роднику всех вещей вселенной. Природа бесконечна, а потому и беспредельно познание. Знание совершенствует человека. И чем совершеннее стано-

вится человек, тем больше стремится он все к новым и новым вещам. Страсть познания делает человека постоянно взволнованным, всегда устремленным к раскрытию все новых и новых тайн природы.

Спиноза поэтому не обвиняет человека, его страсти не подлежат суду. Аффекты для философа — объект исследования. Он ими даже любит, ибо и в них усматривает дыхание живой жизни, величие и безыскусность природы. Страсти могут и должны быть объяснены.

Познание — важнейшее условие активного воздействия человека на окружающий его мир. Вещи подчиняются тому, кто знает их природу. Это правило относится и к аффектам. Укрощать их может только разум.

Раб слепо подчиняется необходимости. Свободный человек действует в соответствии с необходимостью, познав ее законы. Стало быть, путь гармоничного сочетания разума и аффектов — это путь познания.

Философская формула Спинозы напоминает стихи Шекспира:

Благословен,
Чья кровь и разум так отрадно слиты
Что он не дудка в пальцах у Фортуны,
На нем играющей. Будь человек
Не раб страстей, то я его замкну
В середине сердца, в самом сердце сердца...

Спиноза, как и Шекспир, — тонкий психолог, пристально наблюдавший вихрь аффектов, силой которого отдельный индивидуум побуждается к действию, а целые народы создают свою историю.

Спиноза объясняет, Шекспир показывает. Но они с одинаковой силой проникли в тайны человеческой природы. Трагедии Шекспира и «Этика» Спинозы разными средствами превосходно обнаружили внутренний импульс, вызывающий печаль и радость, плач и смех, безумие и мудрость.

Призывая к содружеству эмоций и разума, Спиноза уловил диалектическую связь между свободой

и необходимостью. Стать активным, быть свободным, учит философ, не означает действовать вопреки природе, в нарушение ее законов. Свобода не произвол, свобода есть познанная необходимость. Свободен тот, кто разумно определяет свое поведение в соответствии с познанными объективными законами мира.

В противоположность антинаучному утверждению, будто душа существует сама по себе и определяет собой тело, Спиноза рассматривает сознание как производное от материи, без которой оно не существует. Более того, Спиноза, защищая монистический взгляд на природу, верно угадал, что психическая деятельность человека, его душа, есть функция тела. Монизм Спинозы выражает приоритет «тела» по отношению «к душе» и возможность непрерывного обогащения сознания при условии общения человека с природой и обществом. «Человеческая душа способна к восприятию весьма многого и тем способнее, чем в большее число различных состояний может придти ее тело».

Спиноза активен, деятелен. Он призывает человека к энергичному самоутверждению своего бытия на началах научного постижения природы. Однако «Этика» не включила практику в процесс познания истины. Критерий истины в ее самоочевидности. «Как свет обнаруживает и самого себя и окружающую тьму, так и истина есть мерило и самой себя и лжи». Спиноза ошибался. Ясность и отчетливость идеи могут быть установлены лишь в живой человеческой практике. Изменяя окружающий мир, люди вместе с тем проверяют свои представления о нем. Только практика может подтвердить соответствие наших представлений о природе вещей, истинность наших понятий, идей и теорий. Спиноза делает упор не на общественную практику, а на разумную личность. «Она, — учит философ, — познавая природу, свободно и легко владеет своими аффектами. Она без труда отличает добро от зла и будет всегда следовать добру».

Но в противоположность идеалистам и церковникам, проповедующим некое абсолютное, надмировое

существо, творящее добро и зло, Спиноза рассматривал эти основные моральные категории в свете желаний и устремлений человека. «Мы, — писал автор «Этики», — стремимся к чему-либо, чувствуем влечение и хотим не вследствие того, что считаем это добром, а наоборот, — мы потому считаем что-либо добром, что стремимся к нему, желаем, чувствуем к нему влечение и хотим его». Спиноза под добром понимает то, что полезно, а под злом то, что препятствует обладать каким-либо добром. Утверждая, что польза является критерием добра и зла, философ неустанно подчеркивал, что «человеку для его самосохранения и наслаждения разумной жизнью нет ничего полезнее, как человек, руководящий разумом». Не к взаимному пожиранию, а к взаимопомощи и братству призывает Спиноза. Этический идеал Спинозы альтруистичен: «Человек человеку — бог» — вот основополагающий моральный принцип великого амстердамца.

«И только потому, — говорил Спиноза, — что самое полезное для человека — это человек, люди в поисках согласия вышли из своего первобытного состояния и образовали общество». Последнее характеризуются тем, что оно «имеет власть предписывать общий образ жизни и устанавливать законы». Такое общество, которое зиждется на законах самосохранения, «называется государством, а люди, находящиеся под защитой его права, — гражданами».

Отмечая заслуги Спинозы в истории мысли, Маркс говорил, что мыслитель XVII века стал «рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»¹.

Спиноза считал, что гражданское состояние выше естественного, ибо люди, живущие варварами, «без гражданственности, ведут жалкую и скотскую жизнь». «Поэтому, — пишет он, — пускай сатирики, сколько хотят, осмеивают дела человеческие, пускай проклинают их теологи, пускай меланхолики превоз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 111.

носят елико возможно жизнь первобытную и дикую, презирают людей и приходят в восторг от животных, — опыт все-таки будет подсказывать людям, что при взаимной помощи они гораздо легче могут удовлетворять свои нужды и только соединенными силами могут избегать опасностей, отовсюду им грозящих».

Спиноза не смог добраться до подлинных исторических, то есть классовых, причин происхождения государства. Опыт в его понимании — это не социальная закономерность, а всего-навсего «человеческая природа» одного, отдельно взятого, изолированного индивидуума. Однако Спиноза не идеализировал государство и понял его роль в обществе. Философ поднял свой голос протеста против деспотизма и монархизма, защищая демократические формы правления. «Я, — пишет Спиноза, — предпочел демократию потому, что она наиболее приближается к свободе, которую природа предоставляет каждому». Демократические симпатии Спинозы делают его наиболее прогрессивным мыслителем XVII столетия.

Спиноза не был холодным душой мыслителем. Призыв его к жизни, согласованной с разумом, не исключал чувственных удовольствий. Категорический противник церковной проповеди аскетизма, он со всей страстью своего гениального ума и сердца защищал жизнь полноценной, гармоничной личности, у которой чем разностороннее и сильнее физическая организация, тем полнее и богаче ее духовный, внутренний мир.

Спиноза искренне верил во всеобщее человеческое братство, когда все будут жить в согласии, руководствуясь только законами разума. Он мечтал о том обществе, когда люди обретут все необходимые условия для всестороннего развития интеллекта. Светлым аккордом его учения звучат слова «Этики» о том, что «самое полезное в жизни — совершенствовать свое познание или разум, и в этом состоит высшее счастье или блаженство человека».

По глубокому убеждению Спинозы, только тот человек обретает подлинное счастье, свободу, высшую ступень совершенства, гармоничную целостность сво-

ей личности с объективным миром, кто совершенствует свои познавательные способности и всю силу своего духа посвящает обобщенному познанию сокровенных начал бытия. «Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни».

Апеллируя к человеку, думы которого заняты проблемами жизни, к человеку, наделенному великим даром познания, Спиноза говорил: «Блаженство не есть награда за добродетель». И мы наслаждаемся природой не потому, что обуздываем свои страсти, но, наоборот, вследствие того, что наслаждаемся ею, мы в состоянии обуздывать свои страсти.

Путь приобретения блаженства, по мнению самого Спинозы, трудный. Да он и должен быть трудным, ибо его так редко находят. В самом деле, если бы спасение было у всех под рукой и могло быть достигнуто без особого труда, то почему же почти все пренебрегали им? «Но, — заключает Спиноза «Этику», — все прекрасное так же трудно, как и редко».

Грандиозная система «Этики», пытавшаяся всесторонне объяснить мир из него самого, была великим синтезом естествознания XVI и XVII столетий и стала импульсом радикального перевооружения науки XVIII века. «Этика» высоко подняла прогрессивное знамя борьбы за разум против невежества, за науку против теологии, за свет идей против тьмы веры и навсегда вошла в сокровищницу мировой, общечеловеческой культуры.

ПРИРОДА СМЕХА

Для понимания облика и учения Спинозы исключительно важно осмыслить его защиту смеха. В «Этике» он провозглашает: «Смех точно так же, как и шутка, есть чистое удовольствие, и, следовательно, если он только не чрезмерен, сам по себе хорош».

В Спинозе жил могучий поэт. Он поэтизировал природу, видел решающее и значительное в жизни, в неодолимой страсти познания природы и человека.

Его высокая оценка смеха вытекала из радостного восприятия мира, активной защиты жизни, непримиримой борьбы против религиозной морали, проповедующей покорность, послушание, убиение плоти и т. п.

Певец человеческого счастья осуждал меланхолию, пассивность и смирение. «Веселость, — утверждает «Этика», — не может быть чрезмерной, но всегда хороша, и наоборот — меланхолия всегда дурна». Право человека на шутку имело особое значение в Голландии XVII столетия, где кальвинизм, провозгласивший «мирской аскетизм», стал официальной религией буржуазного государства. Консистории в соответствии с учением Кальвина запрещали светлые костюмы, игры, пение, танцы, музыку, за смех штрафовали. Пасторы контролировали «добропорядочность» и религиозное усердие граждан. Непосещение церкви каралось строжайшим образом. В церквах не было ни живописи, ни икон, ни органа, ни свечей. Богослужение сводилось к чтению Библии.

Унылая доктрина Кальвина была религиозным выражением идеала буржуазии периода первоначального капиталистического накопления.

Спиноза смело выступил против идеалов унылого и жадного бюргерства. «Только мрачное и печальное суеверие, — писал он, — может препятствовать нам наслаждаться. В самом деле, почему более подобает утолять голод и жажду, чем прогонять меланхолию? Мое воззрение и мнение таково: никакое божество и никто, кроме ненавидящего меня, не может находить удовольствие в моем бессилии и моих несчастьях и ставить мне в достоинство слезы, рыдания, страх и прочее в этом роде, свидетельствующее о душевном бессилии... Дело мудреца пользоваться вещами и, насколько возможно, наслаждаться ими (не до отвращения, ибо это уже не есть наслаждение). Мудрецу следует, говорю я, поддерживать и восстанавливать себя умеренной и приятной пищей и питьем, а также благовониями, красотой зеленеющих растений, красивой одеждой, музыкой, играми и упражнениями, театром и другими подобными вещами, кото-

рыми каждый может пользоваться без всякого вреда для других».

Смех защищен во имя жизни, жизнь самозащитается при помощи смеха. Смех и жизнь едины. Нет более гуманного морального правила, чем сохранять жизнь. Нельзя себе представить, говорил Спиноза, «никакой другой добродетели первее этой».

Спиноза — последователь этической концепции древнегреческого материалиста Эпикура. Этот светлый гений учил, что жить приятно, следовательно, жить разумно и справедливо, что всем живым существам свойственно стремление к удовольствию и уклонение от страдания. В унисон к сказанному звучит моральное правило Спинозы: «Удовольствие, рассматриваемое прямо, не дурно, а хорошо; неудовольствие же, наоборот, прямо дурно».

Утверждая удовольствие, Эпикур писал: «Мы разумеем удовольствие не распутников, а свободу от телесных страданий и душевных тревог». Спиноза, защищая удовольствие и веселость, призывал к радости разумной, светлой и чистой. Однако такую радость в мире «желтого идола» найти невозможно. «Веселость, которую я назвал хорошей, легче себе представить, чем наблюдать в действительности. Аффекты жадного буржуа привязывают его к наживе, ни о чем другом он мыслить не в состоянии. Нажива порождает скупость, честолюбие, разврат и другие «виды сумасшествия».

В вопросах морали Спиноза сознательно выступил против своего класса. Осуждение скопидомства в его век означало разрыв с буржуазным миром. Певец и философ счастья остро ощутил трагедию капиталистических устоев уже на заре их становления. Но трагизм общественного устройства не привел Спинозу к отказу и отречению от действительности, самоизоляции и замкнутости. Шутку он противопоставил индивидуальному и социальному несовершенству, эгоизму и себялюбию. В веселости он видел проявление высших человеческих способностей, жизнь разума в совершенных социальных условиях.

Перефразируя Эпикура, можно сказать, что фи-

лософия Спинозы, танцая, обошла вселенную, объявляя всем нам, чтобы мы пробуждались к завоеванию и прославлению общественной жизни, где человек человеку друг и брат.

Смысл спинозовского смеха удивительно точно выразил великий русский скульптор Марк Матвеевич Антокольский в своей статуе «Спиноза» (1881 год).

Посмотрите на одухотворенную фигуру философа. Вся она дышит беспредельной любовью. Взор его устремлен в будущее, уста его улыбаются грядущему. И кажется нам, что Спиноза «заметил вокруг себя играющих детей, среди которых он жил и которым он шлет полное любви приветствие» (Р. Вормс).

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

В июне 1675 года Спиноза выехал в Амстердам, с тем чтобы при помощи друзей обнаружить «Этику». Увы!.. Все попытки оказались тщетными. Буржуазия пренебрегла великим произведением своего прогрессивного идеолога. Философ и его ученики стали распространять «Этику» в списках. Ее содержание овладевало умами передовых людей Европы. Под влиянием «Этики» они освобождались от пут церкви и пополняли ряды вольнодумцев, устремленных к научному познанию закономерностей объективного мира. Все прогрессивное собиралось под знаменем спинозианства. Мракобесы неистовствовали. Они издавали много разных памфлетов против спинозизма, злобствовали, проклинали, но не в состоянии были опровергнуть его. В открытой полемике они оказались бессильными опрокинуть учение «Этики» и «Богословско-политического трактата». Правда и логика, время и тенденция развития науки и общества были на стороне автора этих гениальных трудов.

Издевка Ступа над попами имела основание. Неопровержимость доводов спинозовской философии и критики Библии была очевидной. Идеологи церкви решили «добрым советом» принудить Спинозу отказаться от своих убеждений.

В 1675 году (месяц и число не установлены) к Спиндзе обратился бывший его друг Николай Стенон, проживавший во Флоренции. Стенон с 1660 по 1663 год учился в Лейденском университете. В течение этих лет он часто навещал философа, который жил тогда в Рейнсбурге. Между ними долгие годы поддерживались отношения дружбы и товарищества.

В 1669 году Стенон опубликовал свое «Введение в изучение твердых тел, заключенных в горных породах». Оно сыграло положительную роль для развития палеонтологии как науки. В библиотеке Спинозы сохранились два экземпляра этого сочинения. Стенон и в области анатомии сделал некоторые открытия. Однако в дальнейшем он порвал с наукой, уехал в Италию и стал поклонником католицизма. Во Флоренции он получил сан епископа.

Стенон внимательно следил за философской деятельностью Спинозы. До своего отказа от научного познания природы спинозизм его радовал и вдохновлял. Но после того как Стенон изменил своим взглядам, он и собственные научные занятия и учение своего гениального современника предал анафеме.

Стенон верно рассудил, что «Богословско-политический трактат» не мог написать никто иной, кроме Спинозы. Зная о том, что чем чаще хулят автора и его произведение, тем больше сторонников тот приобретает, епископ решил задушить их мягко, безболезненно, любвеобильными объятиями и обещаниями.

Воспитанный и образованный Стенон начинает свое письмо «Реформатору новой философии» (так он именуется Спинозу) словами: «В книге¹, автором которой Вас и другие считают, да и я сам по разным причинам это предполагаю, Вы рассматриваете все вопросы с точки зрения общественного благополучия, или, вернее, с точки зрения Вашего собственного благополучия, потому что, согласно Вам, в благополучии личности и заключается цель общественного благополучия». Не говоря далее ни слова о главном содержании трактата, о его блестящей и глубоко мо-

¹ Имеется в виду «Богословско-политический трактат».

тивированной критике священного писания, открытым провозглашении свободы мысли и справедливой защите демократических форм правления, Стенон проливает горькие слезы по поводу участи самого Спинозы. «Вы ищете благополучие, а оказались в величайшей опасности. Это явствует из того, — пишет епископ философу, — что Вы приводите все в расстройство и беспорядок, что Вы позволяете всякому человеку говорить и думать о боге все, что угодно».

Епископу бога жалко. Потому он умоляет Спинозу о спасении своей души. «Бросьте мыслить, — говорит он, — откажитесь от философии и науки, переходите в лоно католицизма — и Вы обретете счастье на земле и блаженство в небесах».

Стенон, вознося очи горé, молитвенно просит Спинозу особо обратить внимание на следующие строки своего письма: «Видя, в какого рода потемках обретается человек, мне когда-то очень близкий и, я надеюсь, даже и теперь мне не враждебный (ибо я полагаю, что память о старой дружбе все еще сохраняет взаимную любовь), и помня о том, что и я сам тоже погрязал некогда если не совсем в тех же самых, то во всяком случае в тягчайших заблуждениях, я молю о той же небесной благодати для Вас, которую сам я получил не за какие-либо заслуги с моей стороны, но единственно вследствие благости Христа».

Стенон знал могучую и притягательную силу спинозизма. Это больше всего и тревожило его. «Ваши первые произведения, — пишет он Спинозе, — отвратили от истинного познания бога тысячу душ». Ренегат от науки и живой мысли, прислужник мрака и суеверия упраскивает философа отречься от своих принципов: «Сделайтесь учеником католической церкви и среди первых плодов Вашего раскаяния преподнесите богу опровержение Ваших заблуждений».

Стенон не скрывал цели своего призыва к предательству идей. Он откровенно заявил, что отречение от подлинной философии, подтвержденное собственным примером мыслителя, могло бы «возвратить к богу целые миллионы». Только ослепленный рели-

гией ум Стенона мог решиться на такой разговор со Спинозой.

Мировоззрение свое Спиноза выстрадал. Оно обобщение большой и сложной жизни, наполненной внутренним драматизмом и неустанной борьбой за новое, материалистическое учение. Спинозизм родился не в келье отшельника. Он опирался на науку и философию предыдущих веков и на собственный многогранный жизненный опыт его создателя. Жизнь идей Спинозы являет собою пример гармоничности и биографии философа и его системы.

Письмо Стенона он оставил без ответа. Однако 11 сентября 1675 года Спиноза получил из той же Флоренции другое письмо. На сей раз от бывшего ученика — от Альберта Бурга.

Сын министра финансов Голландии, Альберт получил широкое по тому времени образование, слушал лекции Спинозы в кругу коллегантов, окончил Лейденский университет, числился среди молодых людей, защищавших буржуазные свободы. Для пополнения своих знаний Бург совершил путешествие в Италию. Там он попал под влияние умных католических проповедников, которые в долгих беседах «раскрывали» перед ним роль церкви как «прибежища страждущих», как «обители добра и любви». Под влиянием этих бесед Альберт, к огорчению своих родителей, стал фанатичным поборником католицизма и членом Францисканского ордена.

Бург, как и Стенон, проявил особую заботливость. Ему захотелось видеть своего бывшего учителя среди тех, кто прокликает свободомыслие, чернит науку и превозносит церковь. «Уезжая из отечества, — начинает Бург свое длинное послание Спинозе, — я обещал написать Вам, если по дороге случится что-нибудь достопримечательное». Что же произошло? «Уведомляю Вас, — говорит Бург, — что по бесконечному милосердию бога я обратился в католичество и сделался членом католической церкви». Бург откровенно заявляет о своем ренегатстве: «Чем более я прежде восхищался тонкостью и остротой Вашего ума, тем более теперь я сожалею и оплакиваю Вас.

Будучи человеком выдающегося ума, обладая душою, украшенною от бога блестящими дарами, страстно любя истину, Вы тем не менее позволили презрительно в его гордыне князю бесовскому обойти и совратить Вас. Что такое вся Ваша философия, как не чистейшая иллюзия и химера? А между тем Вы рискуете для нее не только спокойствием духа в этой жизни, но и вечным спасением души Вашей».

Переходя к «Богословско-политическому трактату», Бург даже и не пытается аргументировать свое несогласие с его содержанием. Он заунывно-догматически твердит о богооткровенности Библии, «о чем свидетельствуют само священное писание и святые отцы», и коленопреклоненно упрощает Спинозу признать свою «сквернейшую ересь» и отказаться «от такого извращения». Затем фанатик уговаривает философа поверить в Христа распятого, ибо «если Вы и во Христа не веруете, — восклицает Бург, — то я не нахожу слов, чтобы выразить, сколь Вы достойны сожаления». Однако Бург готов «помочь» своему бывшему учителю. Бург советует: «Образумьтесь, откажитесь от заблуждений Ваших, признав пагубной гордыню свое жалкое и безумное учение». Расписывая Спинозе великолепие, чудеса и душеспасительное значение католической церкви, он, как и Стенон, зовет вольнодумного философа в лоно христианства: «Если уж Вы не желаете (чего я не хочу думать), чтобы бог или ближние Ваши сжалились над Вами, то сжальтесь хоть сами над своим несчастным положением, которое Вы хотите еще усугубить, продолжая жить так, как Вы живете в настоящее время. Опомнитесь, философ! Признайте свою мудрствующую глупость и безумную мудрость, смените гордость на смирение, и Вы излечитесь. Молите Христа во святой троице, чтобы он смилостивился над Вами и принял Вас. Читайте святых отцов и учителей церкви, и пусть они научат Вас, что надо делать, чтобы не погибнуть, но обрести жизнь вечную».

Спиноза, прочитав безобразное обращение Бурга, решил оставить его без ответа, как и послание Стенона. Спорить можно и должно с идейными противни-

ками. С безумцами и предателями не дискутируют. Однако по настоятельной просьбе родителей и друзей Бурга Спиноза ему ответил. По силе логики и глубине аргументации ответ Спинозы следует считать классическим.

«Чему я едва решился верить по рассказам других, — пишет Спиноза Бургу, — в том я должен был, наконец, убедиться из Вашего собственного письма. А именно: Вы не только сделали, как Вы говорите, членом католической церкви, но и являетесь яростным поборником ее и уже научились злословить и дерзко неистовствовать против своих противников. Я решил было ничего не отвечать Вам, будучи уверен, что течение времени лучше, чем какие-либо доводы, может помочь Вам прийти в себя и вернуться к своим родным, — не говоря уже о других мотивах, которые некогда одобряли Вы сами в нашей беседе о Стеноне (по следам которого Вы теперь идете). Но некоторые друзья, возлагавшие вместе со мной надежды на Ваши прекрасные дарования, убедительно просили меня не изменять долгу дружбы и подумать более о том, чем Вы были прежде, чем о том, чем Вы стали теперь. Эти-то и подобные им доводы и склонили меня написать Вам нижеследующие строки, которые я убедительно прошу Вас прочесть с достоинством спокойствием духа.

Не буду говорить здесь, как это делают обыкновенно противники римской церкви, о пороках духовенства и пап, чтобы тем отвратить Вас от них, ибо все подобное распространяется часто под влиянием озлобления и служит скорее к раздражению, чем к поучению...

Возвратимся, однако, к Вашему письму, которое Вы начинаете с сокрушения о том, что я дал обойти себя князю бесовскому. Я прошу Вас успокоиться и прийти в себя. Когда Вы были в полном здоровом уме, Вы поклонялись, если я не ошибаюсь, бесконечному богу, силою которого все абсолютно происходит и поддерживается. Теперь же Вы бредите о каком-то князе бесовском, враге бога, совращающем и обманывающем против воли бога большинство людей (ибо

добрых мало), которые преданы за это богом на вечные муки этому самому учителю преступлений. Итак, значит божественная справедливость допускает, по-Вашему, чтобы дьявол безнаказанно обманывал людей, но не терпит, чтобы эти люди, несчастным образом обманутые и соращенные им, остались безнаказанными?..

Однако Вы, по-видимому, хотите апеллировать к разуму и спрашиваете меня: почему я знаю, что моя философия лучше всех других, которые только когда-либо проповедовались в мире, теперь проповедуются или в будущем будут проповедоваться? С гораздо большим правом я мог бы задать этот вопрос Вам. Ибо я вовсе не претендую на то, что открыл наилучшую философию, но я знаю, что я постигаю истинную. Если же Вы спросите: каким образом я знаю это? — то я отвечу: таким же образом, каким Вы знаете, что три угла треугольника равняются двум прямым. Ни единый человек не станет отрицать, что этого уже совершенно достаточно, если только он находится в здравом уме и не бредит нечистыми духами, которые будто бы внушают нам ложные идеи, совершенно подобные истинным. Ибо истинное есть показатель (index) как самого себя, так и ложного.

А Вы, мнящий, что Вы, наконец, нашли наилучшую религию или, вернее, наилучших людей, которым Вы отдали свое легкоеверие, откуда Вы знаете, что эти люди наилучшие между всеми, кто только когда-либо проповедовал, проповедует или когда-либо в будущем будет проповедовать другие религии?

Исследовали ли Вы все религии, как древние, так и новые, проповедуемые как здесь, так и в Индии и вообще по всей земле? А если бы Вы даже и исследовали их, каким образом Вы знаете, что избрали наилучшую? Ибо Вы не можете дать никакого разумного обоснования Вашей вере. Вы скажете, что Вы находите успокоение во внутреннем свидетельстве духа божия, тогда как все прочие соращаются и обманываются князем тьмы. Но ведь и все остальные, не принадлежащие к римской церкви, с таким же правом, как и Вы, говорят то же самое о своей вере.

А то, что Вы говорите о единодушном согласии миллионов людей, о непрерывной преемственности церкви и т. п., — это есть не что иное, как старая песня фарисеев¹. Ведь фарисеи с не меньшей самонадеянностью, чем приверженцы римской церкви, выставляют миллионы свидетелей, которые с таким же упорством, как и свидетели римской церкви, пересказывают слышанное, как будто бы это было ими самими пережито. Далее, и они тоже возводят свое начало до Адама. И они с такой же надменностью хвастаются тем, что церковь и по сие время распространяется и держится твердо и неизменно вопреки ненависти и вражде язычников и христиан. И они тоже — более, чем кто-либо, — ссылаются на древность своей церкви. Они единогласно заявляют, что получили свои предания от самого бога и что они одни хранят писаное и неписаное слово божие. Никто не может отрицать того, что из их среды вышли всевозможные ереси, тогда как сами они на протяжении нескольких тысячелетий остались неизменными, и не по принуждению какого-нибудь правительства, но единственно в силу действия суеверия. Они рассказывают такое множество историй о всевозможных чудесах, что пересказ этих историй мог бы утомить тысячу самых говорливых людей. Но особенно они кичатся тем, что ни один народ не может насчитать за собою столько мучеников и что число их единоверцев, с необычайною твердостью духа претерпевающих всевозможные муки ради веры, которую они исповедуют, с каждым днем возрастает. И это не ложь. Я сам знаю, что среди других, о некоем Иуде, прозванном Верным, который, стоя среди пламени, когда его считали уже мертвым, запел гимн: «Тебе, господи, предаю душу мою» и на середине его испустил дух².

¹ Спиноза имеет здесь в виду раввинов.

² Спиноза имеет в виду перешедшего в иудейскую веру испанца Лопе де Вера Алкарона. Он принял имя Иуда Верный, был сожжен инквизицией на костре в 1644 году в испанском городе Вальядолиде. Под гимном Спиноза подразумевал псалом 31-й.

Систему управления римской церкви, которую Вы так хвалите, я признаю политической и для многих весьма выгодной. И я считал бы ее даже наиболее приспособленной к тому, чтобы обманывать народ и сковывать души людей, если бы не существовало на свете магометанской церкви, которая в этом отношении превосходит католическую, ибо с тех самых пор, как существует это суеверие, в нем еще не происходило никаких расколов¹.

Однако положим даже, что все выставленные Вами доводы говорят за одну только римскую церковь. Думаете ли Вы, что этими аргументами Вы математически доказываете авторитетность римской церкви? А так как это совершенно неверно, то как же Вы хотите, чтобы я поверил, что мои доказательства вдохновлены князем бесовским, а Ваши — самим богом, тем более что, как я вижу и как это явствует из Вашего письма, Вы сделались рабом этой церкви не столько из любви к богу, сколько из страха перед адом, каковой страх есть единственная причина суеверия. Не в том ли состоит всё Ваше смирение, что Вы верите не самому себе, но только другим людям, которых весьма многие осуждают. Или, быть может, Вы считаете дерзостью и гордостью то, что я пользуюсь моим разумом (ratio)?.. Долой это пагубное суеверие! Признайте разум, данный Вам богом, и развивайте его, если не хотите быть причисленным к животным! Перестаньте называть нелепые заблуждения мистериями и не смешивайте столь постыдно того, что нам неизвестно или еще не открыто, с тем, нелепость чего может быть доказана, — как вы приводящие в трепет таинства Вашей церкви, которые Вы тем более считаете превосходящими человеческое понимание, чем более они противоречат правильному разуму...

Если только Вы пожелаете обратить внимание на все это и, кроме того, рассмотрите историю церкви (в которой Вы, как я вижу, совершенно несведущи),

¹ Спиноза ошибался, полагая, что исламу чужды были расколы и секты.

чтобы убедиться в том, как ложно передает духовенство большинство событий и какими средствами и ухищрениями сам папа римский шесть веков спустя после рождения Христова добился верховной власти над церковью, то я не сомневаюсь, что Вы в конце концов образумитесь. От всей души желаю Вам этого.

Небольшое по объему письмо — яркий документ. В нем Спиноза, вдохновенный, вечно молодой, величавый, спокойный, страстный и могучий, выявлен крупным планом. Звонкая радость жизни, гневное осуждение суеверия, революционный задор, вера в грядущее, в победу света — неизменные характерные черты Спинозизма.

Спинозизм по-новому осваивал вселенную. Новое с трудом прокладывало себе дорогу. В борьбе за научное, материалистическое истолкование мира Спиноза был последователен и строг. Кто выступал против истины, против науки, тому не было пощады. Примером высокой принципиальности Спинозы служит его отношение не только к Стенону и Бургу, но и к Ольденбургу.

Известно, как глубоко ценил Спиноза дружбу с Ольденбургом. Ценил потому, что Ольденбург еще в Рейнсбурге, а впоследствии в первых письмах из Лондона уговаривал его обнародовать свои философские труды, не обращая внимания на вопли и визг теологов. Но после того как был опубликован «Богословско-политический трактат», Ольденбург резко изменил свое отношение к Спинозе. Узнав, что Спиноза собирается выпустить в свет «Этику», Ольденбург сильно заволновался. «Позвольте мне, ввиду того расположения, которое Вы ко мне питаете, — писал он Спинозе 22 июля 1675 года, — высказать Вам мой совет — не помещать туда ничего такого, что могло бы показаться в какой бы то ни было мере подрывающим религиозную добродетель». Спиноза мудро отклонил «совет» беспринципности и соглашательства. «Я приношу, — пишет он Ольденбургу в сентябре 1675 года, — глубокую благодарность за Ваше весьма дружеское предостережение, относительно ко-

того, однако, я хотел бы получить более подробное объяснение, чтобы знать, каковы, по Вашему мнению, те учения, которые могли бы показаться подрывающими религиозную добродетель. Ибо я считаю, — подчеркивает Спиноза, — что все то, что представляется мне согласным с разумом, в высшей степени полезно для добродетели.

Спиноза в этом же письме рассказывает Ольденбургу поучительную историю о гонениях против «Этики» и ее автора, которые ведутся систематически теологами и мужами официальной науки. «В то время, — пишет Спиноза Ольденбургу, — когда пришло письмо Ваше от 22 июля, я был в Амстердаме, куда я отправился с намерением сдать в печать ту книгу¹, о которой я Вам писал. Пока я был занят этим делом, распространился слух, что я уже печатаю какую-то книгу о боге и что в этой книге я пытаюсь доказать, что никакого бога не существует. Слух этот был многими принят с доверием. Это послужило поводом для некоторых теологов (быть может, авторов этого слуха) обратиться с жалобой на меня к принцу² и к городским властям. Кроме того, тугоголовые картезианцы³, так как они считаются благожелательно настроенными по отношению ко мне, чтобы отвести от себя это подозрение, не переставали и не перестают повсюду поносить мои мнения и мои сочинения. Узнав все это от заслуживающих доверия людей, утверждавших вместе с тем, что теологи повсюду строят мне козни, я решился отложить подготавливавшееся мною издание до тех пор, пока не выяснится, какой оборот примет это все дело... Однако положение, по-видимому, ухудшается со дня на день, и я все еще не решил, что предпринять.

Смысл печального рассказа о кознях, преследованиях, доносах и запретах совершенно ясен: господин Ольденбург, вот Вам наглядный урок, как теологи и другие враги разума, совести и правды преследуют

¹ Спиноза имеет в виду «Этику».

² Речь идет о принце Оранском — Вильгельме III.

³ Спиноза имеет в виду тех, кто выдавал себя за сторонников учения Декарта.

истину. А вы призываете меня, вашего друга Спинозу, к тому, чтобы пресмыкаться перед богословами. Допустимо ли? Они беспощадно душат живую мысль и готовы коварнейшим образом уничтожить любого, кто творит подлинную науку и светлую философию. «Теологи повсюду строят мне козни». А вы, господин Ольденбург, требуете от меня поступиться в главном, в истине, приукрасить религию и защитить тем самым злейших врагов науки. Мракобесы наступают. «Положение ухудшается со дня на день». А мы, люди науки, должны, по-Вашему, отмалчиваться? Нет, господин Ольденбург, никаких компромиссов с церковью, с богословами! Борьба, непримиримая борьба света против мрака, науки против религии, философии против теологии! Свет и мрак взаимоисключают друг друга. Или — или. С кем Вы, Ольденбург? Уточните Ваши претензии к моей «Этике». Что Вас смущает?»

В последующих письмах секретаря Королевского общества правоверный христианин окончательно победил дилетанта-ученого. Ольденбург прямо заявил философу, что он двусмысленно оперирует словом «бог», отрицает значение искупления Христа и авторитет чудес, «которые в глазах почти всех христиан служат важнейшим удостоверением божественного откровения». Ольденбург советует поэтому Спинозе высказаться по этим трем пунктам, и притом так, чтобы это понравилось «просвещенным и рассудительным христианам». Ученый секретарь великодушно обещает, что тогда дела философа «будут в безопасном состоянии».

Чудовищно! Иметь великое счастье видеть Спинозу и беседовать с ним, долгие годы состоять в переписке со Спинозой — и ничего не понять ни в характере философа, ни в сущности его учения!

Ольденбург — консерватор мысли. Он, оказывается, никогда и не был подлинным естествоиспытателем. Поэтому он и советует Спинозе писать так, чтобы завоевать симпатии «рассудительных христиан», к числу которых он, несомненно, причислил и себя. Но не в характере Спинозы «разыгрывать обезьяну

среди обезьян». Так поступил Уриэль Акоста. Образ этого борца-одиночки манил к себе молодого Спинозу. Он внимательно изучал жизнь этого беспокойного, мятежного человека. Внутренняя тревога и непокорность Акосты, его умение пристально допрашивать памятники прошлого и ставить тысячи вопросов настоящему, его неуемность и пыл — все это хорошо запомнилось Спинозе. Но уже в юности Барух знал, что он никогда не пойдет по пути Уриэля. Никакого кривлянья! Никакого заигрывания с церковью! Смело и открыто до конца дней своих он будет искать правду жизни и всеми силами ее защищать.

О боге он однажды имел откровенную беседу с Ольденбургом. Это было в Рейнсбурге в 1661 году. И сейчас, через четырнадцать лет, он снова готов еще и еще раз заявить, что о боге и природе он придерживается мнения «весьма отличного от того мнения, которое обыкновенно защищается новейшими христианами». Новейшие! Они такие же невежды и консерваторы, как и христиане средневековья. Они над природой воздвигнули бога, вымышленную силу, которая якобы правит миром. Для Спинозы же существует только одна природа и ничего сверхъестественного нет и быть не может.

О чудесах. Кто всерьез их принимает, тот поддерживает и распространяет невежество. «Чудеса и невежество, — разъясняет Спиноза ученому секретарю Лондонской академии наук, — я взял как равнозначные понятия потому, что те, которые пытаются обосновать существование бога и религию на чудесах, хотят доказать одну темную вещь посредством другой, которая еще более темная». Наконец о воскресении и вознесении Христа. Достаточно только подумать о неумолимых законах природы, чтобы отвернуться от этой евангельской легенды, «Структура человеческого тела, — подсказывает Спиноза Ольденбургу, — сдерживается в надлежащих границах только давлением воздуха». О каком вознесении и воскресении может идти речь? Абсурд! И еще. Весьма важное обобщение, мимоходом сделанное Спинозой. «Материя везде одна и та же», — пишет он

Ольденбургу. Отсюда вывод: все подчиняется законам материи. Искупление Христа — вымысел. Если бог, говорит Спиноза Ольденбургу, богословы учат, «что бог принял человеческую природу, то я открыто и ясно заметил¹, что мне неизвестно, что они этим хотят сказать. Более того, сказать по правде, мне кажется, что они говорят не менее нелепо, чем если бы кто-либо сказал мне, что круг принял природу квадрата».

Таков ответ Спинозы на вопросы и советы своего лондонского корреспондента. «Понравится ли это христианам, которых Вы знаете, — с юмором добавляет философ, — об этом Вы сможете лучше судить сами».

Спиноза в вопросах мировоззрения ни на какие уступки не шел. И другу и недругу он давал резкий отпор, когда дело касалось его философских принципов, его идей, которые постоянно жили честной, ясной и полной жизнью.

ДВА МИРОВОЗЗРЕНИЯ — ДВЕ ЭПОХИ

При наличии общей атмосферы отчуждения в жизни Спинозы гаагский период оказался наименее тяжёлым. В столице Голландии творческие силы философа получили полное и богатое выражение. Здесь он стал как бы фокусом научной мысли второй половины XVII столетия. Он в центре, и все к нему движется. «Образованные путешественники, — свидетельствует Лукас, — специально приезжали в Гаагу, чтобы собственными глазами увидеть Спинозу. Если это кому-либо из них не удавалось, то он считал, что его путешествие не достигло цели».

«Ниспровергатель богов», как именовали Спинозу в кругах европейских ученых, оставлял глубокое

¹ Спиноза имеет в виду первую главу «Богословско-политического трактата», в которой сказано: «...я совершенно не говорю о том, что утверждают о Христе некоторые церкви; но я и не отрицаю этого, ибо я охотно признаюсь в том, что я этого не понимаю».

и незабываемое впечатление. Кое-кому приходилось заигрывать с атеизмом для того, чтобы расположить к себе великого мыслителя. Так, на Павильонсграхте в 1675 году появился французский поэт Хенукс (Непоух) и представился Спинозе «атенстом и ученым». Таких писателей было немало. Никакого следа в жизни Спинозы они не оставили. Но навещали философа и такие, которые сделались большими друзьями и искренними последователями спинозизма. К ним в первую очередь следует отнести упомянутых Чирнгауса и Шуллера. Спиноза полюбил их крепкой любовью одинокой души и был с ними откровенен. Им была продиктована «Этика», основные положения которой они полностью приняли и активно пропагандировали.

Среди гаагских «образованных туристов» был и Лейбниц. Лейбниц вызывал в Спинозе смешанные чувства: недоверие и любопытство, жажду познания новой личности и ощущение неизведанного, настороженность и готовность помочь разобраться в современных достижениях науки и философии.

Как сложились отношения между ними?

Впервые Лейбниц упоминает Спинозу в письме от 20 апреля 1669 года к своему учителю Томазиусу, который причисляет голландского философа к ученикам Декарта. В 1670 году, ознакомившись с «Богословско-политическим трактатом», Лейбниц охарактеризовал его, как «чудовищное произведение», разрушающее основу государства и морали (письмо к другу от сентября 1670 года). Фамилию анонимного автора трактата он еще не знал. Но профессор филологии Утрехтского университета Гревюс, как сказано, в 1671 году сообщил Лейбницу, что «зловредный трактат написан Спинозой, человеком чудовищных взглядов».

И все же Лейбниц понял, что в Гааге живет человек первой величины. 5 октября 1671 года он обратился с письмом к «Знаменитому и славнейшему мужу Бенедикту де Спиноза». В нем было сказано: «Среди прочих достоинств Ваших, о которых разносит славу молва, я слушал также и о Вашей выдаю-

щейся опытности в области оптики. Это побудило меня направить к Вам мою маленькую работу¹, ибо мне нелегко найти лучшего судью в этой области». Заканчивается письмо словами: «Будьте здоровы и не откажите в своей благосклонности, славнейший муж, Вашему ревностному почитателю».

Через пять недель поступил ответ от Спинозы, содержащий критику статьи Лейбница, выдержанную в мягких тонах. После этого Лейбниц часто обращался с различными письмами к Спинозе. К сожалению, переписка эта не сохранилась: когда между ними четко определились идейные разногласия, Лейбниц уничтожил письма Спинозы. По настоятельной просьбе Лейбница были уничтожены и его письма к Спинозе.

Образ и философия Спинозы взывали к совести ученого Лейбница и глубоко волновали его. Но человек Лейбниц находился в плену «общественного» мнения официальных тупоголовых представителей университетской науки, и мыслитель из Гааги пугал его. В этом плане характерен следующий факт. Лейбниц скрыл от Томазиуса, что находится в переписке со Спинозой. Когда Томазиус выпустил отвратительный пасквиль против «Богословско-политического трактата», то тот же Лейбниц писал ему: «Автор книги о свободе философствования, против которого ты написал короткую, но прекрасную статью, — Бенедикт Спиноза, еврей, изгнанный из синагоги... за кощунственные воззрения».

В марте 1672 года Лейбниц отправился с дипломатической миссией в Париж². Там он познакомился с Франциском ван ден Энденом и Христианом Гюйгенсом и получил более точные сведения о личности и учении Спинозы.

О пребывании Лейбница в Париже Спиноза узнал из письма Шуллера от 14 сентября 1672 года. В нем

¹ Речь идет о статье Лейбница «Заметка о продвинувшейся вперед оптике»

² Лейбниц имел намерение убедить Людовика XIV принять завоевание Египта, чем хотел отвлечь от Германии захватнические поползновения королевской Франции

говорилось: «В течение трех месяцев я не получал ни одного письма от нашего Чирнгауса и уже сделал было печальное предположение, что при переезде из Англии во Францию¹ с ним случилось какое-нибудь несчастье. Но теперь, получив от него письмо и полный радости, я считаю своим долгом, согласно желанию самого Чирнгауса, поделиться этим известием с Вами и передать Вам вместе с его сердечным приветом, что он благополучно прибыл в Париж, что он встретился там с г. Гюйгенсом, как мы ему советовали... Чирнгаус сказал ему, что Вы рекомендовали ему познакомиться с Гюйгенсом и что Вы весьма высоко ставите его личность. Это очень обрадовало г. Гюйгенса, и он ответил, что он в такой же мере ценит Вас...

Затем наш друг сообщает, что он встретил в Париже одного весьма ученого мужа, по имени Лейбниц, посвященного во всевозможные науки и свободного от обычных предрассудков теологии. Между ними уже завязалось весьма близкое знакомство, так как оказалось, что г. Лейбниц, так же как и Чирнгаус, работает над проблемой усовершенствования интеллекта... В области морали г. Лейбниц, по словам нашего друга, вполне дисциплинирован и в своих высказываниях следует указаниям одного только разума, не поддаваясь влиянию аффектов... Ввиду всего этого наш друг пришел к убеждению, что человек этот вполне достоин того, чтобы — в случае, если Вы позволите, — показать ему Ваши писания».

Пребывание Лейбница в королевской Франции, которая враждебно относилась к его республиканскому отечеству, насторожило Спинозу. «Лейбница, о котором он (то есть Чирнгаус. — М. Б.) пишет, — отвечает Спиноза Шуллеру, — я знаю, думается мне, по его письмам; но не знаю, почему он отправился во Францию... Насколько я мог предположить по его письмам, он мне показался человеком свободного ума

¹ Желая лично познакомиться с учеными Англии и Франции, Чирнгаус осенью 1675 года совершил поездку в Лондон и Париж.

и сведущим во всякого рода науках. Однако я считаю неблагоприятным так скоро доверить ему мои писания. Я желал бы сперва узнать, что он делает во Франции, и услышать суждение нашего Чирнгауса после того, как этот последний более продолжительное время будет иметь с ним общение и ближе познакомится с его характером».

Спиноза в высшей степени принципиален. Разве можно доверить человеку, вступившему в контакт с правительством враждебной его отечеству страны, свои труды? Конечно, нет! Предварительно необходимо уяснить себе его политические и философские взгляды.

Осенью 1676 года Лейбниц покинул Париж и приехал в Амстердам, где имел несколько встреч с Шуллером. Последний постарался. Он срочно выехал в Гаагу и уговорил Спинозу принять Лейбница. По возвращении Шуллер предупредил гостя, что Спиноза тяжело болен. Еще несколько месяцев тому назад он был стройным, легким в движениях. Размеренный его нрав и дисциплина его жизни сочетались с порывами озорства и задора. А сейчас Шуллер нашел его сильно изменившимся. Спиноза похудел, осунулся, потемнел в лице.

За четыре месяца до своей кончины, в ноябре 1676 года, Спиноза принял Лейбница. С первой минуты их встречи возникло ясное и молчаливое взаимопонимание. Лейбниц задал какой-то вопрос, Спиноза на него ответил, и между ними завязалась беседа, точно они уже давно знали друг друга.

Лейбниц расхаживал по кабинету крупными шагами, заложив руки в карманы. Говорил вычурно и велеречиво.

Спиноза спокойно сидел в своем кресле, спорил мягко, с мудрой улыбкой. Говорил лаконично и выразительно. В спорах и дискуссиях проступала его глубокая ивершенная простота. В его словах ощущалось дыхание природы, бескрайней и вечной. Несмотря на тяжелое физическое состояние, Спиноза светился изнутри духовной красотой, которая преображала его лицо и делала его пленительно-живым.

Под влиянием беседы Лейбниц преобразился. Сухость и надменность как будто рукой сняло. Большая и кристально чистая личность Спинозы вносила ясность, глубину и благородство во все проблемы жизни, поднятые во время дискуссии. Лейбниц был очарован Спинозой, неповторимостью его образа, души и обаяния. В своих «Новых эссе» («Nouveaux Essays») он записал: «Я одно время был склонен к спинозизму», «Спиноза — прекрасный человек с прекрасной биографией».

Немецкий историк философии Гомперц нарисовал картину, воссоздающую обстановку и социально-идейный смысл исторической встречи двух гигантов мысли. Гаага зимой 1676 года, комната в домике живописца ван де Спика. Скучная обстановка. Видное место в ней занимают станок для шлифовки линз, первобытного устройства микроскоп, отшлифованные стекла. На стенах несколько гравюр и эстампов. В комнате два человека. Старший, хозяин, с смуглыми чертами южного типа, с густыми, вьющимися длинными черными кудрями. Лицо его носит на себе печать изнурительной болезни, которая через несколько месяцев сведет его в могилу, но оно спокойно и ясно, это лицо мудрого и свободного человека, никогда не думающего о смерти. Простая одежда его, носящая явные следы всеразрушающего времени, представляет резкий контраст с изящным дорожным костюмом гостя, тридцатилетнего еще человека, но уже с слегка облысевшей головой, дорожащего своей внешностью. Они только что оживленно разговаривали, и теперь гость садится к письменному столу и набрасывает свои мысли на бумагу, от времени до времени поднося ее к своим сильно близоруким глазам.

«Как жаль, — заканчивает Гомперц описание этой встречи, — что честный художник ван де Спик не подслушал, о чем говорили собеседники! Мог ли он, впрочем, знать, что в этот момент под его скромной кровлей нашли себе приют две эпохи в истории человеческой мысли, причем в лице старшего из собеседников воплотилась более молодая эпоха, в лице младшего — старая...»

Философия Спинозы озаряла путь грядущего, учение Лейбница вызывало тень прошлого. В противоположность философии единой субстанции Лейбниц утверждал, что в основе всего сущего лежат монады — «души мира», действующие по соизволению бога. Ленин писал: «Монады — души своего рода. Лейбниц — идеалист. А материя нечто вроде инобытия души или киселя, связующего их мирской, плотской связью»¹.

Спиноза и Лейбниц — антиподы. Первый возвеличил разум, утверждая, что он способен раскрыть подлинную сущность природы и всех вещей. Второй окутал разум туманом мистики, утверждая, что в душе человека в силу божественного соизволения имеются идеи всех вещей, содержатся «изначально принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом».

Для Спинозы нет другого бога, кроме природы; для Лейбница нет другого основополагающего принципа, кроме бога, церкви и теологии.

Лейбниц постулировал бога из идеи о нравственной основе мира. Спиноза отрицал бога, исследуя земное происхождение и содержание морали. «Души, — писал Лейбниц, — следуют своим законам, которые покоятся на известном развитии восприятий с точки зрения добра и зла, и тела также следуют своим законам, которые покоятся на правилах движения; и все-таки оба эти от природы совершенно различные существа встречаются и согласуются друг с другом, словно пара часов, совершенно правильных и на одинаковый ход заведенных, хотя, быть может, и совершенно различных конструкций. Это и есть то, что я называю предустановленной гармонией, или богом». А Спиноза утверждал, что под добром следует понимать «то, о чем мы наверняка знаем, что оно нам полезно», а под злом — то, «о чем мы наверняка знаем, что оно препятствует нам обладать каким-либо добром».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 379.

Спиноза — честный солдат, посвятивший свою жизнь беспощадной борьбе за свободу мысли. Лейбниц — благочестивый сочинитель проекта строгой цензуры против «крайних учений». У Спинозы полное отсутствие тщеславия, он запрещает выставлять на произведениях его имя, «ибо, кто желает помогать людям советом, не будет привлекать людей с той целью, чтобы известное учение получило от него свое имя». У Спинозы личное становится сверхличным. У Лейбница на первом месте его «я». Он вечно в погоне за великосветскими отличиями и вечно погружен в омут придворных интриг. Спинозе противны награды, потому что «за заслуги награждают только рабов». Лейбницу приятны любые знаки внимания, исходящие от «великих мира сего». Спиноза постоянно ограждает ее от рационалистической критики. Спиноза — последователь Демокрита, Лейбниц — Платона.

Общественное значение непримиримой борьбы двух партий в философии, включая партию Спинозы и партию Лейбница, с особой силой и образностью выразил Горький. В своем дневнике он писал:

«В мире живут две мысли: одна, смело глядя во тьму загадок жизни, стремится разгадать их, другая признает тайны необъяснимыми и, в страхе перед ними, обоготворяет их...

Первая идет сквозь хаос явлений бытия, бесстрашно касаясь всего на трудном пути своим и все оживляя энергией своей, даже немые намеки заставляет она красноречиво рассказывать о начале жизни, вторая пугливо бросается из стороны в сторону, безуспешно пытаясь найти оправдание своего бытия.

— Существуют ли я? — спрашивает она сама себя, тогда как первая говорит:

— Я — действую!..

Одна — философствует из любви к мудрости, будучи мужественно уверена в силе своей; другая — размышляет со страха, в чаянии победить страх.

Они обе свободны, одна — как всякая энергия,

другая — как бездомная собака, она визжит перед каждой дверью, за которой чувствуется тепло, покой и дешевенький уют.

Чаще всего эта вторая мысль пресмыкается на персях храмов, умоляя о милостыне внимания к ней — силу, созданную ее же страхом.

Это она, разлагаясь, отравляет землю ядами... мистики, первая же мысль на пути своем украшает мир дарами искусства и науки.

СМЕРТЬ И БЕССМЕРТИЕ

Зимой 1676/77 года Спиноза часто болел. Лихорадка и кровохарканье не покидали изнуренное тело философа. Цвет его лица приобрел сероватый оттенок, губы стали бескровны. Процесс в легких все распознал. Появились симптомы и туберкулеза кишечника. Шуллер все чаще и чаще приезжал из Амстердама, чтобы оказывать возможную медицинскую помощь своему великому учителю и другу. Он хорошо понимал, что Спиноза смертельно болен. 6 февраля 1677 года Шуллер сообщил Лейбницу: «Боюсь, что господин Спиноза нас скоро покинет. Болезнь, унаследованная от матери, причиняет ему ужасные боли. С каждым днем ему становится все хуже и хуже».

Спиноза понимал, что он умирает, без страха смотрел в будущее, не проклинал свою судьбу, считая ее неотвратимой.

В субботу 20 февраля 1677 года философ еще весело шутил с Маргаритой Спик и просил ее переписать содержание проповеди, которую пастор произнес во время субботней литургии.

В этот же день Спиноза долго беседовал с Гендриком Спиком, делился с ним своими будущими научными и философскими планами. Вот сейчас он пишет XI главу своего «Политического трактата». Новый трактат расскажет людям о том, что такое право и государство, о естественном и гражданском состоянии людей, о различных формах правления и лучшей из них — демократической. По окончании

трактата он обязательно возьмется за большой труд, который получит название «Философия природы». В нем более обстоятельно будут рассмотрены те проблемы, которые были лишь намечены в первой части «Этики».

Спиноза почувствовал какой-то особый подъем, прилив свежих сил. Внутренним зрением он обнял всю сложность и цельность предстоящих своих сочинений, их внутреннюю связь с «Этикой». Нет, так скоро он не умрет! Намеченные планы будут воплощены.

Под вечер он поднялся к себе в мезонин в приподнятом настроении. Рано лег спать.

На другой день, в воскресенье, он по обыкновению чуть свет уже не спал. Некоторое время поработал за письменным столом. Затем спустился вниз к хозяевам и застал у них Шуллера. Спиноза обрадовался гостю и пригласил его к себе.

Супруги Спик ушли в церковь. Шуллер вскоре после осмотра больного тоже ушел. Никто не предполагал, что конец так близок. Когда Спики вернулись днем домой, они нашли своего постояльца навеки уснувшим в своем кресле.

21 февраля 1677 года, в 3 часа дня скончался Бенедикт Спиноза. Он жил 44 года, 2 месяца и 27 дней. Короткая жизнь его представляла собой непрерывный процесс раскрытия его внутренних духовных сил, направленных на познание сокровенных начал природы во имя человеческого совершенства, добра и счастья.

Маргарита Спик была потрясена. У кресла Спинозы она упала на колени. Вся в слезах, она начала молиться: «Святой Спиноза! Знал ли ты, как ты был нужен людям, любим, высок и прекрасен!»

Устами этой простой женщины из народа прогрессивные люди века как бы выразили свои глубокие чувства скорби по поводу утраты человека, вокруг очага разума которого объединилось все живое и передовое.

Нотариус Виллем ван де Хаве составил опись имущества и опечатал комнаты умершего. Лавочки

налетели со своими счетами. Они потребовали немедленной распродажи всех вещей философа, чтобы вырученной суммой покрыть его долги. Художник их успокоил, что все будет оплачено, и выгнал из дома. 25 февраля состоялись похороны. Никаких речей не было произнесено. За гробом молча шли его верные друзья и почитатели...

Кое-кто уже составил «плакат» о том, что в Гааге, в доме живописца Гендрика ван де Спика, который живет на Павильонсграхте, расположенной напротив улицы Дубелеса, в ближайший четверг, в 9 часов утра начнется распродажа вещей умершего Бенедикта Спинозы, а именно: книги, рукописи, лорнеты, увеличительные стекла, линзы и различные инструменты для шлифовки линз, а также наждачные камни, большие и малые, металлические ванночки и т. п.

Гендрик Спик с помощью матросов спас от жадных и ненавистных рук лавочников то, что обессмертило имя Спинозы, что стало достоянием культуры и навсегда вошло в золотой фонд человеческого познания самых глубинных загадок природы.

Через несколько дней после похорон Спик запаковал все письма и рукописи Спинозы и отправил их в Амстердам. 25 марта 1677 года он получил уведомление от Яна Риувертса, что моряки, которым было вверено литературное наследие философа, аккуратно его доставили.

Риувертс вместе с другими близкими друзьями начали немедленно готовить издание трудов Спинозы. В «Посмертные произведения» были включены «Этика», «Политический трактат», «Трактат об усовершенствовании разума», «Письма некоторых ученых мужей к Б. д. С. и его ответы, проливающие немало света на другие его сочинения»¹ и «Грамматика древнееврейского языка». В июне 1677 года все было подготовлено для печатания.

В предисловии к «Посмертным произведениям» друзья Спинозы знакомят читателей с биографией

¹ Опасаясь цензуры и преследований, составители «Посмертных произведений» часть писем уничтожили.

философа и объясняют, почему имя автора на главном листе и в тексте книги обозначено инициалами. «Мы это сделали, — пишут они, — потому, что автор накануне своей смерти открыто заявил, чтобы его имя не фигурировало на «Этике», которую он при жизни полностью подготовил к изданию». Очевидно, философ не хотел, чтобы обоснованное им учение носило его имя. Оно принадлежало всему человечеству.

Предисловие заканчивается словами: «Искренне любящие истину и стремящиеся к точному познанию сущности вещей будут глубоко опечалены тем, что многие произведения нашего философа не закончены. Горько и обидно, что смерть так рано уничтожила того, кто удивительно преуспевал в исследовании истины и находился в расцвете своих творческих сил. От него можно было ожидать как завершения его трудов, так и строгую законченность его философии».

Не успела еще типографская краска высохнуть на «Посмертных произведениях», как мракобесы подняли против них дикий вой. «Плакат» Соединенных провинций Голландии от 25 июня 1678 года осудил труды Спинозы, предал их анафеме, запретил переводить их с латинского на язык народа, печатать и продавать. Однако спинозизм жил и продолжает жить. Он вдохновлял великих борцов за свободу и счастье людей XVIII и XIX веков. Он и в наше время с теми, кто посвятил свою жизнь борьбе за социальный прогресс и демократию.

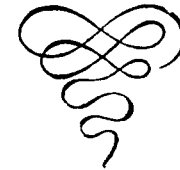
В день, когда минуло 200 лет со дня кончины Спинозы, благодарное человечество заложило ему памятник. Он был сооружен по проекту парижского скульптора Фредерика Гексамера у фасада дома, где философ жил последние годы. 14 сентября 1880 года состоялось торжественное открытие памятника. Участник этого открытия Бертольд Ауэрбах писал: «Мыслитель изображен сидящим, одетым в простой костюм того времени, в котором он жил; поза простая, голова опирается на правую руку; в чертах лица сказывается восточное происхождение и физиче-

ская истощенность, но она облагорожена прекрасным выражением просветленной человечности».

Немецкие фашистские орды, оккупировавшие в 1940 году Голландию, со звериной злобой набросились на все передовое и мыслящее. Они не могли спокойно пройти мимо памятника Спинозе. Один из гитлеровских молодчиков пытался срубить голову изваяния. После долгой дикой возни он нанес повреждения горлу статуи и ушел в пивную.

Так в годы великой битвы за свободу и независимость народов сидел в кресле Спиноза в бронзе с открытой раной, символизирующей его активное сострадание передовому человечеству, истекающему кровью в его справедливой борьбе против фашизма, грубой силы и произвола.

В наши дни реакционные идеологи буржуазии пытаются своей превратной интерпретацией спинозизма поставить его на службу мистике и расизму. Однако все эти попытки обречены на провал. Погасить живой огонь трудов Спинозы никому не удастся! Спиноза прочно стоит в рядах борцов за подлинную свободу, светлую радость и великое счастье людей, строящих жизнь на принципах социальной справедливости и социального прогресса.

ся с философом и оказывавшие непосредственное влияние на формирование его характера, учения и личности.

В этой работе я стремился показать жизнь Спинозы как непрерывный процесс, выявить ту жизненную нить, на которую нанизана вся его деятельность как человека и как философа.

Насколько мне удалось это, судить не мне, а моим читателям.

М. Беленький

Послесловие

Мой рассказ подошел к концу. Думается, что читатель смог убедиться, что Спиноза — явление сложное и громадное.

«После Бруно, — говорил Герцен, — философия имеет одну великую биографию *del gran Ebro* науки — Спинозы». Величие его жизни в той удивительной целостности, которая активно выражена в произведениях мыслителя и в линии его поведения.

Воссоздание гармонического мира Спинозы не обошлось без интерпретации фактов. Выбор позиции в таком случае играет для автора решающую роль. Для моего повествования высказывания Маркса, Энгельса и Ленина об эпохе и учении великого амстердамца явились основополагающими принципами.

Я пытался восстановить облик философа, его среду, духовную атмосферу, пользуясь не только имеющимися подлинными документами, но и правами домысла, законами исторического и художественного правдоподобия.

К вымыслу относятся письмо Клары-Марии к Иаиль, появление Гуго Бокселя в доме Мормана на собрании коллегантов, сценка в таверне «Свободомыслящих» и некоторые другие зарисовки и детали.

Однако входящий в книгу «художественный материал» имеет историческое основание. Клара-Мария, Гуго Боксель — реальные люди, часто встречавшие-

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б. СПИНОЗЫ

- 1632, 24 ноября. Рождение Баруха (Бенедикта) Спинозы.
1638, 5 ноября. Смерть матери.
1639, осень. Барух поступает в религиозное училище «Древо жизни».
1652, лето. Первый вызов в судилище.
1652, осень. Поступление в школу Франциска ван ден Эндена.
1654, 30 марта. Смерть отца.
1655. Знакомство с Общесгвом коллегантов.
1656, 27 июля. Амстердамские раввины предают Спинозу анафеме.
1656. Изгнание из Амстердама.
1656. Первый набросок «Краткого трактата о боге, человеке и его блаженстве».
1657. Возвращение в Амстердам.
1659. Образование кружка спинозистов в Амстердаме.
1660. Вторичное изгнание из Амстердама. Рейнсбург. Написание «Трактата о радуге». Завершение «Краткого трактата о боге, человеке и его блаженстве».
1661. Приезд в Рейнсбург Генриха Ольденбурга.
1661, зима. Работа над «Трактатом об усовершенствовании разума» (остался незавершенным).
1663, апрель. Поездка в Амстердам, где друзья ратуют за издание «Основ философии Декарта».
1663, май. Переезд из Рейнсбурга в Ворбург.
1663, весна. Начало работы над «Этикой».
1663, осень. Выход из печати «Основ философии Декарта».
1664, декабрь. 1665, январь. Спиноза гостит в селении Де Ланге Богарт.
1665, конец лета. Приезд в Ворбург Яна де Витта.
1665, сентябрь. Начало работы над «Богословско-политическим трактатом».
1665—1670. Перевод на голландский язык Библии (Ветхого завета).

- 1668, лето. Завершение «Богословско-политического трактата».
1670, весна. Переезд в Гаагу.
1670, осень. Выход из печати первого (анонимного) издания «Богословско-политического трактата».
1671. Завершение составления древнееврейской грамматики.
1672, 29 июня. Зверское убийство Яна де Витта. Спиноза составляет прокламацию, призывающую к народному восстанию.
1673, 16 февраля. Приглашение на кафедру философии в Гейдельбергском университете.
1673, лето. Поездка в Утрехт, в ставку французских войск, с дипломатическим поручением.
1675. Завершение «Этики». Начало работы над «Политическим трактатом» (остался незавершенным).
1675, сентябрь. Поездка в Амстердам.
1676, ноябрь. Визит Лейбница.
1677, 21 февраля. Кончина Спинозы.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Б. Спиноза, Избранные произведения в двух томах. М., Госполитиздат, 1957.
К. Ярош, Спиноза и его учение о праве. Харьков, 1877.
И. Колерус, Жизнеописание Спинозы. (См. «Переписка Бенедикта де Спинозы с приложением жизнеописания Спинозы Колеруса», СПб., 1891.)
Ф. Шперк, Система Спинозы. СПб., 1893.
Б. Ауэрбах, Спиноза. Жизнь мыслителя. СПб., 1894.
Дж. Льюис, Жизнь и учение Спинозы. СПб., 1895.
Г. Паперна, Спиноза, его жизнь и философская деятельность. СПб., 1895.
М. Базилевский, Дон Хасдай Крескас и Спиноза. Одесса, 1897.
А. Введенский, Об атеизме в философии Спинозы. М., 1897.
С. Ковнер, Спиноза, его жизнь и сочинения. Варшава, 1897.
Э. Сессэ, Еврейская философия. Маймонид и Спиноза. Одесса, 1898.
В. Болин, Спиноза. Биографический и культурно-исторический очерк. СПб., 1899.
К. Фишер, Бенедикт Спиноза. История новой философии, т. II. СПб., 1906.
Р. Вормс, Мораль Спинозы. СПб., 1908.
В. Половцев, К методологии изучения философии Спинозы. М., 1913.
Л. Робинсон, Метафизика Спинозы. СПб., 1914.
В. Беляев, Лейбниц и Спиноза. СПб., 1914.
С. Кечекьян, Этическое мирозерцание Спинозы. М., 1914.
В. Шилкарский, О панлогизме у Спинозы. М., 1914.
В. Чучмарев, Материализм Спинозы. М., 1927.
Б. Быховский, Был ли Спиноза материалистом? Минск, 1928.

- Л. Маньковский, Спиноза и материализм. М.—Л., 1930.
В. Вандек, Очерк философии Спинозы. М., 1932.
А. Луначарский, Барух Спиноза и буржуазия. М., 1933.
П. Мильнер, Бенедикт Спиноза. М., 1940.
М. Беленький, Акоста, Спиноза, Маймон. М., 1941.
М. Беленький, Спиноза и его критика Библии. «Вопросы истории, религии и атеизма». М., 1958.
М. Беленький, Об атеизме Спинозы. «Философские науки» № 3, М., 1959.
О. Лейст, Учение Спинозы о государстве и праве. 1960.
K. Meinsma, Spinoza en Zijn Kring's. Haag, 1896.
F. Pollok, Spinoza, His Life and Philosophy. London, 1899.
I. Freudenthal, Die Lebensgeschichte Spinozas in Quellschriften. Leipzig, 1899.
I. Freudenthal, Spinoza. Leben und Lehre. Heidelberg, 1927.
C. Gebhardt, Spinoza. Vier Reden. Heidelberg, 1927.
S. Dunin-Borkowski, Spinoza nach dreihundert Jahren. Berlin, 1932.
S. Dunin-Borkowski, Der Junge de Spinoza. Muenster, 1933.
H. Serouya, Spinoza. Sa vie, sa philosophie. Paris, 1947.
H. Wolfson, The Philosophy of Spinoza. Cambridge-Harvard, 1948.
J. Dunner, Baruch Spinoza and Western Democracy. New-York, 1955.
L. Feuer, Spinoza and the Rise of Liberalism. Boston, 1958.
L. Kolakowski, Jednostka i nieskończoność. Wolność i antynomie wolności w filozofii Spinozy. Warszawa, 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	
Годы юности и самоопределения	5
Глава вторая	
С веком наравне	45
Глава третья	
Годы трудов и раздумий ,	92
Глава четвертая	
В расцвете творческих сил ,	128
Глава пятая	
Итог жизни	172
Послесловие	232
Основные даты жизни и деятельности Б. Спинозы	234
Краткая библиография	236

Беленький Моисей Соломонович

СПИНОЗА М., «Молодая гвардия», 1964.
240 с с илл. 13 л. («Жизнь замечательных людей».
Серия биографий Вып. 12(387).)

1Ф

Редактор *М Брухнов*
Обложка художника *Ю Арндта*
Заставки художника *М. Алексеева*
Художественный редактор *А Степанова*
Технический редактор *Е Михалева*

A109014. Подп. к печ. 12/VIII 1964 г. Бум 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 7,5(12,3) + 13 вкл Уч -изд. л. 11,6. Тираж 65 000 экз.
Заказ 871. Цена 53 коп. Т. П 1964 г. № 295.

Типография «Красное знамя» изд ва «Молодая гвардия»,
Москва, А-30, Сущевская, 21.